

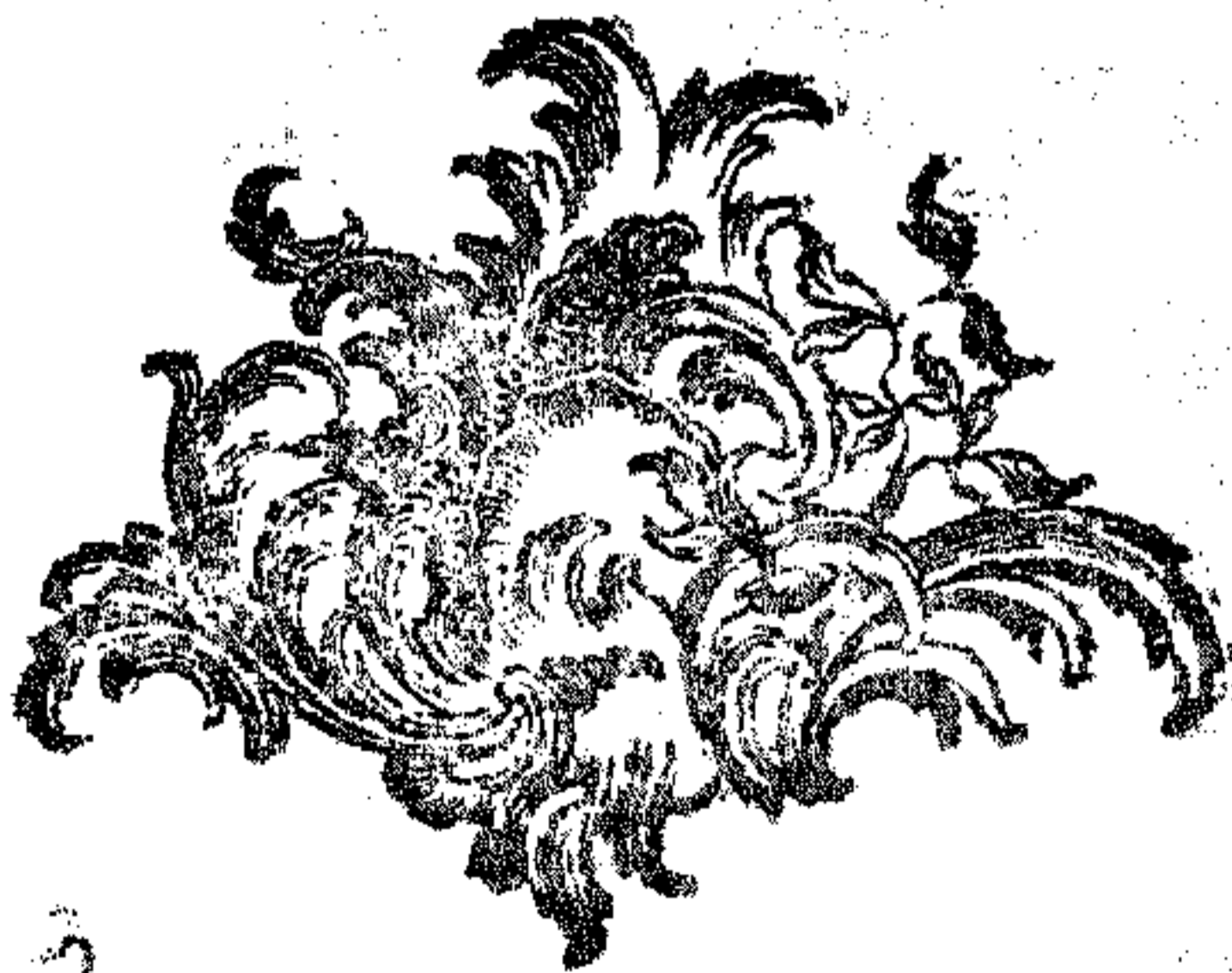
СЛАВЕНСКІЯ
ДРЕВНОСТИ,

или

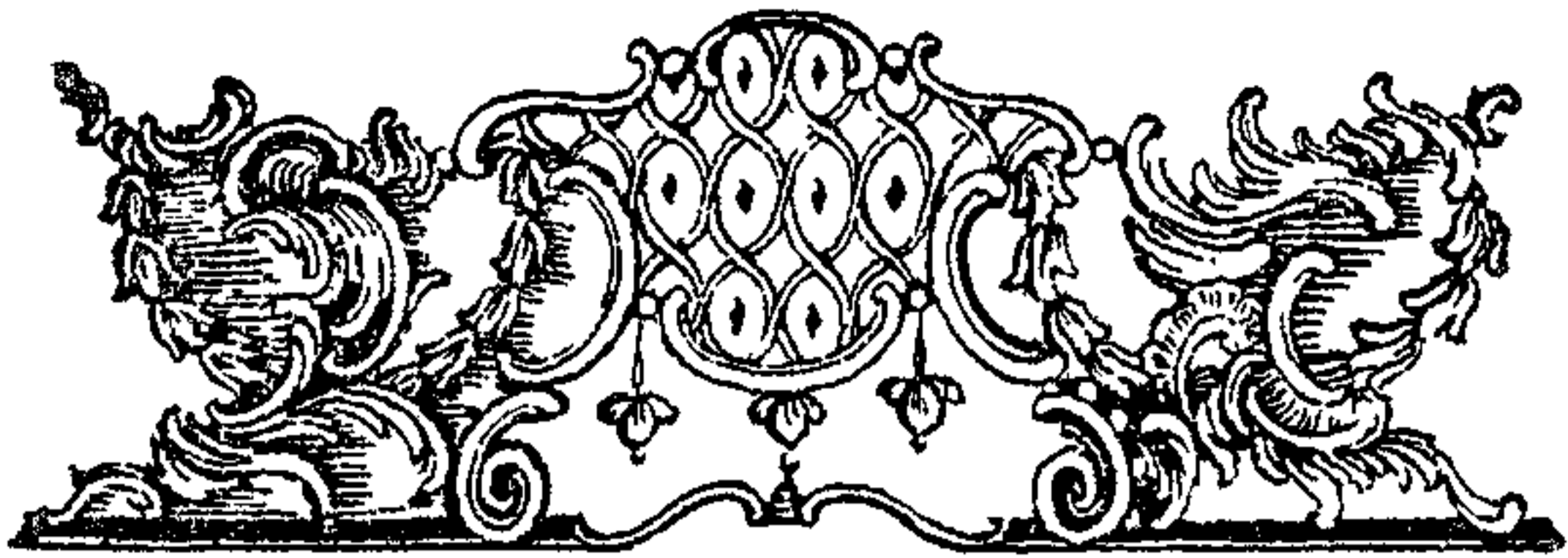
ПРИКЛЮЧЕНІЯ

СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕ

Часть I.

Въ Санктпетербурѣ 1770 года.

СЛАВЕНСКІЯ
ДРЕВНОСТИ,
ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНІЯ
СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Славенъ, родоначальникъ и пра-
о отецъ первыхъ Славенскихъ Кня-
зей, знаменитый именемъ, и пре-
славный дѣлами, былъ первый, по на-
шимъ древнимъ Лѣтописцамъ, который
переселился со своимъ народомъ изъ Азии
въ Европу, и построилъ въ память име-
ни своего городъ Славенскъ, по близости
того мѣста, гдѣ потомъ построенъ ны-
нѣшній Новгородъ. Сей Государь, утвердивъ
новую свою столицу покореніемъ сего

ственныхъ народовъ , получилъ имя великаго война , и славнаго обладателя . Не извѣстно, имя ли его собственное, или слава дѣла его снискала подданнымъ его нарицаніе Славянъ ; извѣстно только , что какъ при немъ , такъ и при потомкахъ его храбрые Славяне подтверждали имя свое множествомъ преславныхъ побѣдъ и подвиговъ .

Потомство сего Князя процвѣтало всегда славою храбрыхъ дѣла , и разпространило свои завоеванія на подобіе древнихъ Римлянъ . Всѣ Государи и ками ихъ союза , и почитали Славенскъ такимъ городомъ , гдѣ самая храбрость обитаетъ . Одинъ изъ сихъ потомковъ славеныхъ , именемъ Богославъ , любя миръ , и ненавидя брани , прославился болѣе своихъ предшественниковъ ; ибо онъ былъ столько добродѣтеленъ , что подданные его еще живъ , начали его обожать , думая , что человекъ не можетъ имѣть такихъ высокихъ качествъ , какія имѣлъ сей Князь . Со вступленія своего на престолъ не пролилъ онъ ни одной капли крови подданныхъ своихъ ; ниже воевалъ съ своими сосѣдями , починяя такое дѣло збрешвомъ , и думая , что человекъ болѣе безславиша симъ , нежели прославляеши .

вляется. Благочестіе его было примѣромъ его подданнымъ: онъ былъ со всѣми искрененъ, кропокъ и привѣпливъ, но наипаче всего правосуденъ, щедръ и спраннопріемливъ; любилъ науки и художества, и украшалъ свою столицу всякими великолѣпіями и достопамятностями; награждалъ достоинства и заслуги щедро, а пороки и преступленія человѣколюбно наказывалъ; повседневно пекся о пользѣ и пишинѣ своихъ подданныхъ, копорыхъ почиталъ не невольниками, но чадами своими; и наконецъ до того довелъ благоденствіе ихъ, что не находилоя ни одного такого челвѣка въ его державѣ, копорый бы жаловался на скудость.

Ибо въ государствѣ его заведено было премножество разнаго рода заводовъ и фабрикъ, на коихъ дѣлали всякія вещи, какія только были въ употребленіи въ тогдашнее время. Индѣ ткали парчи, бархаты, шпофы, и другія шелковыя матеріи; тамъ дѣлали сукна, полошна, и все то, что челвѣку для одѣянія потребно. Въ другихъ мѣстахъ выкапывали изъ земныхъ нѣдръ разные металлы, и по очищеніи ихъ дѣлали изъ оныхъ всякія дорогія сосуды и орудія, для велико-

лѣпія и пользы всенародной. Однимъ словомъ, не было такого искусства, которое бы въ сей благополучной Державѣ могло уйти отъ рукъ щастельныхъ ея обитателей. И малоіи и старои были тамъ въ дѣлѣ, которое сходствовало съ ихъ силами и знаніемъ. Всѣ содержатели такихъ заводовъ и фабрикъ, плащили государю подать, которая весьма увеличивала его сокровище, а имъ была ни мало не ошягопительна. Люди тамъ не имѣли нужды въ чужестранныхъ поварахъ; ибо все нужное имѣли дома; а иностранцамъ тогда только давали деньги, когда отъ нихъ хотѣли научиться какому нибудь новому мастерству. Модъ и ошкуповъ между ними не было: роскоши тамъ не знали, и также лѣности; ибо людей впадавшихъ въ сіи пороки жестоко тамъ наказывали. И такъ, всякой у нихъ работающій, наживалъ себѣ довольный хлѣбъ, и не имѣлъ нужды въ чужой помощи. Одни только увѣчные и дряхлые прибѣгали къ Княжеской щедрости: и получивъ себѣ отъ него довольное пропитаніе, ошсылалися въ больницы и гостиницы.

Всякой жишель сея благополучныя страны любилъ Богослава искренно, и почишалъ

почиталъ его Богомъ подателемъ благъ: а онъ судя ихъ малыя распри, [ибо большія рѣдко шамъ сказывають случались,] спановился имъ еще любезнѣе, разбирая ихъ ссоры какъ ошцы, и спараяся ихъ примиришь, промышляя имъ безмяшежную и блаженную жизнь.

Сей добродѣтельный Государь, лишившись своей жены на десятомъ году по бракѣ своемъ съ нею: онъ столько ее любилъ и почиталъ ея память, что не хотѣлъ уже по смерти ея ни какой другой красавицѣ дать мѣша въ своемъ сердцѣ. Супруга его оставила ему сына и дочь: сынъ занималъ всѣ черты его лица, а дочь сходствовала во всемъ съ прекрасною своею матерью. Богославъ ихъ столь любилъ, что просиживалъ иногда по нѣскольку часовъ смотря и любуясь на нихъ. Любви своей между ими онъ не раздѣлялъ, шакъ какъ дѣлають се нѣкоторые ошцы и машери: они ему оба равно были любезны; и онъ все свое спараніе въ то шолько упошреблялъ, чшобы разными науками просвѣпшишь ихъ разумъ и поняшіе, и здѣлать ихъ шѣмъ достойнѣйшими любви своей, и подданныхъ его.

Наконецъ сынъ его, именемъ Свѣшло-
санъ, достигнувъ семнадцатаго года сво-
его возраста, показалъ въ себѣ совокуп-
но всѣ шѣ качества, которыя въ состо-
яніи украсишь Героя: оспрошѣ его разу-
ма удивлялися всѣ остроумнѣйшіе Муд-
рецы того времени; понятіе его пости-
гало почти всѣ шѣ науки, которыя
тогда извѣстны были. Чтожъ касается
до шѣлесныхъ его достоинствъ, то
стройность его сана, красота его ли-
ца, осанка, взоръ, и пріяшныя шѣло-
движенія всякаго приводили въ восхище-
ніе, и заспавляли видя его говорить:
вошѣ прямо Княжескій сынъ! Напрошивъ
того и Милослава, сестра его, не мень-
ше приводила въ удивленіѣ смотрящихъ
на нее. Все въ ней было прелеспно: вы-
сокой и стройной ея санъ, украшенный
Княжескою багряницею; самая прелесп-
нѣйшая голова, поддерживаемая шѣею,
подобною въ бѣлизнѣ снѣгу, которую
украшали гемнорусые волосы, віющіеся
колечками, и пущенные на игру въшровъ;
цвѣшѣ лица бѣлѣйшій лилей, живошво-
ряющейсѣ румянцомъ нѣжнѣйшимъ розъ,
ясные и быспрые глаза, блистательнѣй-
шіе солнечныхъ лучей, и украшенные
темными шонками бровями, извившими-

ся полукругомъ ; и сняшой съ самыхъ Пріятностей носъ, подъ копорымъ блистали уста, на подобіе развивающихся нѣжнѣйшихъ розъ; и безчисленныя шьмы прелестей, повсюду ее окружающихъ, не иначе ее представляли зришѣлямъ, какъ самую Ладю, богинею любви. Разумъ ея столькоже былъ прелестенъ, какъ и красота ея; словомъ сказать, Свѣтлосанъ и Милослава почишались чудомъ тогдашняго вѣка.

Счастливыи ихъ отецъ несказанно утѣшался, видя у себя таковыхъ дѣтей, копорымъ во всемъ свѣтѣ несыскивалось тогда подобныхъ, ни въ красотѣ, ни въ разумѣ. Не оставалось ему инова счастья имъ пожелать, кромѣ приличнаго и пріятнаго союза. И едва только о семъ даль знать, что желаетъ сына своего женить, а дочь выдать за мужъ, то вдругъ изъ окрестныхъ Государствъ наѣхала къ нему шьма Царскихъ и Княжескихъ дѣтей, льсшая каждый получить за себя Княжну; напрошивъ того для Свѣтлосана навезли столько изображений красавицъ разнаго рода, что наполнили ими всѣ спѣны кабинетовъ.

Богославъ пришедъ отъ того въ недумѣніе, не зналъ что начать въ ша-

комъ обстоющельствѣ: на концу вѣлѣлъ кликать кличь, что пошѣ избъ жениховъ получитѣ себѣ Милославу вѣ жену, кто учинитѣ такое дѣло, которое всѣхъ удивитѣ, и коего никто другой превзойти не возможетѣ. Обнародованіе сіе, привело всѣхъ жениховъ вѣ движеніе: всякой началъ помышлять избъ нихъ, чѣмъ бы превзойти своего соперника, дабы здѣлаться счастливымъ обладателемъ прелестней Милославиныхъ.

Для сего важнаго случая былъ назначенъ день, вѣ которой всѣ пребывавши Милославины долженствовали сѣхъхаться на Княжескій дворъ, которой былъ великаго пространства, и украшенъ самыми рѣдкими испуканами: на ономъ должныствовали они оказывать свое превосходство надъ прочими. На канунъ того дня провозвѣстникъ объявилъ всему городу, что вѣ будущей день станутъ препираться Милославины женихи о первенствѣ; и чшобъ народъ сходился на Княжескій дворъ ихъ смотрѣть.

По наступленіи назначеннаго дня, почти весь городъ спеся на опредѣленные мѣста къ смотрѣнію: вскорѣ прибыли и женихи Милославины; а за ними и Богославъ, провождаемый Свѣтлосла-
номъ,

номъ, Милославою, и многими вельможами своего двора. Когда всѣ сѣли по мѣстамъ, тогда паки провозгласиша гласъ объявилъ препирающимся, въ подтвержденіе прежняго, что Милославу получишь шопъ, кто окажется себя досшойнѣйшимъ прочихъ. Тогда женихи, ободренные снова, составляють кругъ и совѣщающа, какое имъ избрать дѣйствіе къ своему прославленію. Многія были предложенія, возраженія и споры: напослѣдокъ, по господствующей тогда повсюду мысли къ военнымъ дѣламъ, положили препираться оружіемъ, и побѣдишело уступитъ не оубненное обладаніе прекрасныя Милославы.

И такъ раздѣлясь на часпи, мечуть жеребей, кому начашь славное сіе сраженіе: оный палъ на Вельдюзя, Полошскаго Князя, и на Лѣпозора, Печенѣскаго Государя. Тогда всѣ прочіе рыцари раздавшись, оставили пространное мѣсто по симъ прошивоборцамъ. Но они следва подѣхавъ ко крыльцу, съ котораго смотрѣлъ Богославъ на ихъ препираніе, преклонили предъ нимъ свои копья, въ знакъ своего къ нему почщенія и преданности; а попомъ опѣхали на мѣсто сраженія. Всѣ зришѣли усрешили

на нихъ свои глаза , и приготоуилися
 восплескашь побѣдишелю. Рыцари развѣ-
 хавшись , и опдавъ чеснь другъдругу ,
 приготоуились защищашь свое право на
 Княжну до послѣдней капли крови. Пече-
 нѣгъ первой началъ сраженіе: взявъ отъ
 оруженосца своего дрошикъ , пустилъ
 имъ въ своего соперника. сильнымъ ма-
 хомъ. Полочаннъ принявъ его въ спаль-
 ный свой щитъ , безъ всякаго себѣ вреда ,
 взявъ копье , и пошрясая имъ , грозилъ
 скорою смертію Лѣпозору , который
 упряжая свое несчастіе на прягъ лукъ , и
 изпустилъ на него вдругъ при стрѣлы.
 Но Вельдюзъ опразя и ихъ своимъ ши-
 томъ , поразилъ Печенѣга тяжлымъ сво-
 имъ копьемъ , и однимъ ударомъ ниспро-
 вергъ его во адъ.

Всѣ зрители заплескали въ чеснь
 побѣдишелю , и осыпали его похвалами ;
 но Богославъ , увидя лющуюся человѣче-
 скую кровь , воспрепешалъ и отвратил-
 ся отъ сего ужаснаго позорища. Побѣди-
 телъ между шѣмъ подвѣхалъ къ Княже-
 скому крыльцу для полученія чаемыхъ
 имъ похвалъ , которыхъ онъ не сомнѣн-
 но себѣ надѣялся. Но Богославъ , воспре-
 воженный симъ кровавымъ зрѣлищемъ ,
 далъ знашь рукою народу , чшобъ оный
 умолкъ.

умолкъ. „О храбрости своей не можно
 „сомнѣваться; говорилъ онъ пошомъ,
 „обращаясь къ Полоцкому рыцарю: сей
 „несчастный Печенѣгъ ясный тому сви-
 „дѣтель; но я не могу терпѣть при
 „глазахъ моихъ убіенія неповинныхъ и
 „благородныхъ сихъ Князей. Совѣсть
 „меня уже терзаетъ, что я допустилъ
 „тебя до сраженія съ симъ юнымъ Кня-
 „земъ, и допустилъ тебя его умертвить.
 „Ужасный Чернобогъ конечно отмститъ
 „мнѣ сіе погрѣшеніе. Скипешръ мой до
 „сихъ поръ не обогрился ничьею кровію;
 „и Боги за сіе всегда ко мнѣ были щед-
 „ры. И такъ, храбрый Князь! ежели ты
 „хочешь показать себя достойнѣйшимъ
 „прочихъ; такъ покажи такимъ дѣ-
 „ломъ, которое бы другимъ не вредно
 „было. По окончаніи словъ своихъ здѣ-
 „лалъ знакъ, чтобъ и другіе рыцари
 „подѣхали къ нему, которыхъ онъ увѣ-
 „щевалъ подобнымъ образомъ, и совѣто-
 „валъ имъ явить свое достоинство не
 „вреднымъ, а полезнымъ человѣчеству
 „дѣйствіемъ

Когда Князь пересталъ говорить,
 тогда гордящейся своею побѣдою Вель-
 дюзь, снявъ свой шлемъ, началъ такъ
 говорить Славенскому Владѣтелю. „Госу-
 дарь!

„дарь! не безвѣстно я чаю тебѣ,
 „что Славяне, съ начала пришествія сво-
 „его въ Полуночныя страны, сыскали
 „себѣ земли, богатства и славу однимъ
 „своимъ оружіемъ и храбросію. Войною
 „укрѣпили они свои владѣнія, войною
 „укропили своихъ враговъ, и учинили
 „изъ оныхъ себѣ подданныхъ. Храб-
 „рость ихъ извѣстна не токмо по про-
 „странной Россіи, но Греція и Римъ
 „препещутъ ихъ оружія. Не самая ли
 „сія храбрость укрѣпила и возвеличила
 „Предковъ твоихъ державу? Когдабъ они
 „уничтожили сію полъ нужную добро-
 „дѣтель, давно бы уже сей преславный
 „городъ свирѣлые Угры преврапили въ
 „пустыню! Да и въ семъ ли желѣзномъ
 „вѣкѣ, живя между дикими и хищными
 „народами, думаешь намъ объ оставле-
 „ніи оружія! Если бы мнѣ пропиву-
 „положишь, что твое Княженіе течетъ
 „безъ кровопролітія, то и на сіе не
 „трудно мнѣ тебѣ возразить. Держава
 „твоя Предками твоими толико укрѣ-
 „плена и возвеличена, что прелещетъ
 „ее весь Сѣверъ: окрестныя народы обла-
 „сти твоей всѣ тебѣ покорны; дальныя
 „племена не имѣютъ времени тебя пре-
 „вожись; ибо ведутъ они промежъ собою
 „крово-

„кровопролишныя брани ; и припомѣ не
 „избавилася еще отъ ужаса , копорый
 „на нихъ навелъ твои предшественни-
 „ки. Слѣдственно ни съ копорой сто-
 „роны Государству твоему не грозятъ
 „опасности ; и такъ кровопролишїе те-
 „перь тебѣ еще не нужно . Но когда
 „спрошывые твои содѣды брани свои
 „окончатъ, и въ праздности своей усмо-
 „тритъ изобилующее твое всѣмъ Госу-
 „дарство: тебѣ прешарѣла и ненавида-
 „ща войны , то кто мнѣ поручится ,
 „что не дерзнутъ они помутить ши-
 „шины твоего владѣнїя, и не прострутъ
 „алчныхъ своихъ рукъ на твои сокро-
 „вища. Кто тебѣ тогда защититъ ?
 „Подданные твои, копорые въ нынѣ-
 „шней своей шинѣ позабыли, я чаю,
 „и название оружїя, употребляемаго въ
 „брани ? Новопокоренныя твои обла-
 „сти ? Но оныя помня прежнему свою
 „свободу, конечно непреминутъ при не-
 „счастїи твоемъ свергнуть съ себя иго
 „рабства ; и на тебѣжъ устремятся ,
 „сколько для опмщенїя , столько и для
 „упрверженїя своей вольности. Теперь
 „оспаются къ защищенїю твоему союз-
 „ные тебѣ Государи. Но ты самъ вѣда-
 „ешь, много ли такихъ людей на свѣтѣ,
 „копорые

„Которые счастливымъ прошивяшся, а
 „заполучнымъ помогающъ! Вступяся за
 „себя побояшся они поперяшъ своихъ
 „вѣщцовъ, иль бесполезно ошягопшяшъ
 „свои Народы. И что еще? обольстяся
 „добычю, не согласяшсяль они скорѣе
 „сѣ своими непріятелями на сово-
 „купное Княжѣства швоего расхищеніе?
 „Вотъ, миролюбивый Князь! какое мое
 „миѣніе о нерадѣннн оружія и храбро-
 „сти, которое въ супоспашахъ нашихъ
 „можетъ къ намъ родить презрѣніе, и
 „навесши на насъ не ожидаемыя бѣд-
 „сшва. И такъ, пока еще счастье швое
 „на себѣ не оставило, пока близкая швоя
 „древность тебѣ не застигла, соблаго-
 „воли храбрѣйшаго изъ насъ почшишъ
 „швоимъ свойспвомъ, и именовъ зяшя:
 „сѣ шшло заспавишъ его вѣчно защи-
 „щашъ швоя права, какіябы напасши
 „судьба на тебѣ ни послала. Кпожъ изъ
 „насъ благоволѣнн швоего достоинъ, сѣ
 „тебѣ покажетъ наша храбросшь,».

Ся рѣчь, которую всѣ слушали сѣ
 превеликимъ вниманіемъ, склонила всѣхъ
 на сторону Вельдюзеву: всѣ ему плеска-
 ли, всѣ его похваляли; и самъ Богославъ,
 будучи отъ всѣхъ Милославинныхъ жени-
 хъ въ преклоняемъ, принужденъ былъ
миѣніе

миѣніе Полошскаго Князя подтвердити, и дозволишь поединокъ.

Тогда паки юные рапоборцы собравшися кинули жеребей, кому изъ нихъ пропшвоборствовашь храброму Вельдюзю, копорый ожидалъ пропшвниковѣ своихъ храбро, и гошовилъ имъ не минуемую смершь Тарарай, Касожскій Князь, осужденъ былъ жребіемъ потерять въ шопъ день надежду и жизнь; но подкрѣпляемый еще упованіемъ, думалъ однимъ взгладомъ устрашити Полочанина, копорый ударомъ своего копья испоргнувъ у него жизнь, прекратилъ его гордость. За нимъ слѣдовалъ Грухтрахъ, Князь Козарскій, копорый будучи жребіемъ принужденъ къ сраженію, препеталъ, и предпочиталъ охотно безславный миръ славноу дракѣ; однакожъ не хотѣлъ предъ глазами всего народа показать себя шрусомъ, чего ради и поѣхалъ, принявъ бодрый видъ, на ужаснаго своего соперника. Подѣѣхавъ поближе къ Вельдюзю, изъяснился ему шрепещущимъ голосомъ, что онъ жизнь свою предпочиншаетъ Милославѣ, и ушупаетъ ее ему охотно; а въ воздаяніе за то хотѣлъ шощады своей жизни; но чшобъ не обезславишь своего Княжешва шрусостію,

шО

то просилъ Вельдюзя ударить себя по-
 легоньку шупымъ концемъ копья, послѣ
 чего хотѣлъ, признавъ себя побѣжден-
 нымъ, отъѣхать на прежнѣе свое мѣс-
 то, и провозгласить его побѣдителемъ.
 Спупай, спупай, опвѣшсшвовалъ ему
 съ насмѣшкою Вельдюзь, ты дѣйстви-
 тельно не достоинъ бытъ пораженъ
 оспрѣемъ онаго. И въ самое то время
 ударилъ его рашовищемъ; что въ такую
 трусоспъ вогнало Козара, что онъ упалъ
 безъ памяти съ коня, и вынесенъ былъ
 безчувствія съ Княжескаго двора. Всѣ
 шѣ, кошорые могли ихъ слышать, захо-
 хотали, и проводили съ плескомъ храб-
 раго Трухпраха. Послѣ него выступилъ
 Тарабанъ, братъ его, который горя не-
 годованіемъ за насмѣшку его брату, и
 чувствуя въ себѣ болѣе онаго сердца,
 хотѣлъ опмсшить ужасному Вельдюзю;
 но успрямся на него, прекратилъ свой
 гнѣвъ вмѣстѣ съ своею жизнію.

По таковымъ ужаснымъ примѣрамъ
 его храброспи, мало оспалось ему про-
 шивниковъ; а кошорые еще осмѣлились
 на него напасъ, шѣ заплапили жизнію
 за дерзость свою. На послѣдокъ, никто
 не смѣя больше ему прршвиться, всѣ
 согласно уступили ему право шребовать

руки Милославиной. Сии многія побѣды снискали Вельдюзю не шокмо плесканія, но и почщеніе отъ всего множества зри-шѣлей. Самъ Князь Богославъ, не смотря на соболѣзнованіе свое о смерти поли-кихъ князей, возъимѣлъ къ нему почще-ніе, удивляясь великой его храбрости. Вельдюзь, усмотря къ себѣ благосклон-ность отъ Князя и отъ всего ево двора, благодарилъ всѣмъ учтивымъ и ласко-вымъ образомъ за поздравленія; копоры-ми осыпали его со всѣхъ сторонъ. По семъ подступя къ Богославу, препоручалъ себя въ его милость, прося припомнить о томъ обѣщаніи, копорымъ онъ хо-тѣлъ почтить побѣдителя. Богославъ выслушавъ благосклонно ево прозьбу, подтвердилъ ему паки свое соизволеніе; и приказалъ въ тоже время провозвѣст-нику провозгласить его своимъ зятемъ; а торжествованіе брака ево съ Княжною Милославою отложилъ на мѣсець.

Весь народъ и знаиные вельможи похваляли и радовались сему выбору; ибо храбрость у древнихъ Славянъ почи-лась высочайшимъ достоинствомъ. Мило-слава не менѣе прочихъ была довольна женихомъ своимъ, что показала она яс-но своимъ удовольствіемъ, слушая весьма

благосклонно привѣщивъ, копорыя дѣлалъ ей по побѣдѣ своей Вельдюзь. Привѣщивъ оное Полошскій Князь, старался болѣе его умножить, угождая ей при всякомъ случаѣ; и на послѣдокъ безпрепятственными своими ласканіями, и не опшупными прозьбами, получилъ отъ нее опкровенное признаніе, что выходитъ она за него безъ всякаго принужденія.

На послѣдокъ назначенный день къ ихъ браку насталъ: дворъ и городъ въ великихъ были движеніяхъ въ приутошвленіи къ оному: всякой на прерывѣ старался показашъ свое великолѣпіе въ платьѣ и прочихъ убранствахъ; наружность домовъ украшена была картинами и коврами, улицы усыпаны цвѣтками; но храмъ Ладинъ и Полелинъ, въ копоромъ надлежало опправляться браку, былъ всего великолѣпнѣе украшенъ.

Когда уже все было приутошвлено, тогда Князь Богославъ, послѣдуемый сыномъ своимъ Свѣшлосаномъ, и сонмомъ вельможъ и придворныхъ, препроводилъ во храмъ жениха. за ними вскорѣ привѣхала и невѣста, въ препровожденіи многихъ знатныхъ дѣвицъ и госпожъ. Народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ насладиться зрѣніемъ новобрачныхъ:
улицы

улицы и кровли наполнены были всякаго возраста людьми; всѣ возносили желанія въ пользу сочешавающихся, и весь воздухъ наполненъ былъ обѣдами и мольбами.

По таковымъ счастливымъ разположеніямъ ничего не можно было ожидать кромѣ веселія: уже первые обряды брака были совершены: сочешавающіеся связаны были брачнымъ поясомъ, и залогъ ихъ вѣрности положенъ на жертвенникъ. Первосвященникъ прочтя приличныя молитвы, изрекъ на нихъ свое благословеніе, прося Ладу и Полея испослать имъ мирное и благоденственное супружество; послѣ чего готовился приступить къ жертвоприношенію. Окропя жертву, состоящую изъ ста воловъ, чистительною водою, ударилъ, перваго представленнаго ему быка, священнымъ шопоромъ: быкъ возрѣвелъ преужаснымъ голосомъ, и ударясь о жертвенникъ, издохъ. Въ тошъ самый мигъ Полеинъ испуганъ поколебался: возгремѣлъ пресстрашный громъ, молнія возблистала со всѣхъ сторонъ, небо покрылося прешемными облаками, а волы всѣ пали мертвы. Въ тошъ мгновеніе Полеинъ кумиръ произнесъ си ужасныя слова.

Ты къ браку присшупишь, Вельдюзь, дерзнулъ
 свирѣисшвомъ:
 Въ бѣдахъ тебѣ съ Княжной по шоль бышь
 рокъ судилъ,
 По коль ты не спасешъ гонимыхъ столькихъ
 бѣдшвомъ,
 Коляко ты Князей невинныхъ умершвилъ.

Сии преспрашныя слова поразили
 всѣхъ ужасомъ: весь храмъ наполнился
 воплемъ и сшenanіями; всѣ пали на ко-
 лѣни, и гошовилися умилошвивляшь раз-
 гнѣванное божешво плачѣмъ и воздыха-
 ніями, какъ вдругъ нязшедшій густый
 облакъ, съ громомъ и молніями, похи-
 шилъ Милославу; и въ шожъ время по-
 раженный Первосвященникомъ волъ пре-
 вращаясь въ ужаснаго Дракона, подхва-
 шилъ Вельдюзя, и унесъ у всѣхъ изъ
 глазъ. Послѣ шого возшрепешала вся зе-
 мля: громъ, молнія, вихрь, градъ и дождь
 совокупаясь, шакое движеніе произвели въ
 воздухъ, что ни видѣшь, ни слышашъ
 ничего не возможно было. Богославъ и
 многіе изъ народа упали безчувшва:
 другіе бѣжали не зная сами куда; иные
 упавъ на колѣни для принесенія мо-
 лшшвъ, не могли ни слова выговорить,
 ниже пошевелишья. Всѣхъ обьялъ ужасъ
 и шрепешъ; и одинъ шолько Свѣшло-
 санъ

санъ стоялъ неколѣбимо, принося молитвы Перуну, Чернобогу, и прочимъ Богамъ.

На послѣдокъ, по нѣсколькихъ минушахъ, землетрясеніе окончилось, и небо утихло. Тогда мало помалу начали всѣ приходить въ чувство. Несчастный Богославъ, пришедъ въ себя, и вспомя, что лишился дочери и зятя, залился слезами, и испуская сненанія, приносилъ жалобы Богамъ и челоуѣкамъ. Свѣшлосанъ, жрецы и вельможи старались всячески его утѣшить, представляя ему, что божественный гласъ не со всѣмъ ихъ лишалъ надежды, и что со временемъ можно уповать, увидѣшь погибшихъ паки. Къ тому же Свѣшлосанъ, утѣшая его, обѣщавалъ самъ ѣхать повсюду для сысканія ихъ; но опечаленный Богославъ лишеніемъ дочери, отвергъ его предложение, и не хотѣлъ ни для чего согласиться, чтобъ поперяшь въ немъ послѣднюю свою надежду и утѣшеніе, опустя его въ неизвѣстный путь.

Юный Князь, любя и почитая неслезанно своего родителя, согласился охотно на его желаніе: оставшия при немъ, пребывалъ съ нимъ непрестанно, и утѣшалъ его своимъ собесѣдованіемъ. Въ семъ упражненіи провелъ онъ цѣлый годъ,

годъ , посѣщая между тѣмъ храмы , и принося жертвы богамъ , раздавая милосшынни , и искупая плѣнныхъ и заключенныхъ въ темницы : шщася тѣмъ преклонишь Боговъ на милость , и возвратишь помощію ихъ Милославу и Вельдюзя . Чаще всего посѣщаль онъ Капище Чернобогово , и многочисленными жертвами и подаянїями старался умилошнвить сіе Божество ; ибо сей Богъ почитался опъ древнихъ мстишелемъ злодѣяній , и власшшелемъ надъ беззаконными и бѣдшшующими людьми .

Нѣкогда жертвуя сему богу Свѣшлосанъ , и проливая предъ нимъ шеплѣшшія молишвы , почувшвовалъ въ себѣ пресильное волненіе крови , и дрожаніе жилъ : въ то самое время услышалъ онъ , что бодрость и крѣпость его силъ умножились въ немъ . Въ восшоргѣ своемъ простерся онъ предъ кумиромъ , принесъ ему благодарность ; и простирая къ нему взоры увидѣлъ , что испуканъ окруженъ былъ блишпательнымъ сіяніемъ : угрюмый его видъ премѣненъ былъ въ прїятный и ласковый : въ самое то время онъ поколѣбался , и произнесъ слѣдующія слова .

Моленія твои пріятны небесами:

И грѣхъ вашъ заглаженъ моленьемъ и слезами;
Но въ праздношнли ждущъ лавроваго вѣнца?
У смерти въ челюстяхъ ищи бѣдамъ конца.

Свѣтлосанъ паки палъ предъ куми-
ромъ, принося благодареніе за поданіе
божественнаго сего совѣта; но не возмог-
ши понявъ его совершенно, просилъ Чер-
нобогова первосвященника истолковать
себѣ сіе прорѣченіе. Нутрозоръ, разсмотр-
я внутренности принесенныхъ жертвъ,
объявилъ, что Божество совѣщаетъ ему
самому искасть сестру и зятя, которыхъ
онъ непременно обрѣщетъ, по претер-
пѣнни многихъ трудностей. Младый
Князь повиновался ево объявленію, обѣ-
щавъ бѣхати. Послѣ чего одаря жреца, и
учиня обѣщанія Чернобогу, и прочимъ бо-
жествамъ, отбылъ изъ храма въ Княже-
скій свой домъ.

Прибывъ туда, и призвавъ къ себѣ
своего любимца, который имѣлъ при
немъ чинъ Оруженосца, объявилъ ему
слова Чернобога и жреца ево. Бориполкъ,
будучи вѣренъ своему Государю, и опасая-
ся повернуть въ печаль Богослава, совѣ-
щавалъ ему не скоро полагаться на шол-
кованіе Нутрозорова, но ожидать вѣр-
нѣйшаго

нѣйшаго извѣщенія ошѣ времени , или ошѣ первосвященниковѣ прочихѣ боговѣ , славиѣйшихѣ вѣ прорицаніяхѣ . Пришомѣ представляяѣ ему , что печаяннымѣ такимѣ ошѣѣздомѣ причинилѣ онѣ великое сокрушеніе своему родищелю . Сими и подобными представленіями склонилѣ онѣ Свѣшлосана ошѣложишѣ свое пушешешшвіе до времени .

Впрочемѣ не совѣмѣ совѣшны его изшребили извѣмыслей младава Князя Божеское изреченіе : до самаго вечера швердилось оно вѣ умѣ ево ; и одинѣ Кикимора , Божештво сна и ночи , прешѣкѣ ево о семѣ размышленіе . Но едва сомкнулѣ онѣ свои глаза , какѣ смущенному его воображенію представилось ужасное сновидѣніе : явилася ему прештрашная гора , на кошорой вмѣсто деревьевѣ стояли копя , и мечи вѣ верхѣ шпрѣемѣ . Промежду ими прешмыкалася безчисленное множештво всякаго рода змиевѣ , кошорые выпускали ужасный свистѣ и ревѣ . Надѣ сею горою лепѣла блестящая колесница , влекомая зіяющими пламенемѣ Аспидами : вѣ ней сидѣла несчастная Милослава , выпускающая прешалосшныи вопли . Гнусный и прештрашный Волошѣ держалѣ ее вѣ своихѣ обѣяшяхѣ , и угрожалѣ ее

скинушѣ

скинушь на землю. На прошивъ ихъ лешѣль на крылатомъ конѣ Вельдюзъ, и спремился поразишь сего чудовища копьемъ; но въ самое то время Исполниъ зинуль на него пламенемъ: конь отъ того исчезъ, а Вельдюзъ полешѣль спремглавъ на ушыканную копьями и мечами горю.

Сіе ужасное позорище сполько испужало и вспревожило Свѣпласана, что вдругъ отогнало отъ него сонъ, и принудило его сильно вскричать. Бориполкъ, который спалъ въ другой отъ него комнатѣ, пробудясь отъ сего крика, пришелъ къ нему увѣдать того причину. Испужанный Князь рассказалъ ему свое сновидѣніе шрепещущимъ голосомъ, и воздохнувъ продолжалъ: что мнѣ симъ сновидѣніемъ возвѣщаютъ Боги? Неужель объявляютъ они мнѣ кончину сеспры моей и зятя? Прагѣдые Боги! ежели сіе истинно, такъ къ чему вы намъ и льстили, что со временемъ мы ихъ еще увидимъ? О несчастливый родитель мой! какимъ ударомъ поразишь тебя сіе сновидѣніе. О Боги! онъ умреть --- Не сокрушайся, гондарь, перехватилъ рѣчь его Бориполкъ, еще сіе не подлинно; можетъ бышь Боги совсѣмъ другое сновидѣніемъ симъ тебѣ являютъ. Но чшобъ сомнѣніе тебѣ о

семь не терзало, я тебѣ сыщу средство отъ него избавиться. Неподалеку живешъ отсюда пустынный, который почищается отъ всѣхъ всякихъ прорицателей, и искусѣйшимъ шолкователемъ сновъ. Къ нему спешается со всѣхъ сторонъ народъ, для испрошенія въ недоумительныхъ дѣлахъ совѣта и объясненія; и приносятъ ему въ даръ стрѣлы, безъ чего сказывающъ, онъ ничего прошенія не исполняетъ. И такъ, государь, ежели угодно тебѣ испытать свою и сродниковъ твоихъ судьбу, побѣдемъ къ нему: я его жилище знаю; а чтобъ болѣе ему угодить, постарайся сыскать для него стрѣлу изъ мешалла; ибо онъ тѣмъ ни въ чемъ не отказываетъ, которые къ нему такія стрѣлы приносятъ. Я на все гошовъ согласился, отвѣтствовалъ Князь, только чтобъ узнать судьбу бѣдной моей сестры и зятя; чтожъ касается до стрѣлы, я ему дамъ золотую, которую подарилъ мнѣ Древлянской Князь, имѣвшій нужду въ помощи моего родителя.

По окончаніи словъ своихъ, ни мало не мѣдя приказалъ осѣдлатъ коней, и принеши молитвы Богамъ, и забравъ нужное для души, пустился въ оныя своднымъ

однимъ Бориполкомъ. Путешествіе ихъ продолжалось до самого восхожденія багряныя Зимцерлы: и когда уже Свѣшвидъ испустилъ первые свои лучи на землю, тогда они прибыли къ жилищу пустытника, которое находилось по срединѣ густаго лѣса.

Свѣшлосанъ и Бориполкъ сошедъ съ своихъ коней, привязали ихъ къ дереву, и пошли въ пещеру, въ которой жилъ прорицатель. Они его застали спяща: видъ его представлялъ самаго древнѣйшаго старика, коего сѣдая борода простиралась далѣе пояса; лице его суше было самой муміи; онъ опушанъ былъ весь цѣпями, которыхъ одинъ конецъ былъ прикованъ къ стѣнѣ; передъ постелею его стоялъ оловякъ, который имѣлъ вознесенную руку съ кинжаломъ, а въ другой держалъ черную мраморную дощечку, на которой были изображены блистающими буквами неизвѣстныя письмена. Позорище сіе привело Свѣшлосана въ превеликое удивленіе: онъ спрашивалъ своего спутника, чѣмъ сіе все значило, но тотъ и самъ не могъ ему на то ни какого дать изъясненія. Отъ разговоровъ ихъ пустытникъ пробудился: тогда Свѣшлосанъ подступя къ нему,

извинялся учтивымъ образомъ , что нарушилъ его покой; и послѣ рассказавъ причины своего прѣзда, вынялъ изъ колчана золотую стрѣлу, которую поднося ему, просилъ его изтолковать себѣ свой сонъ. Лишь только пустынникъ увидѣлъ стрѣлу, какъ схватя ее поспѣшно, вскричалъ : Ахъ ! государь мой, ты мнѣ возвратилъ мою жизнь ! И въ то же время ударилъ стрѣлою въ дощечку, держимую остовомъ, который въ то же мигъ исчезъ. Послѣ чего цѣпи копорыми былъ ошягченъ пустынникъ, топчасть съ него спали: длинная его борода пропала, ряса его превратилась въ лазоревое одѣянiе, а онъ самъ въ молодого прекраснаго человѣка.

Пока еще Свѣтлосланъ, съ Оруженосцемъ своимъ, сноялъ отъ удивительнаго сего приключенiя въ недоумѣнiи, въ то время превратившiйся пустынникъ махнувъ стрѣлою, проговорилъ нѣсколько странныхъ словъ, за которыми послѣдовалъ преужасный шумъ и спукъ молотовъ, по окончанiи коихъ пещера превратилась въ великолѣпную колесницу, запряженную шестью Единорогами. Пустынникъ обратясь къ Славенскому Князю и его наперстнику, не дивись,

дивитесь, говорилъ имъ, сему чудному происшествію; когда вы узнаете кшо я, то не станете болѣе ни чему удивляться. Услуга, продолжалъ онъ, оказанная мнѣ вами, обязываетъ меня возблагодарить вамъ досшойнымъ образомъ за оную; чего ради и везу васъ теперь въ прежнее мое жилище.

Между шѣмъ колесница столь быстро везена была, что черезъ нѣсколько часовъ очутились они въ Индіи, по срединѣ великолѣпнаго замка, коего все зданіе было сооружено изъ бѣлаго мрамора, а внѣшнія украшенія онаго состояли изъ чистаго золота. Пустынный вышедъ изъ колесницы, просилъ ихъ слѣдовать за собою. Лишь только они взошли на великолѣпное крыльцо онаго зданія, какъ загремѣла вдругъ преогромная музыка, и превеликая толпа молодыхъ людей, обоего пола, вышла имъ на встрѣчу. Всѣ сіи люди пади передъ пустыннымъ на колѣни, и бросились потомъ цѣловать его руки и плашье; а онъ имъ ошвѣтствовалъ на то ласковымъ видомъ и поклонами. Послѣ чего съ безпреспанными и радостными восклицаніями препроводили они его въ залу, въ кошорой находился престолъ изъ розоваго

Зоваго яхонша. Пустынный возшедь на оный, просилъ Свѣтлосана сѣспь по правую, а Бориполка по лѣвую себя. сшорону; попомъ обратясь къ предшоящимъ своимъ подданнымъ, вошъ къмъ, говорилъ имъ, указывая на Князя и Оруженосца его, возвращенъ я вамъ, любезные мои друзья! Ихъ благодареніе ввращило мнѣ свободу, и прежнее мое могущество и власть, копорья похишилъ было, у меня люшый Карачунъ: сей гнусный карло, копорый все свое счастье и силу получилъ, отъ щедрости моей. Но дерзость его безънаказанія не останешся: всѣ мои силы употреблю я на его погубленіе; и никакая власть не удержитъ меня бышь ему вѣчнымъ непріацелемъ. Но прежде всего продолжалъ онъ оборопая къ Свѣтлосану, обязанъ я тебѣ, великодушный мой, избавишель, возблагодаришь такъ, какъ, пребуешъ великое твое одолженіе.

Послѣ чего, приказавъ подданнымъ своимъ шоржесшвовать, день его избавленія, просилъ своихъ гостей слѣдовать за собою во внутренніе покои его дворца. Прошедъ нѣсколькo комнатъ, копорья всѣмъ шѣмъ были украшены, что природа и искусство могутъ про-

извесшъ.

извѣстѣ наилучшаго, вошли они на
 конецъ въ удаленный чертогъ, копорый
 примыкался къ саду. Стѣны сего покоя
 украшены были янтарными Героглифами:
 по срединѣ оной стояла круглая стола,
 коего доска вылита была изъ разныхъ
 металловъ, и поддерживаема Гениями
 изъ гебеноваго дерева: на ономъ стояла
 Сфера, земный кругъ, зрительныя трубы,
 нѣсколько книгъ; и золошая скрына,
 украшенная дорогими каменьями. Подъ
 стола стояли креслы изъ слонової кости;
 а подъ стѣнъ софы и столики, на ко-
 торыхъ лежали блестящельныя орудія,
 коихъ употребленіе однимъ волхвамъ
 извѣстно. Епѣ мой кабинетъ, говорилъ
 владѣтель замка, обращаюсь къ своимъ
 гостямъ, гдѣ я прежде завсегда упраж-
 нялся, и откуда могущество мое дося-
 зало во всѣ концы вселенныя; пока не-
 благодарный Еѣіопъ не лишилъ меня сей
 драгоценной снѣжки, въ копорой все
 мое счастіе заключается; и копорую
 щедрость твоя мнѣ возвратила, пре-
 храбрый Свѣплосанъ, а съ нею и все
 мое прежнее могущество. Я тебѣ раз-
 скажу, любезный мой избавитель, се
 приключеніе, копорое столько тебя уди-
 вляетъ; для сего и привелъ я васъ обѣ-
 ихъ

ихъ въ сіе мѣсто, чтобъ никто не нарушилъ нашей бесѣды. Ибо ни какая сила не можетъ проникнуть сего чертога, и узнать, что здѣсь дѣлается; сіи не извѣстныя тебѣ письма препинаютъ всякому сюда входъ, какую бы кто силу ни имѣлъ; и защищеніе всего моего замка осье сего, одного покоя зависитъ. Помомъ, сѣвши самъ въ креслы, а ихъ прося сѣсть на софы, началъ имъ рассказывать свои приключенія слѣдующимъ порядкомъ.

ИСТОРІЯ ВИДОСТАНОВА.

Я называюсь Видостанъ: отецъ мой былъ Царь нѣкоторой части Индіи; царствованіе его шло весьма спокойно, и всѣ его увеселенія состояли книги, которыхъ онъ собралъ превеликое множество, и другой я; ибо онъ любилъ меня шѣмъ, наипаче, что не имѣлъ другихъ дѣшей кромѣ меня. Охоша ко чтенію моего родителя, какъ будто бы по наследству вселилась и въ меня; но съ большимъ его пристрастіемъ. Нѣкогда будучи въ нашемъ книгохранищѣ, и пересматривая книги, нашолъ я такую, коея письма были для меня не знакомы

ХОША

хотя я и много зналъ языковъ. Любопытство мое, будучи прельщено сею новизною, понудило меня искашь въ другихъ книгахъ ей извѣщенія. Я началъ снова перебиратьъ всѣ книги, и по счастію моему нашолъ скоро другую въ подобномъ ей переплетѣ. Развернувъ ее увидѣлъ я, что ешо словарь Ассирійскаго языка, котораго я не зналъ. Буквы его сходствовали во всѣмъ съ шѣми, коихъ я въ объявленной книгѣ неразумѣлъ. Сей случай заставилъ меня искашь такого, челоуѣка, который бы могъ меня научишь сему нарѣчію, что мнѣ въ скоромъ времени и удалось.

При дворѣ опца моего находился одинъ Халдѣянинъ, которой совершенно разумѣлъ ешотъ языкъ: онъ охотно соглашался меня ему учишь; но объявилъ мнѣ при томъ, что сей языкъ весьма труденъ и скученъ для ученія. Сіе несчастное объявленіе, хотя отъ желанія моего, меня и не отвратило, но для охотнаго въ немъ упражненія, подало мнѣ мысль пригласишь къ тому сего мерскаго карла, котораго щедрость моя извлекла изъ бѣдности, и изъ самаго низкаго сосоянія въ великолѣпнѣйшее; ибо онъ былъ сынъ конюха моего двора: онъ

Мнѣ понравился по причинѣ малаго своего роста, и чернаго цвѣща; ибо онѣ былъ родомъ Еѳіопъ. Сей Мурянинѣ, ставъ осыпанъ моими благодѣянїями, заплашилъ мнѣ на мѣсто благодарности зломъ. Но я, любя его чрезвычайно, не примѣчалъ злобныхъ его склонностей; и старался его дѣлать соучастникомъ во всѣхъ моихъ упражненїяхъ; и такъ началъ съ нимъ учиться вмѣстѣ и Ассирійскому языку. Я учился ему не болѣе года, и завсегда переспыгалъ Карачуна, кошорый, опѣлѣносилъ шо, или вмѣя шупѣ моего понятїе, весьма учился мѣдлѣнно.

Первые плоды моего ученїя употребилъ я на прочтенїе обьявленной мною книги; и хотя, по причинѣ малаго моего въ немъ упражненїя, не могъ я разумѣть въ ней всѣхъ словъ, но недостатокъ сей награждалъ я помощїю найденнаго мною словаря. Первые мои взгляды упали на приложенный къ сей книгѣ листъ, который различествовалъ опѣ прочихъ начертанными золошыми буквами: въ ономъ предлагалъ первой, книги сея хозяинѣ, кошорый, какъ видно по его изъясненїямъ, былъ весьма добродѣтельный человѣкъ, что книгу сію, и съ нею
объ-

объявленный мною словарь, нашелъ онъ въ землѣ, копая колодезь; и усмотря въ ней великую важность, скрылъ ее; и пользовался ею при нужныхъ только случаяхъ. На послѣдокъ, усмотря приближеніе своей кончины; не разсудилъ за благо, оставишь ее своимъ дѣшамъ, въ кошорыхъ видѣлъ онъ болѣе пороковъ, нежели добродѣтели: опасаяся, дабы они не употребили ее во зло; ибо она заключаешъ въ себѣ науку Кабалистичку, кошорая владѣтелю ея. подаешъ способы дѣлать все шю, что ему, ни разсудится. Сія шю причина и побудила было его сожечь ее: но усмотря, что огонь ее не вредилъ, бросилъ онъ ее въ свинцовомъ ковчегѣ въ море; но когда и вода опказалася ее пошопишь, шю онъ опредѣлилъ ее, и съ нею вмѣстѣ словарь, закопашъ въ пустомъ мѣстѣ въ землю; присовокупя къ ней свое завѣщаніе шому, кому по случаю попадется она въ руки; чтобъ онъ не употреблялъ ее во зло другимъ; а въ противномъ случаѣ угрожалъ наказаніемъ, кошорого просилъ ему ошъ Боговъ.

Сіе объявленіе, продолжалъ Видостанъ, заспавило меня съ жадностію и великимъ вниманіемъ прочешъ сію книгу.

гу. Я нашелъ въ ней наставленія дѣ-
лашь всякія невозможности, какія толь-
ко можно вздумашь, и покоряшь приро-
ду своимъ хошѣніямъ. Узнавъ о семъ,
вздумалось мнѣ учинишь нѣкоторыя
малыя опыты: видяжъ, что всѣ спихіи
волѣ моею покоряются, увѣрился я со-
вершенно въ стариковомъ объявленіи.
Сіе понудило меня скрывать ее отъ
всѣхъ: побужденіе шакое весьма спаси-
тельно для меня было; но невоздер-
жностъ моя и не созрѣлый разумъ въ
тайнѣ сей мнѣ измѣнили.

Нѣкогда вздумалось мнѣ здѣлашь
изъ куска мрамора обезьяну, которую
оживотворя заставилъ я прыгать, и за-
бавляшь себя природными симъ живош-
нымъ рѣзвостями. Шумъ причиненный
ею, побудилъ войти ко мнѣ Карачуна,
который случился въ другой отъ меня
комнатѣ. Прыганіе каменной обезьяны
привело его въ шакое удивленіе, что
онъ ошолбенѣлъ, и спрашивалъ меня
съ шрепетомъ о причинѣ сего чуда. Са-
молюбію моему пріятно было видѣшь
его въ шакомъ удивленіи: къ чему при-
совокупясь шщеславіе заставило меня
сказашь ему, что я ея шворецъ. Сіе об-
явленіе привело его въ пущее недоумѣніе:
онъ

онъ меня началъ усиленнымъ образомъ просить, чшобъ я ему открылъ сію шайну. А я, чшобъ больше еще его удивишь, приказалъ ей передъ глазами его превратиться въ золотого попугая. Тутъ уже удивленіе его превѣнилось въ страхъ: закричалъ онъ благимъ матомъ, и побѣжалъ отъ меня вонъ; но я его удержавъ, приказалъ шайну сію скрывать отъ всѣхъ.

Между тѣмъ Карачунъ лишаясь мало помалу страха, наполнялся вмѣстополого любопытствомъ: желаяжъ отъ меня увѣдаться о семъ шайнствѣ, началъ умножать ко мнѣ свои ласкательства, кои почиталъ я истинными знаками его ко мнѣ любви. Вскорѣ лукавствами своими достигъ онъ до своего желанія: объявилъ я ему мою шайну; да и сполько еще былъ слабъ, по любви моей къ нему, чшо дозволилъ ему прочесть нѣсколько страницъ изъ той книги, копорую надлежало мнѣ всѣми силами отъ него скрывать. Усмотря важность ея Карачунъ, предпріялъ пользоваться ея наставленіями; но чшобъ не показать мнѣ своего намѣренія, пришворился, чшо будшо онъ не сполько еще Ассирійскій языкъ узналъ, чшобъ могъ разумѣшь

мѣшь совершенно смыслъ прочитаннаго имѣ. Чего ради просилъ меня дозволишь ему чинять ее со словаремъ, и дѣлать изъ нее переводы, дабы лучше успѣшь въ ономъ языкѣ. Сія его прозьба вселила было сперва въ меня къ нему подозрѣнїе, но лукавство его совокупясь съ моею щедростию преклонили меня на его желанїе: я ему дозволилъ дѣлать на себя оружіе; то естъ: переводилъ волшебную мою книгу, помощію коея приключилъ онъ мнѣ попомъ наилучшїя бѣдствїя. Онъ бы воспользовался ею и безъ моего позволенїя, естълибъ не заключала она заклятія на похищителей своихъ, что кражею своею лишашъ они ее всей силы.

Получившижъ дозволенїе переводилъ ее, началъ онъ выписывать изъ нее все то, что могло удовольствовать корыстолюбїе его и злость: ибо онъ чрезвычайно былъ скупъ и золъ; хстья казался чивымъ и кроткимъ. И уже списалъ онъ ее болѣе половины, какъ пришло мнѣ на мысль, что онъ знанїе сіе можетъ употребить не токмо ко вреду другихъ, но и къ моему собственному; ибо я провѣдалъ, что онъ многа дѣлалъ пакости шѣмъ людямъ, которые имѣли не-
счастїе

счастіе хошя мало ему досадишь. Сіе побудило меня книгу мою запереть, а ему выговоришь суровымъ образомъ, что онъ повѣренность моей тайны употребляетъ во зло. Карачунъ старался передомной оправдаться, и лукавствомъ своимъ дошелъ до того, что увѣрилъ меня въ мнимой своей невинности. Впрочемъ книги моей не далъ уже я болѣе ему списывать, опасаясь отъ того худыхъ слѣдствій. Карачуну весьма сіе досадно было: однакожъ онъ сокрылъ отъ меня свое огорченіе. Пришеорство его долго бы можетъ спастись продолжилось, ежелибъ не случилось вскорѣ послѣ того слѣдующее обстоятельство.

Опецъ сего бездѣльника впалъ въ нѣкошорое важное преступленіе, за которое родителю мой приказалъ его наказать. Сколько Карачунъ ни старался за него, однакожъ не могъ отвратить отъ него наказанія; хотя оно по просьбѣ его и уменьшено было. Сіе столько огорчило карла, что онъ спважился мстить моему родителю, и умертвилъ его наилучшимъ ядомъ. Врачи, бывшіе при его кончинѣ, объявили мнѣ, что онъ отравленъ. Я не зналъ на кого подумать, вѣдая то, что всѣ родители моего

моего

мого любилъ ; пошому чшо онѣ однимѣ
 шолько пресшупникамѣ законовѣ дѣлалѣ
 нѣкошорое зло, наказывая ихѣ иногда
 спрого. И шакѣ, вѣ недоумѣнїи моемѣ,
 прибѣгѣ я кѣ помощи моей книги, кошо-
 рая подшвердила миѣ, чшо родишель
 мой скончался ошѣ яда ; но чшо ядо-
 шворца не можетѣ она обѣявить, ибо
 онѣ наложилѣ ей молчанїе своимѣ вол-
 шебшвомѣ. Сїе обѣявленїе подало миѣ
 сомнѣнїе на Карачуна : я приказалѣ его
 шопчасѣ кѣ себѣ позвать, вѣ намѣренїи
 извлечь ошѣ него признанїе вѣ шомѣ
 муками. Однако гнѣвѣ мой былѣ уже
 безплоденѣ : ибо не могли его нигдѣ
 найши. Побѣгѣ его подшвердилѣ мое по-
 дозрѣнїе, и пришомѣ засшавилѣ меня
 опасашься, чшобѣ злосшъ его непросшпер-
 лась и на меня. Тогда шо разкаявался
 я, но уже поздно, чшо подалѣ ему на се-
 бя оружїе, ошкрывѣ ему мою шайну. А
 чшобѣ не подвергнушѣ себя нечаянному
 ошѣ него нападєнїю, принялѣ я прибѣ-
 жище кѣ драгоцѣнной моей книгѣ, кошо-
 рая научила меня здѣлать сїю безцѣп-
 ную шпрѣлу, кошорой никакое волшеб-
 шво прошивишья не можетѣ, и коя
 владѣшеля своего защищаетѣ ошѣ нападє-
 нїя духовѣ и человѣковѣ, а пришомѣ
 не имѣетѣ

не имѣетъ она никакой силы въ другихъ рукахъ, и не можно ею овладѣшь безъ моего согласія.

Такимъ способомъ здѣлавъ себя безопаснымъ отъ злоумышленій Карачуновыхъ, предпріялъ я и книгу свою такою же оградить безопасностью: дабы опянь не попала она кому, и не произвела новаго мнѣ прошивника. Сія то причина побудила меня построить ещѣ замокъ, и въ немъ сей кабинетъ, кошорый обороняетъ весь сей домъ, и въ немъ живущихъ, какъ я уже вамъ сказывалъ. Въ него то преселился я, и перенесъ сю драгоценную книгу, которая теперь находится въ сей скринѣ. Сюда переселилъ я также часть моихъ придворныхъ, кошорыхъ вѣрность испыталъ я напередъ такимъ образомъ: приказалъ имъ объявить, что преселяюсь я для живища въ пустыню, и что желающие слѣдовать за мною, не могутъ ожидать ни чиновъ, ни награжденій, кромѣ спокойной жизни; а кошорые не послѣдуютъ мнѣ; въ опасеніи въ городъ, ещѣмъ опредѣляю я вѣчное жалованье, вдвое больше получаемого ими, и повышаю каждого чиномъ; въ чемъ увѣряю ихъ моимъ словомъ. Сія хитрость, пожеланію моему, имѣла

свое дѣйствіе : изъ двадцати тысячъ придворныхъ, которые при дворѣ моемъ находились, согласилось только сто человекъ за мною слѣдовать, которыхъ вы давѣча и видѣли. Сии честные люди вѣрностью ко мнѣ своею ничего не потеряли ; ибо довольствуясь здѣсь такою пищею и платьемъ, какихъ они сами пожелаютъ : а въ увеселеніяхъ также не имѣютъ недосыпка ; и почишаютъ себя блаженнѣе сто краѣмъ богачей живущихъ въ мирѣ. Напрошивъ шого бѣглецы мои, хотя и получая по обѣщанію моему все, но не долго онымъ пользоваться ; ибо люшый Карачунъ, лишась способа мнѣ вредить, но желая чѣмъ нибудь мнѣ опмстить, погубилъ ихъ всѣхъ, съ прочими моими подданными, превращая ихъ городъ въ ужасную гору, на коей вмѣсто деревьевъ роснутъ копья и мечи, а обитаютъ самыя наисвирѣпѣйшія змѣи. Я сколько ни старался привестъ въ прежнѣе состояніе сихъ бѣдныхъ людей, но только всѣ мои старанія были безполѣзны.

Ахъ, государь мой ! вскричалъ тогда Свѣшлосанъ : позволь мнѣ прервать твою рѣчь : никакъ, ешу самую гору и видѣлъ я во снѣ, о коей обьявлялъ я тебѣ

бѣ въ пустынь; и несчастнаго моего зятя - - - Испоря его мнѣ уже извѣсна, перехваталъ рѣчь его Видоспанъ, и шы обѣ ней сей же часъ услышишь; не мѣшай только мнѣ рассказывать. И такъ, сей свирѣпый уродъ, сей люшый Карачунъ, недоволенъ будущимъ мѣщеніемъ надъ бѣдными моими подданными, предпріялъ стараться всѣми силами и о моей погибѣли. Но видя что я опъ всѣхъ сторонъ безопасенъ опъ его ухищреній, умыслилъ достичь до того коварства, чего не могъ совершишь опкрышою силою.

Здѣлалъ онъ, силою своего волшебства, привидѣніе подобящееся ему во всѣмъ, копорому приказалъ онъ пойти въ мой замокъ, и раздражитъ меня до того, чтобъ я его предалъ смерти. Что, какъ онъ мыслилъ, такъ и совершилось: привидѣніе поражено было мною саблею, и по пораженіи своемъ сохранило видъ разрубленнаго Карачуна, коего мнимый шрупъ приказалъ я сожечь; и сочелъ тогда себя избавленнымъ опъ всѣхъ его тоненій. Въ таковомъ мнѣніи пробылъ я до шѣхъ поръ, пока несчастіе мое не увѣрило меня, что онъ еще живъ.

Между шѣмъ, по прошествіи двухъ, мѣсецовъ послѣ сожженія мнимаго Карачунова шѣла, случилось мнѣ бысть на охотѣ: пущенныя гончія собаки въ лѣсѣ, для поднятія изъ норъ пужливыхъ звѣрей, подняли въ маломъ разстояніи отъ меня великой лай, что побудивъ меня и охотниковъ моихъ думать, что онѣ нашли звѣря, понудило насъ къ нимъ скакать. Проѣхавъ нѣсколько сажень, увидѣли мы на деревѣ краснаго цвѣща маршешку, на копорую смотря лаяли мои собаки. Такой цвѣщъ на обезьянѣ показался мнѣ чуднымъ; а наипаче умножилось мое удивленіе, когда сей звѣрокъ началъ кидать на меня печальныя взоры, и шѣлодвиженіями своими спарался мнѣ показать, что онѣ пребуетъ моего покровительства. Будучи отъ природы жалосливъ, согласился я охотно помочь обезьянѣ: въ слѣдствіе чего приказалъ я собакъ опогнать, а ее снять съ дерева. Когдажъ ее сняли, и принесли ко мнѣ, то начала она взглядами и движеніями своими извѣщать мнѣ свою радость и благодареніе, что, меня сполько пронудило, что опредѣлилъ я имѣть ее первымъ моимъ увеселеніемъ. Получа такую хорошую добычу, не хотѣлъ я продол-
жасть

жашь болѣе охоты, и побѣхалъ въ свой замокъ.

Поѣхавъ въѣонный, первое мое спараніе было велѣшь, ее накормишь. Сія милоспъ удвоила веселіе ея и благодарностъ, копорыя спаралася она мнѣ показашь своими знаками; при всемъ шомъ казались они мнѣ принужденными, и задумчивоспъ ея, копорая за ними послѣдовала, дала мнѣ примѣшишь ея груспъ. Я спаралася ее ушѣшишь: но она прижавъ лапы къ своему сердцу воздыхала, и показывая на моихъ придворныхъ, шрепала себя по груди. Сіи знаки заставили меня разсуждашь, чшобъ она хощѣла ими дашь знашь; и на конецъ, по многимъ размышленіямъ, пришла мнѣ въ голову испышашь помощію моеи книги, не человѣкъ ли какой превращенъ въ нее. Сія мысль споль утвердилася въ моемъ воображеніи, что я шомъ же часъ предпріялъ ей здѣлашь опышь. Чего ради, приведя ее въ сей кабинетъ, взялъ я мою книгу, и сыскавъ въ ней шу спашью, копорая научаспъ какими словами разрушашь очарованіе, прочелъ ихъ надъ ея головою. Лишь шолько окончилъ я чпеніе, какъ обезьяна изчезла, а вмѣсто ее предсталъ передо мною человѣкъ въ

подобномъ вашему одѣяннiи : онъ бросил-
ся къ моимъ ногамъ, благодаря мнѣ на-
ичувствительнѣйшими словами за пода-
нiе ему прежняго вида. Сiе превращенiе
весьма меня удивило, и побудило любо-
пытствовати; кто его привелъ въ та-
кое уничижительное состоянiе. Онъ
охотно согласился рассказать мнѣ свою
повѣсть; и объявилъ что онъ Вельдюзь,
Полошскiй Князь. Какъ, государь мой!
вскричалъ съ восхищенiемъ Свѣтлосанъ,
такъ это былъ мой зять? - - - Онъ
точнo, отвѣтствовалъ Видоспанъ; и
вопъ что, по похищенiи его дракономъ,
съ нимъ случилось.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ВЕЛЬДЮЗЕВЫ.

Сей крылатый змѣй, продолжалъ
Видоспанъ, подхватя его поднялся споль
высоко; что онъ поперялъ изъ вида зем-
лю, и летѣлъ споль быстро, что ско-
рое стремленiе воздуха, и припомъ
ужасъ, захватили у него дыханiе, и ли-
шили чувствъ. На послѣдокъ, когда онъ
опамятовался, то увидѣлъ себя въ про-
странной каменистой сѣвнi; коея кон-
ца не могъ онъ усмотрѣть. Сiе зрѣли-
ще въ такой привело его страхъ, что
онъ

онъ опять упалъ въ обморокъ. Наконецъ, пришедъ въ чувство, рассуждалъ, что ему зачать въ сей крайности: сіе размышленіе завело его въ глубокую задумчивость, изъ копорой извлекло его спенаніе. Онъ оглянувся шуда, откуда оно происходило; но только не могъ ничего усмотрѣть, что страхъ его еще болѣе умножило. Между тѣмъ спенаніе продолжалось; къ коему мало помалу Вельдюзь привыкая, осмѣлился на конецъ увѣдать его причину:

Чего ради слѣдуя на сей жалобный голосъ, пришелъ онъ къ зеленому камню, на копоромъ сидѣла преужасной величины ядовитая жаба. Камень, копорый она покрывала, шрепешалъ подъ нею, и испуская спонъ, произносилъ иногда жалобъ человеческимъ голосомъ. Сіе чудо опять привело въ ужасъ Полоцкаго Князя; однакожъ любопытство его одержало надъ онымъ верьхъ. Опважился онъ извѣдать сію шайну: но не зналъ какимъ образомъ то учинишь; сомнѣвался онъ спрашивать о томъ у камня, думая, что онъ ему отвѣтствовать не можетъ, хотя и произносилъ нѣкоперыя слова на Персидскомъ языкѣ; но другой дороги къ узнанію сего чуда
ему

ему не оставалось. Персидскій языкъ онъ разумѣлъ, и такъ не трудно ему было на ономъ изъясниться: чего ради приешупя къ нему, спрашивалъ его, что онъ такое, и о чемъ приносишь жалобы. Я былъ подобный тебѣ человекъ, опшвѣпшвовалъ ему камень; и жалуясь на несчастное мое состояніе, въ которое привелъ меня люшый волшебникъ со всеми моими подданными. Ежели сердце швое, присовокупилъ онъ, удобно къ жалости, еспьли человеклюбіе природно тебѣ, незнакомецъ! такъ избавь несчастнаго Владѣшеля опъ сего ужаснаго бремени, которое его шерзаетъ, и очарованіе его удерживаетъ. Какъ же я могу ешо здѣлать, спрашивалъ его Вельдюзь, коего робость при каждомъ камневѣ словѣ усугублялась? Ешо ни мало не мудрено: опшвѣпшвовалъ ему камень; вооружись шолько безспрашїемъ, и збрось съ меня ужасную сію жабу.

Прозьба еія весьма поколебала смѣлость Вельдюзеву: боялся онъ опважиться на шоль опасное предпрїяшїе, которое самому ему угрожало смершїю. Онъ бы скорѣе покусился на оное, ежелибъ имѣлъ при себѣ оружїе; но похищеніе его случилось въ шакое время,

когда

когда онъ къ браку, а не къ сраженію
гопвился: слѣдственно и вооружаться
не имѣлъ причины. Долго сожалѣніе его
боролось съ робостью: выскивалъ онъ
разныя способы погубить лягушку; иног-
да хватался за камни, копорыми усы-
пана была снѣдь, но и пѣ опказыва-
лись ему въ помощи; ибо не могъ онъ
никакъ опдѣлать ихъ опъ земли. Ме-
жду пѣмъ камень не переставалъ его
просить объ избавленіи своемъ словами и
стенаніемъ, что въ Вельдюзѣ умножало
сожалѣніе, и терзаніе совѣсти, копо-
рыя его укоряли медлѣніемъ въ вспомо-
щеспвованіи несчастному. Приходило ему
на мысль, что бѣдная его Милослава, и
онъ самъ, могутъ подвергнуться подоб-
ному заключенію; вообразилось ему и
то, что хотя онъ и не подаспъ сему
несчастному помощи, однакожъ не избу-
дешъ смерти, которую безплодная сія
пустыня ему приуоповляетъ; припом-
нилось ему и пророчество Полелино, ко-
торое по тѣхъ поръ не обѣщало ему съ
невѣстой его благополучія, пока не спа-
сетъ онъ столько же несчастныхъ Кня-
зей, сколько лишилъ онъ жизни сво-
имъ свирѣпствомъ. Сіи размышленія,
начали напослѣдокъ укрѣплять его

смѣлосшь, и ласкашь надеждою, что онѣ
поспупкомѣ симѣ можетѣ нѣсколько
умилоспивишь разгнѣваннхѣ на него
боговѣ.

Ушвердясъ вѣ сихѣ мысляхѣ, и при-
завѣ на помощь Чернобога, подошелѣ
онѣ смѣло кѣ Жабѣ, дабы сорвать еѣ сѣ
камня. Лягушка усмошрѣвѣ его намѣре-
ніе, начала ужаснымѣ образомѣ дупсья,
и бросаѣ на него пламенные свои взгля-
ды, усшрашала его изблеваніемѣ на него
яда, кошорымѣ она вся была нашолнена.
Сіе нѣсколько было его поосшановило,
но Бѣлый его Духѣ, присшавленный кѣ
нему для побужденія на добрыя дѣла,
умножая вѣ немѣ сожалѣніе, возбуждалѣ
его кѣ беспшрашному исполненію еѣ
предпріяшя. Воспаленный поощреніемѣ
его Вельдюзь, бросилсѣ безѣ шраха на
Жабу, и схващя еѣ шацилѣ сѣ камня, за
кошорый она весьма крѣпко держаласѣ.
Сколько употреблялѣ Полочанниѣ силы
на сорваніе еѣ, шолько она его грызла и
зіяла на него пламенемѣ для ошогнанія
его. Однако же Вельдюзь сколько ни
былѣ ею шерзаемѣ, не оставлялѣ еѣ: а
наконецѣ ополчасѣ всѣми силами, сор-
валѣ еѣ сѣ камня. Тогда лягушка, пре-
вращясѣ вѣ превеликаго слопа, вскричала
кѣ

къ нему преужаснымъ голосомъ: ны побѣдилъ, несчастный! и разрушилъ очарование сего Персіянина, и его подданныхъ; но за то самъ претерпишь мещь оубъ моего повелишѣя люшѣйшую спо крашѣ его наказанія. Окончавъ сїи слова слонъ, схватилъ его своимъ хоботомъ, и помчался съ нимъ весьма быспро.

Великодушный Вельдюзь, хощя не обманулся въ своемъ мнѣнїи, что спася друга уменьшилъ свое несчастіе, однакожь не каялся, что избавилъ Государя съ цѣлымъ его владѣнїемъ оубъ вѣчнаго спона: и соглашался охотно поперяшъ свою жизнь за спасеніе многихъ несчастныхъ. Едва сїе онъ подумалъ, какъ услышалъ слѣдующія слова, снисшедшїя оубъ пламеннаго облака: *Злоба привлекаетъ наказаніе, а добрыя дѣла награжденіе; и въ самое то время слонъ исчезъ, а онъ очутился въ прекрасной долинѣ, копорая усыпана была благовонными цвѣтами, и окружена плодоносными деревьями. При видѣ сего прїяшнаго позорища страхъ его исчезъ, и наступила радость: палъ онъ на колѣни, и приносилъ благодарность свою всѣмъ Богамъ; а наиболѣе тому, который его, шоль чудеснымъ образомъ, изторгнулъ изъ челюстей смерши.*

По принесеніи своей молитвы, сѣлъ онъ подъ дерево для отдохновенія, наслаждаясь при томъ онаго плодами: вскорѣ послѣ того заспигъ его сонъ; ибо солнце склонилось тогда уже къ морю. Отдохновение его продолжалось спокойно до самой зари, и уже Фебъ началъ показывать блистательные свои лучи, какъ онъ почувствовалъ, что нѣчто за пазухой у него шевелился; проснувшись отъ того увидѣлъ онъ, что это кроликъ, копорый искалъ у него спасенія отъ волка, гнашагося за нимъ, и бывшаго отъ нихъ уже неподалеку. Храбрый Вельдюзъ, почувствовавъ къ сему малому звѣрку сожалѣніе, всталъ поспѣшь, и вознамѣрился его защищать; но не имѣя оружія, принужденъ былъ схватить камень, копорый по счастію ему попался. Онымъ поразилъ онъ споль сильно хищнаго звѣря, что разшянулся пошъ мершвъ передъ его ногами. Въ то самое время избавленный кроликъ превратился въ прекрасную дѣвицу, копорая имѣла зеленые волосы, а платье лазореваго цвѣта. Я чрезвычайно много шобою одолжена, великодушный иностранецъ! сказала она Полопскому Князю: и подущу за услугу швою шобѣ заплашишь, предшавя

представя себя моей шепкѣ, которая неподалеку отсюда живешъ; она волшебница, и можешъ услужить тебѣ при нужномъ случаѣ. Я уже довольно заплаченъ, сударыня, отвѣщивовалъ ей удивленный превращеніемъ ея Вельдюзъ, услуживъ такой прекрасной особѣ какой ты, и почшу себѣ за большое одолженіе, ежели ты удостоишь мнѣ сказать, кому я имѣлъ счастье помочь, смертной или Богинѣ; ибо по виду своему нельзя себя иначе сочестъ, какъ безсмертною.

Ты не совсѣмъ ошибся, отвѣчала она: я Наяда, Нимфа недалеко текущаго отсюда источника, а ешотъ волкъ, отъ котораго ты меня избавилъ, былъ Саширъ здѣшнихъ лѣсовъ. Ты самъ вѣдаешъ, продолжала она, сколь сн живошныя влюбчивы. Ешотъ уродъ безпокойлъ не токмо одну меня, но и всѣхъ моихъ подругъ своею любовію; однакожъ ни одной изъ насъ не могъ прельстить гнусною своею харею; всѣ его презирали, и ругались козлиными его прелестями. Ешо сколько его разсердило, что онъ опредѣлилъ достать по силую, чего не могъ получить по склонности. Я была изъ всѣхъ та несчастная, надъ коше-

43

рой

рой вздумалъ онъ оказать свое свирѣпство. Завсегда искалъ онъ случая най-ти меня одну; что ему и удалось было сегодня; но храбрая твоя рука спасла меня отъ его наглости. По сихъ словахъ Нимфа начала было снова благодарить Вельдюзя, но онъ просилъ ее досказать ея приключеніе, на что она въ угодиность его и согласилась.

Сегодня проснувшись я, продолжала она, прошивъ обыкновеннаго очень рано, вздумала прогуляться пользуясь упреннымъ воздухомъ, какъ сей мерскій Саширъ, кошорый безпрестанно меня караулилъ, давъ мнѣ удалиться отъ моего источника, напалъ на меня нечаянно. Я дерзость его заплаши напередъ пощочиною, предпріяла отъ него спастись бѣгствомъ; а чтобъ лучше отъ него скрыться, приняла я на себя видъ кролика, и бросилась въ кустарникъ. Но лѣшей примѣшя мою хитрость, и превратясь и самъ въ волка, погнался за мною; и конечнобъ меня поймалъ, еспльнбъ помощь твоя не предускорила его дерзости.

Я очень радъ, сударыня, сказалъ ей Вельдюзь по окончаніи ея повѣсти, нашедъ случай себѣ услужить; только дивлюсь

дивлюсь, какая сила помогла мнѣ лишить жизни сего Полубога. Я и сама етому дивилась, присовокупила Нимфа; да и теперь сего не поспигаю. Потомъ подумавъ нѣсколько спросила у Вельдюзя, не имѣетъ ли онъ при себѣ какой вещи, копорая силу его умножаетъ. Нѣтъ, никакой, отвѣтствовалъ Полочанинъ: По-стои! вскричала она увидя на рукѣ его перстень: покажи мнѣ свою руку. Вотъ онъ по тебѣ помогъ, продолжала она указывая на перстень; гдѣ ты его досталъ? Отъ матери моей, отвѣтствовалъ Князь. Онъ мой прежде былъ, сказала Нимфа осматривая его прилѣжно. Я не скажу тебѣ, продолжала она покраснѣвши, откуда я его получила; а скажу только то, что играя въ нашемъ источникѣ съ моими подругами, сронила я его съ руки. Въ самое то время пришли къ намъ на берегъ промышленники искать жемчужныхъ раковинъ, кои въ источникѣ нашемъ родятся; они видно нашедъ мой перстень продали; копорый переходя изъ рукъ въ руки, достался напоследокъ швоей мапушкѣ. Я бы отъ тебя стала его требовать, естлибъ ты не услужилъ мнѣ столь много; ибо перстень сей кромѣ того, что подаетъ

чрезвычайную силу шѣмъ, которые имѣ владѣющъ, имѣещъ еще и другое дарованіе. Обороти его къ ладонѣ своей камнемъ, продолжала она. Вельдюзь ей повиновался: и въ самое то время увидѣлъ передъ собою крылатого коня, который его спрашивалъ, куда прикажетъ онъ ему себя везти. Никуда шеперь, отвѣщивала ему Нимфа, прося припомѣ Полошскаго Князя, чтобъ онъ опять поворошилъ камнемъ къверху: что когда было учинено, то конь паки спалъ невидимъ.

На епой лошаdkѣ довольно я поѣздила, говорила Нимфа удивленному Вельдюзю улыбаясь; а шеперь ты на ней можешь развѣзжашь, сколько изволишь. Полочанинъ благодарилъ ее за столь важное для него увѣдомленіе: на что Нимфа опозвалаась, что мало бы она ему возблагодарила, ежелибъ однимъ только симъ объявленіемъ ограничила свою благодарность. Я хочу тебя познакомить съ моею шешкой, присовокупила она: поѣзжай ты шеперь къ ней на своемъ крылатомъ конѣ; ибо онъ всюду самъ дорогу знаетъ, лишь только назначь ему куда ѣхашь. Я тебя шану у нее дожидашься, ибо я прежде тебя къ ней поспѣю. Проговоря сіе Нимфа исчезла, а Вельдюзь, удивляя-

ся сему приключенію, оспался разсуждать, Ёхашь ли ему къ волшебницѣ, которая ему была совсѣмъ не знакома. Наконецъ подумавъ, что Нимфа непременно его ей препоручить, и что волшебница можетъ ему при нужномъ случаѣ помочь, вознамѣрился къ ней Ёхашь; чего ради обѣрошилъ свой перспень камнемъ къ ладопѣ, какъ Нимфа его научила, чшобъ вызывать изъ него крылатаго коня.

Конь шопчасъ явился, и спрашивалъ у него, куда прикажетъ онъ себя везти: къ шепкѣ ешой Нимфы, сказалъ Вельдюзь, которой пы прежде служилъ, и коя давѣча со мною разговаривала. Очень изрядно; ошвѣпствовалъ ему конь: пы будешь шамъ въ минушу. Вельдюзь сколько удивлялся его разговорамъ, споль не менѣе и виду; ибо цвѣтъ его шерсти подобился бѣлизною своею снѣгу, станъ имѣлъ онъ полной и спашной, голову гордую, украшенную густою гривою, состоящею изъ золотыхъ волосовъ, и которая перевиша была голубыми леншами, и по мѣстамъ блиспала дорогими каменьями; хвостъ его изъ такихъ же былъ волосовъ какъ и грива, и украшенъ былъ подобно; крылья имѣлъ онъ весьма пространныя, состоящія изъ бѣлыхъ,

Сѣлыхъ, розовыхъ, и золопыхъ перьеѣ, весьма прекрасно разположенныхъ; копыща у него были золопья же; а глаза ево блиспали такъ какъ звѣзды; узда, чапракъ, и сѣдло ево усыпаны были крупнымъ жемчугомъ и браліаншами. Скажи мнѣ о своемъ произхожденіи, говорилъ ему Полопскій Князь: въ разсужденіи швоего вида и свойсшва, и богатаго убора, должно бышь оно не маловажно. Ты не обманулся, отвѣтсшвалъ ему конь: я внукъ шого славнаго коня, копорый родился изъ крови Медузинной, когда Персей опрубилъ красавицѣ сей голову. Музы меня весьма любилы: чему позавидовавъ Фортуна, лишила меня ихъ милосши самымъ страннымъ образомъ.

Нѣкогда поѣхала на мигъ Калліопа, продолжалъ конь, къ нѣкопорому славному Вишязю на поклонѣ съ Одою, приказавъ мнѣ, какъ можно поскорѣе скакашь, желая заспашъ его дома. По несчастію моему дорога къ нему была очень крупа и бугрисша, на которой я спешкнувшись упалъ, и сшябъ съ себя Музу, копорая въ паденіи своемъ вывихнувъ себѣ ногу, не осмѣлилась поѣхашъ къ своему Герою, бояся бышь осмѣянною шамъ

шамъ. Сіе сполько ее разсердило, что
Оду свою въ шотъ же часъ она изорвала,
а меня заключила на вѣчное жилище въ
ешотъ перстень. Вотъ сколь опасно
малымъ раздражитъ рѣшительное жи-
вотное! Сей перстень подарила она по-
шомъ своему любовнику: а шотъ ешой
Нимфѣ, которая давѣча съ тобою гово-
рила. Далѣе Исторіи своей я не знаю;
потому что съ тѣхъ самыхъ поръ,
какъ Нимфа въ послѣдній разъ велѣла
мнѣ войти въ сей перстень, невидаль я
свѣта до самаго ешого дня, и невидаль
въ чьихъ рукахъ я находился. Теперь я
твой слуга, продолжалъ онъ: ибо рокъ мой
таковъ, что кто ешотъ перстень имѣ-
етъ, шотъ мною и повелѣвать можетъ.

По окончаніи своей повѣсти про-
силъ онъ Вельдюзя, чтобъ онъ на него
сѣлъ, и испыталъ его быспрому. По-
лошскій Князь не умѣдлалъ желаніе его
исполнить; а конь помчался быспрѣ
всякой стрѣлы, и принесъ его чрезъ нѣ-
сколько минутъ въ волшебницынъ за-
мокъ, который въ красотѣ, по описанію
Вельдюзеву, говорилъ Видоспанъ; ма-
лымъ чѣмъ моему уступаетъ.

Волшебница и племянница ея, ко-
торая тушъ уже была, встрѣтили его
очень

очень ласково, и осыпали учтивостями за храбрый его поступокъ съ Саширомъ. Проводя его въ покой, старались всѣмъ и шѣмъ угостить, что вкусъ и обоняніе могутъ изобрѣсти наилучшаго. Послѣ чего просили Вельдюзя, чшобъ онъ объявилъ имъ, какому человѣку одолжены онѣ столь важною услугою, которую онъ имъ показалъ; въ чемъ онъ ихъ потчасъ и удовольствововалъ. По выслушаніи его повѣсти, извяснили онѣ ему свое сожалѣніе о его несчастіяхъ: при чемъ волшебница обѣщалась ему во всемъ помѣ приниматьъ участіе, что до него касаться ни будетъ. Во исполненіе чего потъже часъ разсказала она Сильфовъ развѣдать о судьбѣ его невѣсты; и что ежели они ее найдутъ, шобъ приесли ее немедленно къ нимъ въ замокъ:

Сильфы потчасъ полетѣли, а Вельдюзь оспался благодарить Преврапу за ея попеченіе, которое она о дѣлахъ его принимаетъ. Благодарность моя очень бы умѣренна была, ошвѣтствоввала ему волшебница, ежелибъ я се ограничила одною сею услугою. Я хочу шобъ послужишь такъ, чшобъ по крайней мѣрѣ могъ ты завсегда памятовать, что услуга моей племянницѣ, а шѣмъ и
 мнѣ,

инѣ, услужилъ не неблагодарнымъ. По-
 слѣ того топнула она ногою, проговоря
 нѣсколько словъ : опъ чего топчасъ
 полъ въ комнашѣ раздвинулся, а изъ от-
 верстїя явился предъ нихъ Арапъ, имѣя
 въ рукахъ вооруженіе изъ чистаго золота;
 то есть: доспѣхъ, щипъ, копье, лукъ и
 колчанъ со стрѣлами. Указывая на оное
 Преврата, вопъ чѣмъ, говорила она
 Вельдюзю, хочу я свидѣтельствовать
 тебѣ мою благодарность: ето вооруже-
 ніе защититъ тебя опъ пораженїя вся-
 каго человѣка; еспыли только прошив-
 никъ твой выше человѣческой силы чего
 при себѣ имѣть не будешь. Ето все
 принадлежало бѣдному моему мужу, ко-
 тораго погубилъ люшый волшебникъ,
 нашъ неприятель. Етошъ злодѣи ни-
 когдабъ не могъ одолѣть моего супруга,
 ежелибъ у него не украли препоясанїя и
 меча обвороженнаго, которые имѣли въ
 себѣ чрезвѣстивенную силу, и сохра-
 няли его опъ всякаго волшебства. Въ
 прочемъ не совѣмъ оно лишилось своей
 силы: кромѣ того что не произительно,
 возбуждаешъ оно великую храбрость въ
 томъ, кто его на себѣ имѣетъ, и при-
 томъ умножаетъ весьма силу. И шакъ,
 пожалуй прїими его опъ меня, продол-
 жала

жала волшебница, въ знакъ моей къ тебѣ благодарности; и надѣнь его теперь же на себя для предосторожности отъ всякаго неожиданнаго случая. Вельдюзь поблагодаря ее за ея подарокъ, надѣлъ на себя вооруженіе; и когда онѣ гошовились описывать его въ немѣ пригожшво, по въ самое то время, прилетѣвшей одинѣ изъ посланныхъ Сильфовъ, привлекъ ихъ на себя вниманіе.

По смущенному его виду заключили было они, что онѣ Милославы не нашолъ: чего ради волшебница начала уже было ему и выговаривать за его неискренность. Но отвѣтъ его привелъ ихъ всѣхъ въ такое удивленіе и ужасъ, какихъ они не ожидали; ибо онѣ объявилъ, что Милославу нашолъ онѣ на оспровѣ, узнавъ ее пошому описанію, какое ему обѣ ней сдѣлали, и рассказавъ ей о своемъ посольствѣ, хотѣлъ ее взять, и къ нимѣ понести, какъ въ самое то время пріѣхалъ къ нимѣ въ колесницѣ, запряженной Аспидами, ужасный Исполинѣ, который у него вырвавъ изъ рукъ Милославу, увезъ ее съ собой. А онѣ, не имѣя силы ей пособить, принужденъ былъ летѣть назадъ, чтобъ уведомить ихъ о семъ печальномъ приключеніи.

Когда

Когда Сильфъ окончилъ свое повѣ-
ствованіе, то Вельдюзь, возбуждаемый
любовію и недоволніемъ, предпріялъ
гнасться за симъ покишишѣлемъ. Волшеб-
ница старалась его уговорить, чшобъ
онъ не вдавался безъ размышленія въ
опасность; и обѣщалась напередъ развѣ-
дать, кто таковъ сей покишишѣль, и
попомъ уже употребить хотѣла при-
личные способы къ освобожденію Мило-
славину. Но Полочанинъ, горя нетерпѣ-
ніемъ, поблагодаря ее приличнымъ обра-
зомъ, пошелъ отъ нее, и сѣвъ на кры-
лашаго своего коня, приказалъ ему гна-
ться за Исполномъ, кошораго и нагналъ
онъ вскорѣ надъ сею ужасною горою, въ
кошорую превращены мои подданные.

Неустрашимый сей Князь, увидѣвъ
любезную свою Милославу въ рукахъ у
страшнаго сего Волоша, усстремился на
него съ копьемъ, думая его онымъ сра-
зить; но въ самой пошѣ мигъ Исполинъ
зинулъ на него пламенемъ, кошорымъ
обжегъ у него шу руку, на кошорой
былъ перспень: Вельдюзь почувсшвоуя
боль, опдернулъ ее къ себѣ: отъ чего
повернувшись у него перспень камнемъ
въ верхъ, принудилъ крылашаго коня
скрышья, а всадникъ полешѣлъ спрем-
главъ

главъ на ушыканную копьями и мечами гору.

Сшenanіе и вопль Милославы, копорыя послѣдовали за его паденіемъ, представили ему смерть ужаснѣйшею: страшная гора гошовила ему неизбѣжимую кончину, копорая бѣдную его невѣсту оставляла на вѣкѣ во власпи у люшова Волоша. Низверженный Вельдюзь началъ призывать на помощь и Боговъ и людей, но всѣ его слова погибали на воздухѣ бесполезно. Уже паденіе его оканчивалось: свирѣпые змѣи подняли головы, и разинули свои пасти, чтобъ его разперзашь: уже коснулся онъ оспреямъ копей и мечей, какъ множество Сильфовъ подхватя его, опнесли къ волшебницѣ его пріятельницѣ, копорая увидя его, выговаривала ему ласковымъ образомъ за его стремленіе и дерзость, съ какою онъ отважился напасшъ на шакого врага, коего она сама прещещешъ.

Едва она окончила сїи слова, какъ ужасный громъ и молнія, сорвали съ покая, въ коемъ они находились, крышку: и въ самое шо время съ превеликимъ вихремъ слетѣлъ къ нимъ Исполнѣ, копорый обратясь къ Вельдюзю, сказалъ ему страшнымъ голосомъ: Дерзновенный!

ты осмѣлился опнимати у меня мою невольницу, и напасть на меня по срединѣ воздуха: но будучи мною сверженъ, убоялся умереть. Ты не спойшь по трусости пивоей смерти; но за дерзость живою неспешь и жизни; и за то и другое долженъ ты претерпѣшь такое состояніе, которое заспавитъ тебя ужасашься и живота и смерти. По окончаніи сихъ рѣчей засвиспалъ онъ преужасно: тогда предспало предъ него шестеро премерскихъ карловъ, копорымъ приказалъ онъ ободратъ съ него вооруженіе; а перспень его взялъ къ себѣ. Послѣ того прошепшавъ нѣчто, взялъ Вельдюзя за ногу, и бросилъ въ опверспіѣ покоя..

Успрашенный Вельдюзь, лептя изъ покоя въ рошу, кою окруженъ былъ волшебницейнъ замокъ, почувспвовалъ въ себѣ легкость, и обратя на себя глаза увидѣлъ, что онъ болѣе не человекъ, но обезьяна. Сіе горестное превращеніе споль его опечалило, что онъ охотно соглашался тогда потерять и жизнь свою. Но живошлюбіе принудило его схватиться за вѣтви дерсвѣ, между коихъ онъ упасалъ. По счастью его схватился онъ за нихъ такъ удачно, что

Честъ I.

е

паденіе

паденіе его онѣ останоуили. Свойство новаго его соспоянїя способствовало ему безвредно слезти съ дерева на землю, на которую сошедъ вдался онѣ въ превеликую печаль. Но страхъ воспрепятствоваль ему быти долго въ такомъ мѣстѣ, подлѣ коего находился ужасный его неприятель. Побѣжалъ онѣ отпуда, проклинающая Исповина, и пужа о бѣдной своей приятельницѣ, коей волшебникъ непреминешъ мстити за его избавленіе. На послѣдокъ, бѣгая около двухъ мѣсцевъ по лѣсамъ, добѣжалъ онѣ до моего замка, гдѣ напавъ на него мои собаки, принудили его взлезти на дерево, и дожидаться моей помощи. Вотъ всѣ приключенїя швоего зятя, продолжалъ Видоспанъ говоря Свѣтлосану; а окончаніе ихъ я уже тебѣ разсказалъ; теперь осталось мнѣ досказати тебѣ мою Историю.

ОКОНЧАНІЕ ИСТОРИИ ВИДОСТАНОВОИ

Несчастїя Вельдюзевы пронули меня, и возбудили во мнѣ къ нему любовь и сожалѣніе. Я вознамѣрился ему помочи, чего ради прибѣгнулъ я къ кольцу, которое ты видишь у меня на рукѣ: я
его

его сдѣлааь помощію моеі книги; оно заключаешь въ себѣ, такова Духа, кошорый увѣдомляешь меня обо всѣмъ, о чемъ я ни спрошу. Сей Духъ, будучи мною вопрошенъ о непріятелѣ швоего зятя; отвѣтствовалъ мнѣ, что хощя обвнемъ онъ и вѣдаешь, но не смѣешь мнѣ обвъявись. Я хощѣаь увѣдашь о семъ опъ книги моеі, но и она мнѣ поже отвѣтствовала; прибавляя къ шому, что сдѣлаано на тайну сию такое за-кляше, кошорому и самъ Князь Духовъ прошивись не въ силахъ. Не могъ я подумашь на Карачуна; ибо привидѣніе его, заколошое и сожженное мною, обнадеживало меня, что нѣшъ его болѣе на свѣшъ; по чему я и заключилъ, что ешо былъ другой какой нибудь волшебникъ.

Между шѣмъ, дни черезъ при послѣ сего приключенія, нѣкто изъ придворныхъ моихъ обвъявилъ мнѣ, что прохаживаяся въ рошѣ, внѣ моего дворца, сошелся онъ съ молодымъ человѣкомъ, кошорый, выспрося у него о господинѣ замка, просилъ его увѣдомись меня о себѣ, и испросить дозволенія передъ меня предсташь, обвъявляя пришомъ, что въ помощію моеі имѣешъ онъ превеликую нужду. Человѣколюбіе мое склонило ме-

ня

ня тотчасъ согласился на его прозбу: я приказалъ его привести къ себѣ, что въ тотъ же часъ и исполнено было. Какъ скоро онъ ко мнѣ вошелъ, то по-валясь мнѣ въ ноги, просилъ себѣ моего покровительства. Я его поднявъ, обнадеживалъ моею дружбою, и просилъ его сказать мнѣ, въ чемъ ему могу услужить. На что онъ мнѣ отвѣщивовалъ, что Исторію свою желаетъ мнѣ рассказать на единѣ. Чего ради приведши его въ сей кабинетъ, просилъ его вторично рассказать мнѣ свою повѣсть, въ чемъ онъ меня тотчасъ и удовольствововалъ.

ПОВѢСТВОВАНІЕ ХИТРАНОВО.

Я называюсь, говорилъ онъ мнѣ, Хитранъ, опечесство мое Кышай: а жизнью моею одолженъ я Богдохану. Я былъ одинъ сынъ у моего отца, и былъ всегда благополученъ, ежелибъ не имѣлъ у себя сестры, которая всему моему несчастію причина. Не удивляйся, Государь, примолвилъ онъ, моимъ словамъ: свидѣаніе моей повѣсти докажетъ тебѣ, что я имѣю причину такъ говорить.

Сестра моя продолжалъ онъ, именемъ и свойствами Леспа, имѣла у себя
многихъ

многихъ жениховъ, подданныхъ и союзныхъ намъ Государей: но только не хотѣла ни съ кѣмъ изъ нихъ вступишь въ бракъ. Я вопрошалъ ее иногда о причинѣ ея отвращенія къ замужству, на что она отвѣтствовала мнѣ одни только слезами. Но нѣкогда вздыхая мнѣ говорила, что она и сама любитъ, но не изъ шѣхъ, которые къ ней свашающся, а шакова, который о любви ея къ себѣ ничего не знаетъ, и можетъ быть самъ прельщенъ уже другою. Я не зная совсѣмъ, о комъ она говорила, спрашивалъ ее, кто онъ шаковъ, и дозволяетъ ли его состояніе вступить ей съ нимъ въ супружество. Сіе по и причинѣ моей горести, отвѣтствовала она что не могу я ласкаться имѣть сію мою имѣ мужемъ; но что касается до его состоянія, то онъ такой же знатной крови, какъ и я, и столь прекрасенъ, какъ ты. По сихъ словахъ она зараснѣлась, и опустила глаза свои въ землю. Я старался дойти мысленно до того предмета, которымъ сердце ея воспалилось; но не могъ ни на кого помыслишь пошому описанію, какое она мнѣ сдѣлала.

Между шѢмѢ приходилъ потѢ день, вѢ кошорый мысли ея кѢ моему несчастію ошкрылись. Я былъ влюбленъ вѢ дочь перваго Министра моего роднпеля: любовь моя была до шѢхѢ порѢ тайна; но тогда ошкрылась она кѢ неблагополучію нашего дома. НѢкогда прохаживался я съ моею любовницею вѢ саду нашего дворца: наконецъ походя довольное время и успавѢ, вошли мы вѢ пещеру, кошорая раздѢлялась на нѢсколько жилищѢ. ВѢ одномѢ изѢ оныхѢ опдыхая, началъ я любовницѢ моей изѢяснять жарѢ моей любви. Обыкновенныя рѢчи любовниковѢ, ласкающихся кѢ своимѢ любезнымѢ. Долго бы я пробылъ вѢ семѢ упражненіи, еспылавѢ причинившейся шумѢ, вѢ другомѢ покоѢ пещеры, не пресѢкъ моихѢ удовольствій, и не принудилъ шуда пойти, дабы увѢдать онаго причину. Не мало я удивился увидя сестру мою лежащую шамѢ вѢ обморокѢ. Не приписывая ничему кромѢ болѢзни сей ея припадокѢ, спалъ я помогать ей, и стараніями моими привелъ ее вскорѢ вѢ прежнее чувство. Когда она опамятовалась, то проливѢ напередѢ нѢсколько слезѢ, начала мнѢ выговаривать нѢжнымѢ образомѢ за приключеніе ей сего

при-

припадка, приписывая оной любви моей къ такой особѣ, которая недостойна моей горячности, имѣя ниже моего состояніе. Слова ея не иначе я сочелъ, какъ дѣйствиемъ ея честолюбія и гордости; но оныя были дѣйствиемъ наипозорнѣйшей страсти, гнуснѣйшей обѣихъ сихъ пороковъ.

Сие приключеніе принудило насъ оставишь салъ, и возвратишь въ покои нашего дворца, куда долженъ былъ я проводить по благоприспособности сестру мою. Во время нашей дороги старалася сестра моя отъвертитъ меня отъ моей обладательницы всѣми силами: по опирающая любовь мою къ ней, по суждая качества ея и поступки. На послѣлокъ видя, что я не соглашаюсь на ея желаніемъ, сказала мнѣ сердитымъ голосомъ, что она не потерпитъ, чтобъ я сравила въ такую породу столь низкимъ союзомъ. И тотже день опровергъ нашему родителю о любви моей. Сказавъ сіе ушла отъ меня поспѣшно, и точно въ самой томъ день объявила Богдохану о моей страсти. Но родитель мой, призвавъ меня къ себѣ, и услыша о сильной моей любви, смягчася припомъ моими слезами и прозьбами, соизволивъ на мое желаніе,

желаніе, чшобъ я совокупился бракомъ съ моею любезною; хотя и намѣрился было сперва женишь меня на дочерѣ нѣкотораго союзнаго намѣ Гесударя.

Принеся ему тысячу благодареній, вышелъ я отъ него въ превеликомъ восхищеніи, и побѣжалъ къ моей любовницѣ сообщитъ ей сію радостную вѣдомость. Препроводя съ нею нѣсколько минушъ въ безпрерывныхъ восторгахъ и восхищеніяхъ, вздумалось мнѣ пойти къ моей сестрѣ, чшобъ огорчить ее сею вѣдомостію; и наказашъ за то, что она хотѣла меня разлучить съ моею любезною.

Пришедъ къ ней, объявилъ ей съ радостнымъ лицемъ соизволеніе моего родителя. Вѣсть сія сполько ее поразила, что она упала безъ памяти. Я старался ей помочь: она шворя смущеніе свои глаза, смотрѣла на меня до того проливая слезы. Попомъ, выславъ всѣхъ ея ихъ служительницъ изъ комнаты, просила меня сѣсть подлѣ себя, и пожимая мою руку нѣжнымъ образомъ, окропляла ее слезами, вздыхая припомъ непрестанно. Ахъ! вскричала она на послѣдокъ: для чего швое сердце не таково же какъ и мое? Не шѣмъ шы мнѣ, жестокой, плашешъ,

плашишь, продолжала она, чего достойна любовь моя къ тебѣ! Я не пожалѣю пролить всей моей крови за одинъ твой взглядъ, за одно твое ласковое слово, которыми пользуешься опъ тебя непрестанно недостойная твоя любовница. Любовь моя къ тебѣ такова, какою никто, и ни къ кому еще не воспламенялся. Постой! продолжала она, видя мое удивленіе и желаніе прервать ея рѣчь, дай мнѣ выговорить тебѣ все, что чувствуешь моя душа. Такъ, ты не обманываешься, ежели усматриваешь въ словахъ моихъ такую къ себѣ любовь, какой сестрамъ не позволено имѣть къ братьямъ. Я ее чувствую къ тебѣ, и спользуюсь, что ни сами Боги не въ силахъ ее вырвать изъ моего сердца. Она одна составляетъ все мое на свѣтѣ блаженство: безъ нее и жизнь бы моя была мнѣ несносна; и смерть мою останавливаетъ одна только надежда получить когда нибудь твое соотвѣтствіе. Вошь моя тайна, которую тебѣ никогда я не открыла, ежелибъ самъ ты не принудилъ меня къ етому. Теперь не остаешься мнѣ инаго тебѣ сказать, какъ просить твоего отвѣта, которой ты можешь учинить вонзя въ меня сей кан-

жалъ , или въ сердце недостойной моей соперницы.

«Сие нечаянно ея открытіе привело меня въ такое недоумѣніе , опѣ коего долго не могъ я освободиться ; на послѣдокъ началъ я ее уговаривать , чшобъ она оставила сію безумную спрась , кошорая кромѣ стыда и безчестья ничего ей не можешъ принести . Слова мои , кошорыя лишили ее всей надежды , привели ее въ ужасное бѣшенство : она начала рыдать , проклиная мою любовницу , и дѣлая все то , что свойственно въ такихъ случаяхъ бѣшенымъ женщинамъ . На послѣдокъ , выхвативъ у меня кинжалъ , хотѣла пронзить себѣ грудь , до чего однакожъ я ее не допустилъ , сколько она ни старалась на мѣреніе свое исполнить . Я угрожалъ ей , что позову ее служительницъ , и увѣдомлю родителю о незаконной ея спраси , ежели она предпріятія своего не оставитъ . Изрядно ! сказала она мнѣ на то , бросая на меня яростные взоры , я его оставляю , но не для того , чшобъ влачить безполезную и горестную жизнь , терзаясь мучительнѣйшимъ пламенемъ къ неблагодарнѣйшему изъ чшловѣковъ , а чшобъ пронзить оружіемъ симъ щу , ко-

торая осмѣлилась опинять у меня такое сердце, коего сама недостойна. Сказавъ сіе, кланула своихъ служителейъ, а меня просила удалиться. По желанію ея вышелъ я отъ нее вонъ, не надѣясь въ тогдашнемъ состояніи привесить ее въ разсудокъ.

На другой день, пришедъ къ ней, чтобъ повторить ей мои совѣты, дабы она оставила безпутную свою спрость, нашелъ ее совсѣмъ спокойну, и согласну на всѣ мои разсмотрѣнія. Толь скорую перемену ея чувствій, ни мало не вздумалъ я тогда подозрѣвать, сочтя оно сдѣйствіемъ ея размышленій и страхомъ, дабы не обезславиться такимъ порокомъ, который отъ всѣхъ челоуѣковъ въ презрѣніи находишся, и почиается беззаконнымъ. Обрадуясь счастливой сей переменѣ, хвалилъ ее, что она такъ разумно здѣлала, побѣдя такую спрость, которая кромѣ позора, и безплоднаго мученія, ничего ей не обѣщала. Потомъ, утвердя ее въ мысляхъ сихъ наиболѣе, пошелъ отъ нее весьма спокоенъ, не предвѣщая себѣ никакихъ напастей.

Вскорѣ послѣ того женился я на моей любовницѣ. Весь нашъ дворъ радовался сему браку; ибо первый Министръ

всѣми былъ любимъ за добродѣшель свою и правосудіе. День нашего брака шорже-спвованъ былъ со всевозможнымъ великолѣпіемъ: всѣ знатные бояра были приглашены къ столу, который продолжался до полуночи. По окончаніи онаго препровожденъ я былъ съ молодою моею супругою въ брачную комнату, и оставленъ на произволъ любви и нѣжности. Какоежъ было тогда мое веселіе, когда я увидѣлъ себя полнымъ обладателемъ шой, кошорая любезнѣе мнѣ была всего на свѣшѣ! Будучи ошъ радости внѣ себя, бросился я передъ нею на колѣни: цѣловалъ спокрашно ея руки, и клялся ей вѣчною вѣрностію. Но въ самомъ жару моихъ восхищеній, заспучались у дверей: сей спукъ произвелъ въ моемъ сердцѣ нѣкое успрашишельное волненіе: шайный спрахъ, и прерваніе удовольствія, вкушаемаго мною тогда, воспревожили всю во мнѣ кровь, и произвели во всѣхъ моихъ жилахъ прешешаніе. Подошедъ ко дверямъ спрашивалъ я, кто спучишся: на вопросъ мой ошвѣспвовано мнѣ шихо, чшобъ я ошворилъ дверь; ибо имѣюшъ до меня прекрайнюю нужду, кошорая не терпишъ нималѣйшаго мѣдленія. Сіе еще болѣе воспревожило

мшя:

меня: я оуперѣ пошчасѣ двери, и уви-
дѣла вошедшую ко миѣ сестру мою.

Я пришла сюда, говорила она миѣ
сѣ ласковымъ лицомъ, показавъ тебѣ
такую услугу, какую можешъ здѣлать
такая шокмо сестра, какова я. Потомъ,
ошведя меня къ споронѣ, сказала миѣ,
что она принесла такое пишье, которое
предохраняетъ женѣ отъ невѣрности.
Симъ напишкомъ, продолжала она, хо-
чу я услужить молодой швоей супругѣ,
что предохранитъ ее отъ всякихъ соб-
лазновъ. Пускай она теперь же его выпь-
етъ, говорила она вынимая изъ кармана
скляночку, и подавая ее миѣ; ибо зав-
тра оно никакого дѣйствія имѣть для
нее не будетъ. Сказавъ сіе, начала она
ласковымъ образомъ принуждать меня,
чтобъ я заспавилъ мою жену выпить
сей напишокъ, предвѣщая миѣ отъ того
непоколѣбимую ея вѣрность. Сіе лестное
обѣщаніе, побужденія ея, и благопри-
стойность сѣ моей спороны, дабы не
огорчить шоль ласковой сестры за ея
усердіе ко миѣ, склонили меня прозьбу
ея исполнить; на что и жена моя согла-
силась.

Сестра моя, видя ее пїющую, мѣшта-
ла на нее радостныя взгляды, кои шол-

говалъ я тогда усердіемъ ея ко мнѣ. Теперь я торжествую! вскричала она пошомъ, увидя, что жена моя все допила: напитокъ сей конечно сохранишь ее отъ вѣчнаго непоспоянства; ибо есполь люшый ядъ, что никакое лѣкарство не можешъ его одолѣшь. А чшобъ исполнись все шо, продолжала она яростно, чѣмъ я ей должна, такъ вошь ей мой подарокъ на свадьбу. По сихъ словахъ вонзла она въ грудь бѣдной моей супруги кинжалъ, который она до шѣхъ, поръ въ сокрышїи держала. Рвись пепель, мучишель мой! возопила она ко мнѣ въ бѣшенствѣ; и заплаши терзаніемъ за шо, мученіе, кошорое шы мнѣ причинилъ.

Представь себѣ, Государь! говорилъ мнѣ печально незнакомецъ, каково было тогда мое сосшояніе? Я думаю, что молнїя снисшедшая съ небесъ не привела бы меня въ шакое изумленіе и ужасъ, въ какихъ тогда я находился. Наконецъ, гнѣвъ, преодолѣвъ всѣ прочїя движения, объялъ меня: я не могъ въ тогдашнемъ сосшоянїи ему вопрошивишься, и поразилъ шѣмъ же кинжаломъ люшую мою сесшру, кошорымъ она умершвила несчастную мою супругу. Умри и шы, вскричалъ я ей, беззаконница! и спупай во
адъ

адъ подъ область Фурій, копорыхъ шы
въ злобѣ своей превосходишь.

На спукъ паденія пораженныхъ, и
крикъ нашъ, вошло къ намъ нѣсколько
людей, а за ними вскорѣ и родителъ мой.
Два окровавленные трупъ поразили всѣхъ
удивленіемъ и страхомъ: а наипаче ро-
дителя моего. Я бросаюсь предъ него на
колѣни, разсказалъ ему все сіе печальное
произшествіе; и будучи объявъ горестію
и отчаяніемъ, просилъ его лишить меня
жизни какъ смертоубійцу. Ахъ! сказалъ
мнѣ родителъ мой проливая слезы; шы
неповиненъ, хошя и лишилъ жизни свою
сестру; всякой братъ ешдоже бы здѣлалъ,
увидя погибающую свою супругу. Несча-
сливъ одинъ твой отецъ, продолжалъ
онъ, копорый и къ беззаконнымъ дѣ-
шамъ не можетъ изпребить вдругъ го-
рячности, вселенной въ сердца наши
природою.

Приближенные бояра старалися ушѣ-
шить какъ родителя моего, такъ и ме-
ня; и приказали вынести воѣ шѣла
супруги и сестры моей, дабы не умно-
жатъ нашихъ сокрушеній печальнымъ
симъ зрѣлищемъ. Я препроводя родите-
ля моего въ спальню, старался его ушѣ-
шать, хошя и самъ неменьше пребовавъ

утѣшенія. Вся ночь почти прошла во взаимныхъ вздохахъ и сненаніяхъ; на конецъ уже на зорѣ родитель мой успокоился сномъ, что и мнѣ совѣщовали здѣлать. Я бросился въ постѣлю не столько для сна, какъ чтобъ опдаться свободнѣе моей горести, которой тогда ничѣмъ не могъ я пребороть.

Долго не могъ я заснуть, терзаясь разными ужасными воображеніями: то представляя себѣ плачевную смерть моей супруги, то воображая люпость моей сестры, и мщеніе мое учиненное ей. Въ сихъ мысляхъ постигъ меня сонъ; но не для успокоенія, а для люпѣйшаго моего страданія. Приснилась мнѣ сестра моя въ такомъ шочно видѣ, въ какомъ она лежала будучи онѣ меня поражена: платье ея было всюду окровавлено, волосы распрепаны, на лицѣ ея присуществовали гнѣвъ и ярость. Она влекла за волосы несчастную мою супругу, испускающую стонъ и вопли, и пронзала ее безпрестанно кинжаломъ. Я бросился къ ней на помочь, и хотѣлъ поразить саблею ея мучительницу, какъ сестра моя поднявшись съ нею на воздухъ: нѣтъ, мучитель мой! вскричала ко мнѣ яростнымъ и ужасающимъ голосомъ: ты не
опни-

опнимешъ у меня моей жершвы; но самъ страшишь мщенья моего, варваръ! ужасная моя шѣнь повсюду спанешъ слѣдовашь за побою, и опмщевашъ шебѣ мое убійство. По сихъ словахъ вонзила она въ меня кинжалъ, и спала невидима. Сей ударъ такъ меня встревожилъ, что я проснулся, и не опамятовавшись еще совѣмъ, осмапривался гдѣ я раненъ: но не видя никакого пораженія, опомнился, что ешо во снѣ мнѣ представилось. Но шокмо страхъ мой нимало шѣмъ не уменьшился: я препеналъ и ужасался думая, что сновидѣніе сіе грозилъ мнѣ новымъ какимъ ни есть несчастіемъ. Одевшись поскорѣе, пошелъ я къ моему родишелю, и объявилъ ему о сей устрашишельной мѣчшѣ. Сошъ мой и его немало воспревожилъ: онъ также думалъ, что мѣчшаніе сіе заключашъ въ себѣ шайноспь; чего ради приказалъ позвашъ къ себѣ Первосвященника, къ совѣтамъ коего прибѣгалъ онъ обыкновенно во всякихъ недоумишельныхъ случаяхъ.

Хейхоамъ, такъ назывался сей первосвященникъ, по выслушаніи моего сновидѣнія, объявилъ причиною онаго не очнщенье мое опъ убійства; чего ради совѣщовалъ поскорѣе очистишь меня по

законнымъ обрядамъ, что въ тотъ же день и исполнено было. Но мученіе мое шѣмъ неумалилось ; въ наступившую ночь опять сестра моя мнѣ явилась: кляла, терзала меня, и угрожала не давать мнѣ вѣчно покоя. Сей ужасный сонъ, и другіе слѣдовавшіе за нимъ, заставили моего родителя, коему обонныхъ объявлялъ я и жаловался, принести моленія и жертвы ; но ничто не могло отогнать отъ меня привидѣнія. Оно мучило уже меня и на яву, представляясь мнѣ въ ужаснѣйшихъ видахъ. Всѣ способы были употреблены къ его отогнанію ; но ничто не могло освободить меня отъ него. На послѣдокъ присовѣтовалъ родителю моему Хейхоамъ, чтобъ онъ опустилъ меня путешествовать, и обѣхалъ всѣ славныя пророчества для изпробованія отъ онныхъ совѣта, какъ освободиться отъ устрашающаго меня сновидѣнія.

По полученіи дозволенія отъ моего родителя, поѣхалъ я немѣдленно, и по довольномъ странствованіи, пріѣхалъ я наконецъ въ Дельфы, желая узнать отъ Аполлона мою судьбу, о коей всѣ пророчества шемно извѣснались. По очищеніи и принесеніи жертвы, вошелъ я въ храмъ,
ожидаю

ожидаѣ Пиѣйна отвѣща, кошораѣ вскорѣ
рѣ пришедѣ за мною, сѣла на священ-
ный шреножникѣ, и наполнясь вдохно-
веніемѣ, неистовясь и скрежеща, пронзѣ-
несла мнѣ слѣдующее прорицаніе.

Пришелѣ ты шрепеща, ошодеть ужасаясь,
И вѣхѣ свой повдчишь среди всегдашнихѣ
золѣ,
Доколѣ неайдешѣ, по Индіи скишаясь,
Изѣ крѣпкихѣ вѣчныхѣ розѣ блистающей
престолаѣ.

Сіе пророчество привело меня вѣ
недоумѣніе: я не зналъ куда ѣхать, и
гдѣ искашь престола изѣ розѣ, ошѣ ко-
шораго прорицаніе обѣщало мнѣ помощь;
напослѣдокѣ, не зная лучшаго средства
ко освобожденію ошѣ привидѣнія, пред-
пріялъ ему повиноваться, и проѣхать
всю Индію для сысканія обѣщанной по-
мощи. И такѣ, взявъ твердо сіе намѣ-
реніе, выѣхалѣ я изѣ Дельфѣ, принеся
еще жершву Аполлону. Попомѣ пріѣхавѣ
кѣ морю, нанялъѣ я корабль, на копо-
ромѣ пущилѣся вѣ море, льспясь надеж-
дою скорого освобожденія ошѣ безпре-
спанныхѣ моихѣ устрашеній. Морепла-
ваніе наше было нѣсколькѣ дней спокой-
но: но напослѣдокѣ возспала преужасная
буря, кошораѣ продолжаясь болѣе мѣсе-
ца,

ца, носила нашъ корабль по своей волѣ, и на конецъ оной разбила. Тогда всякой, изъ насъ спарался шюкмо спасти свою жизнь, какъ кому можно было: я схватилъ доску, кошорая по счастью моему мнѣ попалась; и держась за нее крѣпко отдался на произволъ волнамъ. Я непомню сколько времени меня носило на морѣ; ибо ужасъ, воспослѣдовавшей по разбишїи корабля, лишилъ меня всѣхъ чувствъ; и я опамятовался уже на берегу, на кошорой меня выбросило.

Благодаря Небу за сохраненіе моей жизни, пошелъ я опшуда, желая сыскапть какое нибудь жилище. По счастью попала мнѣ вскорѣ деревня, въ кошорой я опдохнувъ и укрѣпясь пищею, опправился въ ближней опѣ того мѣста городъ. Приспавъ въ ономъ у торгующаго пряными кореньями купца, спрашивалъ у него, не знаешъ ли онъ шакого, Государя, у коего прешюлъ здѣланъ изъ розъ. Нѣшъ, опвѣспивовалъ онъ, обѣдакомъ я неслыхивалъ; хопя и пупешеспивовалъ по всей Индїи. Я спрашивалъ о томъ у другихъ: однакожъ всѣ невѣденїемъ мнѣ опшозвались. Сїе безъизвѣспїе лишало меня всей надежды во исканїи моемъ; однакожъ предпрїяшїя своего я не опшавилъ,

дѣспясь.

льстясь напослѣдокъ сыскашь то, чего искалъ. Долго путешествіе мое продолжалось: ибо, будучи лишенъ кораблекрушеніемъ всего, принужденъ былъ спрассновать пѣшкомъ; и наконецъ по многимъ трудностямъ достигъ до сего замка, въ которомъ спррданіе мое надѣюсь окончить. Ибо я слышалъ, Государь, продолжалъ онъ, отъ своего придворнаго, что у тебя находится пресполъ изъ розоваго яхонша, на коемъ вырѣзаны сего рода цвѣтки.

По окончаніи своей повѣсти, продолжалъ Видоспанъ, бросился онъ опять мнѣ въ ноги, прося моей помощи. Я его поднялъ, обнадеживая моею пріязнію, и обѣщая употребить все въ его пользу, что только будетъ соспоятъ въ моей власти. Сіе обѣщаніе перемѣнило печальный его видъ въ веселый: онъ просилъ меня поскорѣе ему помочь; ибо ужасное привидѣніе моей сестры, говорилъ онъ, завсегда лишаетъ меня пріятносшей сна: а не рѣдко и на яву меня ужасаетъ. Я согласился охотно на его желаніе: и въ тотъ же часъ взявъ мою книгу, сыскалъ въ ней ту спашью, въ коей описаны были заклинанія на привидѣнія, и выписавъ пристойное къ
его

его обшпояшельсшву, опдалъ Хишрану, чшобъ упошребилъ его въ оборону опъ привидѣнїя. Хишранъ, поблагодаря меня, просилъ дозволенїя жишь въ моемъ замкѣ по шѣхъ поръ, пока онъ совершенно осводишь опъ привидѣнїя. Я и на то безъ всякаго оприцанїя согласилъ. Послѣ шого вышедъ съ намъ изъ кабинета, представилъ его Полотскому Князю, который находился шогда въ залѣ съ моими придворными. Всѣ его привѣщшвовали, и получили опъ него равномѣрныя ласки. Онъ сполько намъ разговорами своими понравилъ, что сочли его всѣ самымъ чеспнымъ и доспойнымъ чело-вѣкомъ всякаго почпенїя ; хопя онъ оказалъ напослѣдокъ обипалищемъ адскїя злобы , и всякихъ беззаконїй.

Осташокъ шого дня препроводилъ я съ моими госшями весьма весело, не предвѣщевая себѣ никакого зла. На другой день Хишранъ пришедъ ко мнѣ объявилъ, что онъ все исполнилъ по предписанїю моему, дабы прогнать привидѣнїе , но нимало въ шомъ не могъ успѣшь; и еще болѣе раздражилъ его на себя. Я весьма сему удивилъ ; нбо до шѣхъ поръ книга моя никогда не обманывала меня въ своемъ дѣйствїи. Сїе побудило

меня

меня спросишь въ помѣ изъясненія у моего кольца, въ которомъ заключенный Духъ отвѣщивовалъ мнѣ ниже слѣдующими словами, произнесенными съ ужасомъ и смященіемъ.

Брегися, Видостанѣ: мѣчшаніе хощь щещно,
Но можешъ навлещи напаси непримѣшно;
Храни свою стрѣлу: злодѣй ея дрожитъ:
А привидѣніе закляшій не бѣжитъ.

Сіи слова привели меня въ недоумѣніе: я не зналъ какой имъ дасть разумъ: слышалъ, что Духъ совѣщивовалъ мнѣ беречься; и въ то же время объявлялъ, что мѣчшаніе щещно, и можешъ нанести бѣды; что есть у меня злодѣй, что надобно хранишь стрѣлу; и что привидѣніе ошъ закляшій не бѣжитъ. Сіе побудило меня опяшь спрашивать Духа объ изъясненіи его словъ, на что отвѣщивовалъ онъ мнѣ слѣдующее.

Едва мои уста безплодно отверзаю:
Преслушашься его закляшій не дерзаю;
За рѣчь одну на вѣкъ во адъ могу низпасить.
Спашись его! спашись! щы можешъ самъ
пропастъ.

Сей отвѣщъ привелъ меня въ пущее недоумѣніе и ужасъ: гощь мой также
всшрес-

вспревоженъ былъ симъ отвѣтомъ; да и причину имѣлъ къ тому. Конечно ешо, говорилъ онъ мнѣ, не сестра моя представляется мнѣ привидѣніемъ, а какая нибудь Адская Фурія, испущенная на меня Богами за мое смертоубійство. Я бы не сталъ тебя, Государь, продолжать онъ, просить еще о помощи себѣ, слыша и о твоей опасности, ежелибъ Дельфисское пророчество не обнадежило меня, что ты точно помочь мнѣ можешь. Да и по отвѣту твоего Духа видно, что ешошъ злодѣй, шо есшь привидѣніе, которое не боится заклятій, спрашится твоей стрѣлы. И такъ, сколько для моей, столько и для твоей собственнoй безопасности, надобно ешо проклятое спрашилище прогнать опять во Адъ. Да какъ же можно ешо здѣлать, говорилъ я ему, когда оно не боится заклятій? Помощію твоей стрѣлы, отвѣтствовалъ онъ, о коей Духъ твой тебѣ говорилъ. Слова его показались мнѣ въ тогдашнемъ моемъ смятеніи довольно справедливы. Я согласился дѣйствовать моею стрѣлою, противъ которой никакая сила устоять немогла.

Но понеже привидѣніе являлося ему одному, шо я не зналъ, какимъ образомъ
сму

ему псмочь. Кышаецъ просилъ меня повѣрить стрѣлу его рукавъ на однѣ шокмо сущи, обѣщая прогонишь ея свое привидѣніе, когда оно ему представишя. Прозьба его показала мнѣ справедлива: ошдалъ я ее ему, не воображая себѣ никакихъ отъ того бѣдствій.

Но едва онъ принялъ ее отъ меня, какъ схвативъ меня въ охапку, шопнулъ ногою въ полъ, кошорый отъ того разсупился, и броснася со мною въ сіе шперсшїе. Во время нашего паденія, вскричалъ онъ ко мнѣ спрашнымъ и сердшымъ голосомъ: наконецъ я шоржеспвую надъ шобою, гордый нешрїяшель! Познай по дѣйспвіямъ симъ Карачуна, кошораго шы думалъ псбѣжденнымъ шобою: и научись наказаніемъ своимъ почиташь сильнѣйшихъ и разумнѣйшихъ себя.

По окончанїи словъ его, очутились мы въ шой пещерѣ, въ коей вы меня нашли. Вотъ какое великолѣпное жилище шебѣ я пригошвилъ; говорилъ мнѣ карло насмѣхаясь, прїявъ свой прежній видъ: ны въ немъ до шѣхъ норъ будешь, пока швоя стрѣла возврашншя къ шебѣ опяшь. Проговоря сіе дунулъ на меня, и изчезъ; а я преврашнлся въ шощь видъ,

въ кошоромъ вы меня нашли: и увидѣлъ себя прикованна къ стѣнѣ, подѣ стражею у ошова, коего приспавилъ ко мнѣ Карачунъ, и кошорому приказано было всѣхъ шѣхъ умершвляшь, кшо покусишся меня освободитъ изъ неволи. Вы я чаю примѣтили, говорилъ Видоспанъ своимъ госпямъ, чшо ошовъ держалъ мраморную дощечку: на ней было написано закляшїе, удерживавшее мое очарованїе: оно не могло ничѣмъ разрушиться кромѣ моей стрѣлы. Впрочемъ ни оковъ моихъ, ни ошова никшо не могъ видѣть кромѣ шѣхъ, кои должны спровади принести ко мнѣ сію стрѣлу.

Представъ себѣ, государь мой, говорилъ Индѣецъ Свѣшлосану, какое было тогда мое удивленїе, увидя живаго Карачуна, и низверженнаго себя въ бездну, изъ коей не имѣлъ я почти надежды выйши! Горестъ и бѣшенство овладѣли моимъ сердцемъ, чшо далъ себя обмануть моему злодѣю. Въ крайности моей не зналъ я къ чему прибѣгнушь; всѣ способы къ избавленїю моему были закрыты: и не оспавалося мнѣ никакой помощи кромѣ моего кольца. Я его пожалъ: симъ образомъ вызывалъ я его изъ кольца: Духъ предсталъ передо мною въ уныломъ

ломъ образъ, ожидая моего приказанія.
Я спрашивалъ его сердитымъ и съ печа-
лію смѣшаннымъ голосомъ, длячего онъ
допустилъ обмануть меня Карачуну,
и не предупредилъ объ его хитрости.
Духъ отвѣтствовалъ мнѣ на сіе слѣдую-
щею рѣчью.

Нѣсчастія сего ты самъ себѣ причиной:
Ты легковѣріемъ обманушъ, не судьбиной.
Не ясно ли тебѣ отвѣтъ мой объявилъ,
Чтобъ ты стрѣлу свою со щаніемъ хранилъ?
Злодѣй твой вымыслилъ свое повѣствованье,
Чтобъ лучше-получишь успѣхъ въ своемъ же-
ланье.

Одна твоя стрѣла причиною была,
Что злосць его тебѣ шоль-поздо пожрала?
Ее боялся онъ, ее онъ ужасался,
И всѣми силами отомъ одномъ старался,
Чтобъ волей отъ тебѣ ее себѣ доспалъ,
Не могли кражею сей вещью завладать.
Не можно было мнѣ сказать тебѣ по ясно,
Что посѣщеніе его къ тебѣ опасно;
Едва я вымолвилъ, чтобъ ты стрѣлу хранилъ,
Какъ онъ на мой языкъ оковы наложилъ.
Закляшя его я долженъ былъ бояться,
Когда ему самъ Адъ не смѣетъ прощивляться.
Теперь молчаніе хранишь, я свободенъ;
Уже его обманъ жестокой совершенъ.

Онъ и менябъ своей подвергъ свирѣпой власти,
 Когда бъ не сохранилъ меня онъ сей напаси,
 Прадлавною книгою волшебныя шворецъ,
 Котору у себя хотѣлъ похищать льстецъ.
 Мой рокъ меня шому лишь шолько подверга-
 етъ,
 Кто сею книгою волшебной обладаетъ.
 Во вѣки буду я подъ власшю твоею,
 Коль самъ не подарить кому ты книги сей,
 Котора, смерть швою теперь остановляетъ,
 И злобу швоего ширана прищупляетъ.
 Спокойся: скоро ужъ его мнѣйся власть:
 Ужъ, ближнися его свирѣпая напастъ;
 Злодѣйствами его разгнѣванные Боги,
 Къ погибѣли его усиронли дороги.
 Младый Славенскій Князь, прехрабрый Свѣ-
 шлосанъ,
 Назначенъ сокрушить сей грозный несшуканъ.
 Тебѣ совѣшю назвать себя Пророкомъ:
 Ты можешъ имъ прослыть при знаніи глубок-
 комъ,
 Которо мнѣ Судьбамъ угодно было данъ,
 И конмъ я шобѣ подщуса помогашъ.
 Пророчесшвомъ къ себѣ ты привлечешъ народы
 И можешъ ожидать онъ нихъ своей свободы,
 Которую шобѣ шомъ можешъ возвратить
 Кшо согласится той свирѣлою подарить,
 Которой ты владѣвѣ сегодня, спалъ несчастенъ,
 И надъ которою ширацъ шлой нынѣ власшенъ.
 Не

Не долго будешь онъ сшрѣлой сей обладашь:
 Не долго и шебѣ свободы ожидать,
 Когда послѣдуешь ты моему совѣшу.
 А вопрошающимъ ошѣ устѣ швонхѣ опшвѣшу,
 Вели себѣ сшрѣлу за оный приносишь,
 Какою кто шебя возможешѣ подарить.
 Сшрѣла швоя однимъ симъ можешѣ возвращишь-
 ся,
 И благоденствіе швое возстановишься:

Сїи его слова ободрили унылое мое сердце: и на мѣсто ужаса и опчаянїя вселили въ него упованїе и радость. Переспрашивалъ я его не однократно о всемъ шомъ, о чемъ онъ мнѣ ни говорилъ. Наконецъ, будучи удовольствованъ во всемъ его опшвѣтами, вздумалось мнѣ узнать, для чего онъ говорилъ все стихами, а не прозою. На сей вопросъ духъ мой улыбнулся, и опшвѣтствовалъ мнѣ такъ.

Пока еще швоей не преданъ былъ я власти,
 Начальникомъ я былъ людей не малой части,
 У коихъ завсегда стиховъ исполненъ рошѣ,
 И для того и самъ я прованъ Рифмоглотъ.
 Сей родъ людей почтенъ названьемъ сстихо-
 творцовъ,
 Провозвѣщателей судебъ, порокоборцовъ.
 Однакожъ я не шѣхъ начальникъ былъ умовъ,
 Кошоры шансшво наши волшебныхъ словъ,
 Сшрѣи-

Свирѣпство укрощашь, и прешворяшь въ герой-
 ство,
 Раздоры прогоняшь, и водворяшь спокойство;
 Необходимельныхъ , свирѣпѣйшихъ звѣрей,
 Собрашь и укротишь, и преворишь въ людей.
 Владычество мое надъ шѣми простиралось,
 У конхъ разума нападъ не просягалось,
 Кошоры даръ нашли недумавшій писашь,
 И враками народъ нещадно осягчашь;
 Гордишься больше всѣхъ прегнусными спи-
 хами,
 И похулишелей ихъ вракъ считаешь скопами,
 Достойны сами чѣмъ назваться преждѣ всѣхъ.
 И заглаждашь шакимъ признаніемъ свой грѣхъ.
 Съ шакими обходясь жужжащими свѣрчками,
 Привыкъ и говорить на рифмахъ и шлоами:
 Въ чемъ шакже мнѣ моя и должность помогла,
 Кошора въ пущее ихъ бѣшенство влекла.
 Дыханія мои ихъ кровь воспаменяли,
 И мрачную ихъ желчь еѣ безумьемъ сѣдиняли.
 Негодные стихи, и злобу въ ихъ позоръ,
 Являло ихъ перо передъ народный взоръ.
 Изъ рукъ ихъ ничего во вѣкъ не выходило.
 Кошоробъ не смѣшно и непоносно было.
 Мнѣ должно было ихъ всечасно посѣщашь,
 И къ разсужденію ихъ умъ не допускашь:
 Вселяшь въ нихъ вздорныя и злыя вображенья,
 И возбуждашь стихи марасть безъ разсужденья,
 Но наконецъ ихъ родъ, къ несчастью моему,
 Разпространился шакъ къ позору своему,

Что мѣша въ нищаго, бродягу, крючкотворца
 Молэль бы: ужъ всегда шы прямо въ стихо-
 шворца.
 Хошь былъ: не ушомимъ, досуженъ я, и Духъ,
 Но: сладшь: не возмогъ съ шелпой: сихъ гнус-
 ныхъ мухъ,
 Изъ коихъ многія, сколь мерско ни: пищали,
 Названіе людей: великихъ: похищали:
 За небреженіе такое Князь Духовъ,
 Другому власть ошдавъ надъ шайкой: сихъ ско-
 шовъ,
 Подвергъ меня на вѣкъ: несчастной сей судь-
 бинъ,
 Въ кошорой: нахожусь: невольникомъ: я нынѣ.

Повѣсть !его весьма: меня увеселила:
 я разпрашивалъ: его о другихъ разныхъ
 обстоятельствѣхъ, начпо онъ: мнѣ такъ
 же стихами: отвѣщивовалъ. Такимъ
 образомъ: ушѣщаль онъ: меня до самага
 шого дня, въ кошорой вы: ко мнѣ при-
 шедъ, кончили мою: неволю: возвращеніемъ
 моею: стрѣлы, кою: разрушилъ я очаро-
 ваніе; чему: меня научилъ мой Духъ.
 Чпожъ: касается до: происшедшаго шума
 и спуга, по: изреченіи мною: нѣкошо-
 рыхъ: волшебныхъ словъ, оной: произшелъ
 отъ: дѣланія Духами: колесницы, въ: коей
 вы: очутились: тогда, когда: исчезла: пе-
 щера. Вошъ: вся моя: испорія, о кошорой
 хошѣлъ: я васъ: увѣдомшь.

Свѣшло-

Свѣшлосанъ и Бориполкъ, по оказаніи своего удивленія, благодарили его за повѣспованіе; послѣ чего Славенскій Князь спрашивалъ его о своемъ зятѣ. Ахъ! вскричалъ Индѣецъ, я хотѣлъ было сіе опъ себя сокрыть, дабы не нанесъ шебѣ сокрушенія: я увѣдомился опъ моего Духа, что по несчастіи моемъ пропалъ онъ изъ моего замка; и думаю, что похишилъ его Карачунъ; но впрочемъ Духъ мой въ семъ меня не увѣряетъ, ибо и самъ о томъ не вѣдаетъ, сколько онъ ни пронцашеленъ; тайна сія опъ него сокрыта.

Вѣдомость сія весьма опечалила Свѣшлосана, и разрушила его надежду, которую было сперва онъ возымѣлъ. Индіанинъ старался его утѣшить, обѣщавая освѣдомиться о немъ въ шопѣ день. Въ слѣдствіе чего, взявъ свою книгу, прочелъ въ ней нѣчто: опъ чего возспалъ презильный вѣтръ, опъ коего отворилъ въ кабинетѣ окна. Въ оныя влетѣлъ съ превеликимъ шумомъ Вихоръ, и превращаясь въ шужъ минушу въ молодого крылашаго челоуѣка, предсталъ предъ Видосшаномъ. Индѣецъ, поблагодаря его за поспѣшность, приказалъ ему облещѣть весь кругъ земный, и искашь Вельдюзя,

Вельдюзя, коего принестъ къ нему въ замокъ, ежели онъ его найдетъ. Вихоръ повиновался: а Видоспанъ, попрося гостей своихъ слѣдовать за нимъ въ споловую комнашу, объявилъ имъ идучи, что посланной имъ естъ Духъ, имѣющей подъ властью своею въшры.

Стѣны споловой комнашы были украшены живописью, представляющею Золотое Время. На одной споронѣ изображена была роща, украшенная плодоносными деревьями, коихъ плодами питались перьвые человѣки. Въ споронѣ видима была не большая горка, усыпанная цвѣтами, и по мѣстамъ украшенная виноградомъ. На сей горкѣ лежала Чеша молодыхъ людей разнаго пола, въ самомъ цвѣтѣ ихъ молодости: положеніе ихъ, и лица, изображены были лучше всей каршины. Львы и Тигры лежали у ногъ ихъ, играя съ ягнятами и малыми звѣрами, извѣщая тѣмъ непорочность первыхъ временъ. Робкіе зайцы и олени мѣшались между слоновъ и медвѣдей, не опасаяся отъ нихъ ни малаго себѣ вреда.

Другая стѣна изображала разныя забавы погдашняго вѣка людей: одни играли на дудкахъ и свирѣлкахъ, другіе пѣли, иные плясали, и возбуждали другъ

друга къ непорочному веселію; нѣкоторые изъ нихъ наслаждалися плодами: а прочіе по уединеннымъ мѣстамъ ушопали въ любовныхъ прохладахъ. Малые ребята рѣзвлялися также между собою, и съ такими звѣрями, коихъ люшосшь и самыхъ храбрѣйшихъ устрашаетъ бынѣ. Третья стѣна представляла конецъ Золотого Вѣка, и опшесшвіе на небеса Аспрен; а потолокъ украшенъ былъ изображеніемъ Олимпа.

Видостанѣ, приведши въ сію комнату своихъ госпей, просилъ ихъ сѣсть за столъ, на кошоромъ, кромѣ приборовъ, и при нихъ книжекъ, ничего не было. Свѣплосанѣ и Бориполкъ весьма сему удивлялися: но пришли въ большее еще удивленіе, когда волшебникъ, сѣвъ съ ними за столъ, просилъ ихъ шо кушашь, что имъ угодноѣе покажешся. Между тѣмъ разогнувъ свою книгу, и прочтя въ ней нѣчто, кинулъ свою тарелку на воздухъ: тарелка изчезла, а передъ нимъ явилось самое прелесшнѣйшее кушанье. Я не удивляюсь, говорилъ Индіянинѣ своимъ госпямъ, что вамъ приключеніе сіе кажешся странно: я нарочно такъ здѣлалъ, чтобъ васъ удивить, и показашь могущество власши моеи и знашя. Сии книги, предло-

предложенныя предъ васъ вмѣсто кушанья, содержащѣ въ себѣ названія всего того, что вымыслила человѣческая роскошь для напишанія людей богатыхъ. Находящяся въ нихъ и такія еще кушанья и плоды, о коихъ и до сихъ поръ не знаетъ свѣтъ, и не будетъ извѣстенъ. Если вамъ понравится кошорое изъ нихъ, то спойте вамъ только прочестъ названіе его, и пожелать. Пожалуйте, примолвите онъ, здѣлайте сему опытъ, выбравъ такую пищу, которая вамъ наилучшею покажется.

Свѣтлосанъ и Оруженосецъ его, посмотря въ свои книжки, и прочія имена ихъ кушаній и плодовъ, копорыя имъ наилучшими показались, пожелали ихъ: въ тошъ самый мигъ нустыя ихъ шарелки исчезли, а вмѣсто оныхъ явились исполненныя того, чего они желали. Прикушавъ онаго, усмотрѣли они, что одно человѣческое искусство не можетъ ихъ споль изрядно приготовить, въ разсужденіи вкуса и вида. Удивленіе ихъ возрастало при каждомъ ихъ пожеланіи. Въ напишкахъ также недоспашка не было: и вкусъ ихъ не уступалъ нимало Некшару, пишію Боговъ. Напослѣдокъ, когда голодъ ихъ а жажда со всѣмъ удовольствовались.

спвовались, тогда Видостанъ ударилъ три раза о сполъ рукою: въ шопъ мигъ оный исчезъ; а они очутились въ садовой бесѣдкѣ.

Сколько Дворецъ великолѣпїемъ своимъ и богатствомъ привлекалъ вниманїе, сполько садъ рѣдкостїю деревьевъ и цвѣшовъ, и прочими украшенїями приводилъ въ удивленїе зрїшѣлей. Не было въ немъ ни одного проспаго дерева: Абрикозовыя, Гранатовыя, Миндальныя, Оливковыя, Персиковыя, и прочїя плодоносныя деревья составляли его рощи; Кипариссы, Лавры, Миршы, Пальмы, Винограды составляли Ален и Куртины; цвѣпники были наполнены всякими наилучшими цвѣшами, какїе сполько находятся въ поднебесной; испуканы, водомѣшы, бѣсѣдки и пещеры были наилучшее подраженїе природы, и досшопамяпность пре-нїя ся со искусствомъ. Однимъ словомъ: вершоградъ сей превосходилъ описанныя спихопворцами Елисейскїя поля.

Видостанъ, видя удивленїе своихъ гостей, спарался умножїть оное, показывая имъ всѣ рѣдкостї онаго. Въ самое то время водяные Органы, ипїцы и Дрїады совокупя свои голоса, составили спакое пѣнїе, какое человѣческому вооб-
раженїю

раженію невмѣстно. Тьма другихъ разнообразныхъ предметовъ, въ коихъ искусство казалось превосходящимъ природу, приводили Славянъ въ пріятное восхищеніе: казалось имъ, что они находясь въ царствѣ Ни, въ жилищѣ блаженныхъ шѣней, или въ прелестномъ обиталищѣ Божеспізенной Лады. Старались они насытить свои взоры каждою привлекающею ихъ рѣдкостью: но красота другихъ отвлекала къ себѣ ихъ зрѣніе, и переводила ихъ изъ удивленія во удивленіе.

Еще не могли они обозрѣть сопои части удивительныхъ украшеній сего сада, какъ Вихорь, посланный Видоспаномъ искасть Вельдюзя, прилестѣль къ нимъ неся съ собою желѣзную бочку. Вотъ гдѣ, сказалъ онъ Индіянину, положи свою ношу на землю, вашъ Вельдюзь: онъ заключенъ въ этой бочкѣ, я сътащелъ на той страшной горѣ, въ кою превращены свои подданные. Съ неожиданымъ случаемъ привелъ всѣхъ во удивленіе и ужасъ, кои умножилъ голосъ, произшедшій изъ бочки въ слѣдующихъ словахъ. Избавь поскорѣе меня изъ сей вѣчной темноты, великодушный Видоспанъ! и возврати мнѣ пакы преж-

ній мой видъ , котораго лишилъ меня люшый Карачунъ. Избавленіе мое обратися шебѣ самому, въ превеликую пользу; ибо со освобожденіемъ моимъ соединена врага нашего погибѣль. А сіе шебѣ не шрудно учинишь : вонзи шолько , продолжалъ Голосъ , волшебную швою стрѣлу въ очарованную сію бочку , послѣ чего увидишь шы шакое дѣйствіе , какого шы не ожидалъ. Видоспанъ не мѣдя ударилъ стрѣлою своею въ бочку, которая въ шотѣ же мигъ превратилась въ желѣзную колесницу, запряженную двумя зіяющими пламенемъ Саламандрами, кои ухвапя Видоспана , бросили въ оную , и помчали съ необычайною скоростію по воздуху.

Свѣшлосанъ и Бориполкъ при видѣ ужаснаго сего приключенія оцѣпенѣли : и въ самое шо время увидѣли передъ собою малорослаго Еѣіопа , (ешо былъ Карачунъ ,) одетнаго пламеннаго цвѣта въ одежду, на коей вѣшишы были золотомъ небесные знаки Зодіака. Вы освободили моего врага , сказалъ онъ имъ грознымъ глосомъ , и за шо должны прешертѣшь вѣчное наказаніе. Проговоря сіе , хотѣлъ онъ ударишь Свѣшлосана дубиною, кою былъ вооруженъ ; но въ самое

шо время затряся, и премѣня свой грозный видъ на ласковый, сказалъ учтивымъ образомъ Славенскому Князю: Извини меня, Государь, что я осмѣлился испытать твою храбрость. Я вижу теперь, что ни какая напасть поколебать ее не можетъ. Мое намѣреніе было только увѣришься, истинна ли твоя слава, которая о храбрости твоей носится по всей подсолнечной; и теперь къ удовольствію моему познаю, что она не довольно возвеличила твои достоинства. Къ великимъ людямъ имѣлъ я всегда почтеніе, присовокупилъ онъ: и всегда старался имъ услуживать; а какъ ты заступаешь между ними первое мѣсто, такъ прошу мнѣ сказать, чѣмъ могу тебѣ услужить. Не сомнѣвайся, Государь, хотя бы ещо сполно погибѣли всей Вселенны, то по желанію твоему сей же часъ она разрушилась.

Удивленный приключеніемъ симъ Князь, не вѣдалъ чему приписать кротость сего страшнаго урода: и во время Карачунова привѣщствія старался проникнуть сего причину. Думалъ онъ сперва, что ласковость его заключала въ себѣ какую нисеть хитрость; но шрусось, съ какою сей злодѣй говорилъ

свою рѣчь , склонила его думать , что скрывается шутъ какая нибудь шайносшь , которая защищаетъ его отъ наглосшей сего волшебника. Ободрясь сими мыслями , ошвѣпшвовалъ онъ Карачуну пвердымъ голосомъ , что онъ согласишся скорѣе потерять пньмокрашно жизнь свою , нежели приключишь свѣшу малѣйшую напасшь ; а ежели онъ хочешъ ему услужишь , то ничемъ ему болѣе удовольствія не сдѣлаешъ , какъ ежели возвратишь ему его сестру , зяпя и Видоспана. Во время Свѣпмосановой рѣчи Карачунъ споялъ пошупясь , какъ будшо бы ужасался чего ; а при именахъ Милославы , Вельдюзя и Видоспана зашрепешалъ пресильно , и произнеся спешаніе изчезъ.

Славяне , избавясь вида сего страшнаго чудовища , ободрились , и принесли благодарносшь свою Богамъ , за шоль удивительное ихъ избавленіе отъ предстоявшей опасности. Въ самое шо время предсталъ предъ нихъ Духъ во образѣ юноши , одешаго въ лазоревое плашье , и вооруженнаго пламеннымъ копьемъ. Познай шеперь , говорилъ онъ Свѣпмосану , сколько благочеспие и праведное сердце пріянны Богамъ : ни какая сила

не

не избавила бы тебя отъ лютоспи Карачуновой, естлибъ богобоязливостъ швоя, и милосердіе кѣ бѣднымъ и несчастнымъ людямъ, не преклонили Боговъ поборшвовашъ по тебѣ. Но наипаче всѣхъ покровительствуетъ тебя сильный Чернобогъ, жестокій Судія коварныхъ и неправедныхъ людей. Съ младенчества усердіе швое кѣ нему, склонило его защищать тебя отъ всѣхъ напастей. Онъ видя швою опасность, послалъ меня кѣ тебѣ на помощь: сего пламеннаго оружія, и прешащаго моего взора успрашась Карачунъ, премѣнилъ свое свирѣпство на робость и покорство; и исчезъ длашго, чшобъ ты не принудилъ его, вспомошествоемъ мною, исполнишь швоего приказанія. Но сіе не первое тебѣ благодѣяніе отъ Чернобога; онъ швою умножилъ силу и храбрость: возбудивъ тебя изрѣченіемъ кѣ пушешествію, послалъ кѣ тебѣ сонъ, кошорымъ увѣдомилъ тебя о бѣдшвіяхъ сестры швоей и зяшя. Онъ тебѣ внушилъ мысль подарить волшебную стрѣлу Видоспану, дабы избавя его оною отъ узилища, обрѣлъ ты въ немъ себѣ помощника. Спупай теперь искапъ швою сестру, кошорую ты вскорѣ найдешъ,

И освободишь изъ плѣна ея ширана, превозможешь всѣ препяшпшвія, и побѣдишь славно общаго вашего врага. Но припомѣ помни, что неинако сіе ты можешь учинишь, какъ удовлетвореніемъ чести и челоуѣчеству. Окончавъ сіе духъ изчезъ; а Князь и Оруженосецъ его пали на колѣни, и принесли благодареніе свое Чернобогу, покровишело своему.

По окончаніи молишвы, начали они совѣшовашься, куда имъ ѣхать, и гдѣ искашь Милославу; ибо ни духъ, ни Видоспанъ не открыли имъ ея пребыванія. Въ семъ недоумѣніи согласились они положишься на счастье. Утвердясъ на семъ мнѣніи, пошли они къ Видоспановымъ придворнымъ, чтобъ объявить имъ о несчастіи ихъ Государя; однакожъ не сыскали изъ нихъ ни одного, а на мѣсто ихъ нашли поликоежъ число Хамелеоновъ, кошорые увидя ихъ, старались имъ всячески изъяснишь свою горесъ. Славяне познали изъ сего, что ешо несчастные Видоспановы служилели, приведенные непремѣнно Карачуномъ въ сіе жалосшноє соспояніє. Сей предметъ наипаче умножилъ ихъ горесъ. Между шѣмъ не могли они поняшь, какъ

какъ возмогъ Карачунъ пресилить очарованный Видоспановъ кабинетъ, копорый защищалъ, по объявленію Индѣйскаго Государя, весь замокъ и жителей его отъ всякаго непріязненнаго нападенія. Сія причина возбудила въ нихъ любопытство пойти въ кабинетъ, и посмотреть, нѣтъ ли въ немъ какой перемѣны. Сомнѣніе ихъ, было правильно: блестящія янтарныя писмена на стѣнахъ кабинета были черны, какъ уголь: и всѣ вещи находившіяся въ ономъ были похищены. Сіе жалкое зрѣлище омечатило еще болѣе Славянъ: они думали, что пріятель ихъ погибъ не возвращено. Подобныя соболѣзнованія продержали ихъ долго въ семъ зданіи; наконецъ, по довольномъ сѣшованіи, опредѣлили они, ища Милославу и Вельдюзю, стараться помочь и Видоспану; ежели еще можно будетъ подать ему какое вспоможеніе. Послѣ того пошли они сыскать своихъ коней, которые перенесены были въ Видоспановъ замокъ: осѣдлавъ оныхъ, и запасшись на дорогу сѣвешнымъ, выѣхали они изъ замка; и принеся молитвы Богамъ и учиня обѣщанія, дали конямъ своимъ на волю бжашъ шуда, куда они захошашъ.

Чрезъ

Черезъ нѣсколько дней путешествія своего никакимъ приключеніемъ не были они встревожены. Путь ихъ продолжался по сшепямъ и лѣсамъ, коими замокъ Видоспацовъ былъ окруженъ. На послѣдокъ въ одинъ день заспигла ихъ ночь въ густомъ Миршовникѣ, по срединѣ коего былъ небольшой лужокъ. Свѣтло-санъ и Бориполкъ слезши съ своихъ коней, и разсѣдлавъ оныхъ пустили ихъ на лугъ; а сами поужинавъ и помолясь Богамъ своимъ покровителямъ, и защитникамъ шѣхъ мѣстъ, отдалися во объятія Морфеевы для полученія силъ къ дальнѣйшему путешествію.

При окончаніи первой сражи сонъ ихъ былъ прерванъ печальнымъ и ужасающимъ пѣніемъ: Славяне вспали, и осматриваяся на всѣ стороны, дабы увидѣть откуда оно происходило, усмотрѣли они сквозь деревья сіяніе многихъ свѣточей. Странное сіе приключеніе возбудило въ нихъ любопытство узнать онаго причину. Взявъ свое оружіе, пошли они къ тому мѣсту, откуда происходилъ свѣтъ: подошедъ къ оному, увидѣли они торжественное шествіе Жрецовъ, и нѣсколькихъ послѣдовашихъ за ними; въ рукахъ у всѣхъ у нихъ были свѣчи

и пламенники. По срединѣ сей толпы шелъ человекъ въ бѣломъ одѣянїи, и въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ: руки у него были загнуты на задъ и связаны. Видѣ его печальный и воздыханїя, и прочїе признаки показывали его осужденнымъ на жертвсприношенїе; что и не ложно было. За сею жертвою несены были препоясанїе и мечъ, украшенныя золотомъ и дорогими каменьями; за ними вели другїе коня, на коемъ лежало Варяжское платье и оружіе.

Свѣтлосанъ и Оруженосецъ его, дивясь странному сему позорищу, и желая узнать его окончанїе, шли за нимъ до того времени, пока шествїе остановилось при нѣкоторой пещерѣ, въ коей по освященїи ея увидѣли они великолѣпную гробницу, а на оной испуканъ, представлявшей Индѣйскаго Государя. Передъ гробницею стоялъ жертвенникъ украшенный цвѣтами. Жрецы вошедъ въ пещеру, и положи на жертвенникъ дрова, развели огонь: окурили испуканъ благовонїями, окропили пещеру и предстоящихъ священою водою, поя между шѣмъ Гимны въ честь Богамъ. Пошомъ Первосвященникъ, взявъ осужденнаго на жертву, привелъ къ жертвеннику, и по-

сшановя

Шановя предъ онымъ на колѣни, пречелъ надъ нимъ моливъ, окропилъ его чистипшельною водою, и окуря благоуханіемъ, вознесъ жертвенный ножъ, чтобъ имъ пронзить его. Тогда Свѣшлосанъ, исполненъ будучи человѣколюбія и желанія спасти сего неповиннаго, бросился къ жрецу, и вырвалъ у него ножъ.

Сіе великодушное его дѣйствіе привело жрецовъ, и народъ пришедшей съ ними, въ великое смятеніе: первое пошому, что они его не примѣтили, и не ожидали отъ него такого нападенія; второе, что сочли сіе дѣло ужаснѣшимъ, злочесшiemъ; чего ради въ преванкой ярости бросились на него всѣ съ кинжалами. Свѣшлосанъ ни мало не усшрашась ихъ свирѣпства, обнажилъ свой мечъ въ сопрошвленіе имъ, и началъ отшвращать нападенія ихъ безчисленными ударами; при чемъ присовокупился къ нему и Борицолкъ. Не много сполло имъ труда разогнать сію кроважадную толпу, изъ коея перерубили и переранили они большую часть.

Оспавшись побѣдителями, персое ихъ стараніе было, чтобъ разрѣшить отъ узъ осужденника, которой получа свободу палъ имъ въ ноги, и приносилъ

свою

свою благодарность наилучшим образом выразил своими словами. По объяснению его узнал Свѣтославъ, что онъ Варягъ, чего ради почувствовавъ къ нему большую пріязнь по причинѣ соседства ихъ земель, и нѣкоторымъ образомъ единоплеменства, спрашивалъ его, кто онъ таковъ, и какимъ образомъ попался въ руки сихъ свирѣпыхъ людей? Варягъ съ охотою согласился въ томъ его удовольствоваться, и началъ повѣсть свою слѣдующимъ образомъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ РУСОВЫ.

Я называюсь Русъ, Отечество мое Винеша; родители мой приобрѣлъ себѣ въ семъ городѣ довольную славу, обучая молодыхъ людей словеснымъ наукамъ; наипаче всего искусенъ онъ былъ въ исторіи, которая вселила въ меня охоту къ странствованію. Я просилъ дозволенія у моего отца путешествовать: но онъ, имѣя во мнѣ одного у себя сына, не хотѣлъ на то никакъ согласиться; однакожь желаніе мое шѣмъ нимало не уменьшилось. Я опредѣлилъ убраться отъ него тайно: что и учинилъ запасшись деньгами, кои у него похищалъ.

Сей кражѣ, и не дозволѣнію роди-
 шеля моего на тайный мой побѣгѣ, при-
 писываю я всѣ несчастія, копорыя со-
 мной попомѣ случились. По выѣздѣ мо-
 емѣ изѣ Винешпы пустился я напередѣ
 въ Славенскѣ, опшуда въ Кіево владѣніе,
 попомѣ въ земли Чеха и Леха, а нако-
 нецѣ въ Грецію. Въ сей странѣ пробылъ
 я довольное время, не болѣе для пріят-
 носпи сей земли, какѣ для наученія себя
 словеснымѣ наукамѣ. Видѣлъ я въ ней
 довольно разумныхѣ людей, однакожѣ не
 менѣе и глупцовѣ, изѣ коихѣ одинѣ при-
 нудилѣ меня оставишь сію землю, слав-
 ную седмью Мудрецами. Опшуда про-
 брался я въ Вавилонѣ, и принужденѣ
 былѣ въ семѣ городѣ бышь мершвымѣ съ
 прочими его жишелями не малое время.
 Сіе непременно вамѣ спранно покажет-
 ся, примолвилѣ Русѣ, вслыкодушные мои
 избавишели: и для того расскажу вамѣ
 ешо приключеніе, пропусчая другія мало-
 важныя, дабы не наскучишь вамѣ моею
 повѣспью.

Государь сея страны назывался Ва-
 раранѣ, будучи человекѣ молодой жер-
 швовалѣ онѣ не рѣдко любви: Сераль его
 содержалѣ въ себѣ болѣе шрехѣ сошѣ
 красавицѣ; но наипаче всѣхѣ одна поло-
 ненная

ненная Италіанка привлекла на себя его взоры, и владычествовала надъ нимъ болѣе, нежели онъ надъ своими подданными. Она была малинькое его Божество, коего прихотямъ жертвовалъ онъ всѣмъ: дѣлалъ для нее безпрестанныя Пиршества, Маскарады, Концерты, всенародныя игры и проч. Словомъ, не было такъова увеселенія, каковабъ онъ для нее не выискалъ; хотябъ оно стоило годовыхъ его доходовъ.

Нѣкогда сей владѣтель, въ день ся именинъ, представилъ народу позорище, на коемъ и самъ присутствовалъ съ нею: великолѣпіе онаго привлекло великое множество народа оповсюду. Всѣ усстремили на него свое вниманіе; но въ самомъ жарѣ онаго разрушило его ужаснѣйшее приключеніе. Вдругъ появилось на небѣ густое облако, которое летѣло по Оризонту съ необыкновенною скоростію: поравнявшись съ позорищемъ начало оно спусцаться на землю, и вдругъ развернувшись представило нашимъ глазамъ самаго гнуснаго карла, одетого въ великолѣпную и странную одежду. Пока сіе явленіе, объявѣ всѣхъ умы, привлекало на себя народныя взоры, въ то время карло, принесенъ будучи облакомъ къ

тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Вараранъ съ своею любовницею, схватя ее поднялся съ нею на воздухъ, произнеся многія ругательства и насмѣшки Персидскому Государю. Язвительныя его слова и похищеніе любовницы, ушувивъ страхъ и удивленіе въ Вараранъ, возбудили въ немъ великій гнѣвъ: схвативъ у одного изъ спражей копье, поразилъ онымъ карла въ лядвію; чему послѣдую придворные и народъ, начали въ него бросать все что имѣли въ рукахъ. Сіе нападеніе столь разъярило воздушнаго пушника, что онъ обратился насъ всѣхъ въ камень, а городъ со всею уѣздомъ въ шепь: сказавъ при томъ, что по шѣхъ поръ не опдѣлимся мы отъ земли, и не получимъ прежняго своего вида, пока не снимешь кто съ Варарана, обращеннаго также въ зеленый камень, голыми руками ядовитой жабы, родившейся отъ плевака, изверженнаго симъ гнуснымъ волшебникомъ на Персидскаго владѣтеля. Но сего вы вѣчно не дождетесь, премоливъ карла; ибо сего не можете учинить одна человѣчская сила.

Да и дѣйствительно остались бы мы на вѣкъ въ семъ горестномъ состояніи, ежелибъ не послали Бога къ намъ избавителя,

видѣля,

вишеля, которому сіе сполло, я чаю; жазни; ибо когда онъ сорвалъ съ Варарана Жау, то оная превращаясь въ великаго слона, унесла его потчасъ у насъ изъ вида. Вараранъ и подданные его, получа прежній свой образъ, принесли общую благодарность Богамъ; а избавишело своему въ честь воздвигли золошой испукаиъ; ибо ни чѣмъ другимъ кромѣ сего не могли они засвидѣтельствовать ему своей благодарности.

Ахъ! вскричалъ при сихъ словахъ Свѣшлосанъ: ето былъ несчастный мой зять, который возврашя вамъ жизнь, лишился можешъ бышъ своей опѣ люпато Карачуна. Сіе восклицаніе вселило въ Руса любопытство: онъ просилъ Славенскаго Князя рассказать ему о себѣ, кто опѣ шаконъ. Свѣшлосанъ, увѣдомя его о томъ въ коропкихъ словахъ, просилъ его доканчивашъ свою повѣсть, на что Русъ съ охотою согласясь, продолжалъ ес слѣдующимъ порядкомъ.

Получивъ паки жизнь, спарался я поскорѣе выѣхашъ изъ Персіи, опасаясь вторичнаго превращенія. Слыша много похвальнаго объ Инди, поѣхалъ я въ нее, желая узнать о странѣ сей обстоятельно. Обѣзжая многія мѣста достойныя
любо-

любопытства , наѣхалъ я наконецъ на шакос , которое паки лишило было меня жизни. Нѣкогда въ весьма жаркій день , проѣзжая лавровую рощу , захопѣлось мнѣ подъ шѣнию ея отдохнуть : чего ради привязавъ моего коня къ дереву , легъ самъ на праву , и отдыхая на ней нечаянно заснулъ. Въ самомъ почти началѣ моего сна , пробудился я отъ рева и прѣска въшвей : проснувшись увидѣлъ я , что преужасной величины Барсъ нападалъ на моего коня , которъй отъ него всѣми силами отбивался. Желая помочь ему , и себя спасти отъ опасности , схватилъ я копье , и поразилъ имъ хищнаго звѣря , коего удвоившаяся шѣмъ ярость обратилась на меня. Сколько храбрости и досужство мое ни употреблялъ я себѣ въ помощь , однакожъ не возмогъ себя защитить отъ всѣхъ его нападеній ; и напоследокъ непремѣннобъ сталъ его жертвою , естлибъ не помогъ мнѣ Левсилъ , славный страны шоя волшебникъ , которъй случился тогда на ловѣ подлѣ самаго того мѣста. Барсъ былъ пошчасъ убитъ , а я отнесенъ въ его замокъ для излѣченія отъ ранъ.

Искусствомъ его былъ я въ шотъ же день отъ оныхъ освобожденъ ; и хотѣлъ было

было отъ него поѣхашь, принеши напередъ мою благодарносшь за вспоможеніе его; однакожь былъ имъ удержанъ. Видъ мой и образъ изъясненій моихъ сколько ему понравилась, что хотѣлъ онъ меня имѣть при себѣ вѣчно, и раздѣлять со мною всѣ выгоды своего соспоенія; а я видя его къ себѣ пріязнь, и любя его также, согласился на то охотно. На послѣдокъ поопознавшись болѣе, и здѣлавшись шѣсными пріятелями, не скрывали мы другъ отъ друга ничего: я ему рассказывалъ мои приключенія, а онъ мнѣ свои, кои сосполяли въ слѣдующемъ.

Природою былъ онъ Армянинъ, и сынъ богатаго купца; искусству волхвованія научился онъ отъ своей бабки, которая была родомъ изъ Египта. Оставшись послѣ отца своего весьма молодъ, получилъ онъ великое наслѣдство, и употребилъ его на изученіе себя совершенно Кабалистикъ, для которой странствовалъ онъ по всѣмъ частямъ свѣта; и доспалъ себѣ помощію ея преудивительныя вещи, изъ коихъ препоясаніе и мечъ, которыя вы здѣсь видите, были всего важнѣе. Прибывъ въ Индію, и проѣзжая шѣми мѣстами, въ которыхъ на послѣдокъ

скѣ построилъ себѣ замокъ , влюбился
дѣнь по случаю въ Нимфу , увидѣвъ ее
спавшую подлѣ источника , мимо котораго
онъ ѣхалъ. Прятный ея видъ и ласки,
къ чему можетъ быть болѣе по-
служило его искусство, склонили ее скоро
на его желаніе, съ такимъ припомъ усло-
віемъ , чтобъ онъ женился на ней , и
остался жить въ той странѣ ; ибо она
ее оставишь не хотѣла. Левсилъ на все
съ радостью согласился : женился на ней,
и построилъ великолѣпный замокъ по
близости оной той мѣста , гдѣ обитала
преждѣ Нимфа.

По любви ихъ и согласію надлежало
жизни ихъ продолиться во вѣкъ благопо-
лучною : любили они другъ друга какъ
любовники , искренни были какъ друзья,
и вѣрны какъ супруги. Левсилъ открылъ
ей все свои таланты , и здѣлалъ ее
сполькою искусною въ Кабалышкѣ ,
сколько былъ и самъ. Согласіе ихъ и лю-
бовь можновъ было пославишь примѣ-
ромъ , еспльибъ они жили въ нынѣшнѣ
вѣки ; а въ древнія времена оныхъ до-
вольно было. Жизнь свою провождали
они въ непрерывныхъ веселіяхъ и заба-
вахъ : всякая малость дѣлала имъ удо-
вольствіе ; однимъ словомъ , вѣкъ бы ихъ
проде-

пролетѣлъ какъ одна минута, есшълибѣ
ненависть и злоба лютаго волшебника
недала имѣ почувствовать горестей сего
мира.

Волшебникѣ сей былѣ Карачунѣ, и
самой шотѣ; который превратилѣ Вара-
рана, и всѣхѣ его подданныхѣ въ камни.
Онѣ былѣ всьма влюбчивѣ и корысто-
любивѣ: всѣхѣ прекрасныхѣ женьщинѣ
похищаль онѣ въ свой Сераль, а дорогія
и рѣдкія вещи собираль оповсюду въ
свой сокровища. Обѣ етомѣ извѣспился я
отѣ Левсила; ибо онѣ по причинѣ съ
нимѣ ссоры, и также по искусству свое-
му зналъ обѣ немѣ обстоятельно. А не-
нависть его навлекѣ онѣ на себя отѣ
слѣдующаго приключенія.

Построивѣ свой замокъ, и желая
великолѣпнымѣ образомѣ торжество-
вать свой бракѣ съ Нимфою, позвалѣ
Левсилѣ на оный всѣхѣ знаемыхѣ ему
волшебниковѣ, которые оларили ново-
брачныхѣ рѣдкими и важными вещами
по ихѣ наукѣ. Свадьба ихѣ торжество-
вана была великолѣпно и весело: уже
сопиршесшвующіе, наполнившись виномѣ,
запѣли пѣсни въ честь новобрачымѣ,
и ушопая въ веселіи ни о чемѣ непомыш-
ляли кромѣ роскоши, како вдругѣ огнен-
ный

ный клубъ, провождаемый громомъ и молніями, влестѣвъ къ нимъ въ комнату пресѣкъ ихъ восхищенія, и обратилъ на себя всѣхъ взоры.

Ещо былъ Карачунъ: здѣлавшись изъ огня человѣкомъ, подошелъ онъ къ Левсилу, и сказалъ ему съ надмѣшнымъ и насмѣшливымъ видомъ. Я очень сожалѣю, что ты сочелъ меня ниже всѣхъ, и не удостоилъ меня имѣть своимъ гостемъ; однакожъ, я чаю, ты вѣдаешь, что знаніе мое и власть могушъ поколѣбать вселенную, и съ самымъ твоимъ замкомъ. Милоспивый государь! перехватилъ рѣчь его Левсилъ: ещо не отъ презрѣнія произошло; а отъ того, что я не имѣя чести бытъ тебѣ знакомъ, не осмѣлился тебя прозьбою моею смудитъ; не надѣясь припомъ, чтобъ ты удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Извиненіе не худо вздуманю: вскричалъ Карачунъ; однако ужъ поздно, да и несправедливо; пошому что я и не званой сюда прѣхалъ, дабы доказать тебѣ, что я не гордъ и не сердитъ. Левсилъ помощеспвумый прочими волшебниками; спарался всячески предъ нимъ извинитъся; и напослѣдокъ умягчилъ его совершенно, шакъ какъ хошѣлъ ещо доказать Карачунъ.

Левсилъ!

Левсилъ посадилъ его въ первое мѣсто, а прочіе гости сѣли по своимъ. Веселіе опять повсюду разлилося, и всякъ думалъ объ одномъ винѣ и пированіи. Карачунъ также показывался слѣдующимъ общему желанію; однакожъ непрестанно задумывался, почасту взглядывая на Нимфу. Прочіе, бывъ ошягощены виномъ, сего не примѣчали; но Левсилъ будучи презвѣ, и приемля въ шомъ больше всѣхъ участія, не пропускалъ ни одного его взора, коихъ частые и страстные обороты увѣрили его вскорѣ, что онъ имѣетъ себѣ въ немъ соперника. Чего ради получивъ на него подозрѣніе, предпріялъ его осперегаться, опасаяся отъ него себѣ нападенія. Однакожъ Карачунъ, сколько былъ ни дерзоспенъ, не отважился ничего тогда предпріять при собраніи волшебниковъ, коихъ совокупная сила превышала его могущество. Чего ради по окончаніи стола, поблагодаря съ прищворною ласкою Левсила, поднялся на воздухъ, и исчезъ отъ всѣхъ въ минушу.

Левсилъ оставшись одинъ со своими гостями, изъяснилъ имъ свои подозрѣнія на Карачуна, и просилъ ихъ всѣхъ помочь себѣ въ такомъ опасномъ для него

обстоятельствѣ. Волшебники, будучи имъ угощены, охотно согласилась на прозьбу его, и здѣлали между собою совѣтъ, какимъ образомъ опровергнуть опѣ новыхъ супруговъ нападенія Карачуновы. По довольномъ ихъ о томъ разсужденіи, придумали наконецъ здѣлать такое ожерелье для Левсиловой жены, что когда она будетъ имѣть его на себѣ, то всякой, ктобъ къ ней ни прикоснулся, ожжется опѣ нее такъ какъ опѣ раскаленнаго желѣза. А ктобъ и мужъ ея не претерпѣлъ пожоу, прикасаясь къ ней, то положили здѣлать ему золотую цѣпь, на копорую повѣсится изъ шаковажъ металла Тализманъ, на коемъ начертанныя волшебныя слова учиняшъ прикосновеніе его къ Нимфѣ не вреднымъ.

Выдумка сія весьма показалаь новобрачнымъ: они проени волхвовъ исполнить се поскорѣе самымъ дѣломъ, что они и учинили совокупными силами въ тотъ же часъ, и вооружили ими молодыхъ супруговъ. Послѣ чего, по учиненіи съ обѣихъ сторонъ учтивостей, разстались. Волшебники развѣхались по своимъ жилищамъ, а новобрачные опдалися въ обѣящія любви и сна,

Карачунъ заразясь любовію къ Нимфѣ, предпріялъ ее покинуть: въ слѣдствіе чего, вооружась всѣми своими силами, и полетѣлъ къ нимъ подъ вечеръ, уповая ихъ исплошнить, и найши неспособными къ оборонѣ. Видѣ принялъ онъ на себя седмиглавой Гидры, дабы страшнѣе показаться: и въ семъ образѣ примчался въ Левсиловъ замокъ.

Молодые супруги находились тогда въ саду, наслаждаясь пріятностію воздуха, а болѣе своими нѣжностями. Малорослый чародѣй, увидя ихъ въ семъ расположеніи, воскипѣлъ сильнѣйшею завистию, и бросился на Нимфу, дабы ее покинуть изъ рукъ нѣжнаго ея супруга. Но лишь только прикоснулся къ ней, повзревѣлъ какъ лѣшей, будучи уязвленъ пламенемъ, произшедшимъ отъ волшебнаго ожерелья, которое на ней было. Въ ярости своей хотѣлъ было онъ разперзати Левсила, думая что онъ сему былъ причиною: но Армянинъ, имѣя на себѣ волшебное препоясаніе и мѣчь, о которыхъ я объявлялъ, и коихъ силъ ничто не могло противиться, поразилъ его симъ оружіемъ, и ошкѣкъ ему голову, что такъ взбѣсило Карачуна, что бросясь всѣмъ своимъ шѣломъ на Левсила,

хотѣлъ его разперзати; но получа другой себѣ ударъ, которой лишилъ его другой головы, принужденъ былъ ярость свою удержати, и прибѣгнувъ къ опустуленію. Чего ради принявъ прежній видъ, и вспомошествоемъ будучи Духами, поднялся на воздухъ, крича при томъ Левсилу: Ты побѣдилъ теперь, бездѣльникъ! однакожь не долго станешь гордиться своимъ злодѣйствомъ: праведная моя мещь вскорѣ тебя накажетъ, и увѣритъ тебя, что Карачунъ больше имѣетъ силы Армянина.

Левсилъ, будучи ободренъ своею побѣдою, смѣялся его угрозамъ; однакожь положилъ съ тѣхъ поръ завсегда ходити въ семъ спасительномъ препоясаніи, и имѣти при себѣ мечъ; а супругъ своей совѣщовалъ носити также завсегда ожерелье. На ночь ограждалъ онъ свою спальню волшебными словами, коимъ научили его волхвы; а днемъ защищалъ его мечъ; и такъ отъ всѣхъ сторонъ находился онъ безопасенъ отъ Карачуна. Но отъ чего не можно ему было ожидать несчастія, отъ того оно ему приключилось: то есть отъ меня, отъ наилучшаго его пріятеля. Симъ именемъ могу я величаться; ибо подлинно былъ я ему искренній

искренній другъ, и причинилъ ему бѣд-
спые не съ умысла, а пронырствами
любого Карачуна.

Вскорѣ послѣ побѣды Карачуновой
прѣхалъ я въ Индію, и вошелъ въ его
замокъ объявленнымъ мною образомъ.
Подружась съ симъ любезнымъ человѣ-
комъ, не отспавалъ я отъ него ни на
минушу, такъ какъ и онъ отъ меня.
Всѣ увеселенія, какія можно было най-
ти въ замкѣ, служили къ нашему удоволь-
ствію: чаще всего ѣздили мы на охоту,
кою весьма снрасшно любилъ мой прѣя-
тель, и которая на послѣдокъ намъ здѣ-
лалась бѣдственна; а наипаче Левсилу.

Нѣкогда будучи на оной, и гоняя
довольное время звѣрей, разбились мы
всѣ по разнымъ мѣстамъ: иной гонилъ
изъ насъ Вепря, шотъ Барса, а мнѣ
попался Олень, какова ни я, и никшо
другой отъ роду невидывалъ. Рога у него
были золотые, ноги желѣзные, нашеѣ
блистало жемчужное ожерелье, въ ухахъ
бразіаншова серъги, а шаномъ споль
былъ пригожь, что не всякой бы ху-
дожникъ могъ вѣрно положить на кар-
тину его красоту. Такой удивительный
Олень всякаго бы зришеля склонилъ ко
вниманію; а я шакое почувствовалъ же-

ланіе кѣ овладѣнію имѣ, что поскакалъ за нимѣ въ шужѣ минушу, и положилъ не прежде возвратиться, пока его не поймаю, или не застрѣлю. Мнѣ весьма хотѣлось похвастаться передъ Левсиломѣ есю добычею, какой не случалось ему никогда и видѣть.

Вѣ сихъ мысляхъ проскакавъ за нимѣ довольное время по долинамѣ, горамѣ и лѣсамѣ, приналъ его на послѣдокѣ кѣ весьма крушой и каменистой горѣ, въ коей находилось множество пещеръ. Въ одну изъ оныхъ вѣжалъ гонимый мною олень: а я надѣясь способиѣе его въ оной поймать, оставилъ мою лошадь, и вошелъ за нимѣ въ пещеру. Она раздѣлялась на другіе многіе вершины, въ коихъ заблуждая нѣскольکو времени, увидѣлъ я наконецъ въ недалекомѣ отъ меня разстояніи свѣтъ и блистаніе металловъ и камней. Побуждаясь любопытствомъ пошелъ я туда, откуда зрѣніе мое они поражали: чѣмъ ближе я кѣ нимѣ подходилъ, тѣмъ болѣе они увеличивались; и на послѣдокѣ по приближеніи моемъ туда, представилась мнѣ глазамъ великолѣпная зала, украшенная серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями. Освѣщена она была

Была многими хрушальными паникадилами, отъ которыхъ сіяніе разливалось повсюду. Напрошивъ дверей стоялъ престолъ изъ чистаго золота, усыпаннаго браліаншами: на немъ сидѣла дѣвица въ бѣлой и съ розами смѣшанной одеждѣ. Красота ея споль была велика, что затмѣвала всѣ украшенія находившіяся въ пещерѣ. Руки и ноги ея скованы были алмазными цѣпями, кои прикрѣплены были къ престолу.

Сіе удивительное зрѣлище сполько меня поразило, продолжалъ Русь, что я пришедъ въ изумленіе, и нѣкошорый родъ боязни, не могъ ниодного выговорить слова, и сполько что смотрѣлъ на окованную красавицу. Она первая перервала молчаніе: ты удивляешься Русь, говорила она мнѣ, сему чудному позорищу; но еще болѣе удивишься, когда узнаешь мою исторію. Я Царская дочь: въ несчастное сіе соспояніе приведена я Карачуномъ: онъ меня похищилъ отъ моего родителея, и закаучилъ въ свой сераль, желая имѣшь меня своею любовницею. Всѣ богатства свѣша отдавалъ онъ въ мою власшь: всѣ хотѣлъ покорить моей волѣ; но ничѣмъ не возмогъ снискашь склонности моея къ себѣ. Угрозы его шакже ни-

мало не подѣйствововали надо мною ; ибо способомъ нѣкошораго моего знанія въ Кѣбалистикѣ, умѣла я отвращать всѣ его насильства. Сіе столько его огорчило, что заключа меня въ вершпѣ, оковалъ сими волшебными цѣпями, коихъ ничто пресѣчь не можешъ, кромѣ волшебнаго Левсилова меча ; и никто другой кромѣ тебя. Первому причиною заклятіе Карачуново, а другому мое соизволеніе, продолжала она покраснѣвшисъ. Ты вина сей моеі неволи, жестокой! для тебя я презрела Кришскаго Царя, для тебя возгнушалась Карачуномъ, и ввержена въ сіи оковы. Вспомни Лакедемонъ, и въ немъ несчастную Царевну Горіаду, на кошпору зрѣніе швое навлекло на тебя отъ ревниваго моего жениха нѣсколько ударовъ, и принудило тебя оставишь Грецію. Я самая ша Горіада прельшенная шобою: я за тебя поссорилась съ Кришскимъ Царемъ ; и будучи пошомъ похищена Карачуномъ, отвергла его предложеніе, и осуждена за шо въ вѣчную неволю. Терзаяся любовію къ тебѣ всякой часъ, послала я искашь къ тебѣ сего оленя, сошвореннаго моимъ искусшвомъ, который завелъ тебя въ сію пещеру. Теперь желаніе мое исполнилось : я вижу тебя ; а о любви швоей

твою ко мнѣ спану судишь по твоему
отвѣту. Но знай напередъ: ежели ты
изъ оковъ моихъ меня освободишь, то
Карачунъ тебѣ мстишь не будетъ;
онъ мнѣ клялся въ епомѣ, заключаая ме-
ня въ цѣпи, Княземъ Духомъ, и всѣми
Богами. Сверхъ того будешь ты обла-
дашь вѣчно мною, ежели только любовь
моя тебѣ пріятна; будешь царствовать
со мною на престолѣ, и поведешь спокой-
ную и пріятную жизнь въ моихъ объ-
ятіяхъ. По сихъ словахъ она умолила,
ожидая моего отвѣта.

А я, будучи пораженъ прелестями
ея и словами, пришелъ въ пущее недоу-
мленіе, и не зналъ что говорить. Сердце
мое наполнилось снова къ ней любо-
вію, которую почувствовалъ я въ лаке-
демонѣ: а удовольствіе, слыша ея къ себѣ
любовь, и лестныя ея обѣщанія помупи-
ли всѣ мои мысли. Въ восторгѣ моемъ
бросился я предъ нею на колѣни, и . . .

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Въ Луговой Миліонной, у переплетчика
Вегъ, продаются слѣдующія книги.

	Р. К.
1. Трушень, еженедѣльное сочи- неніе на 1769 годѣ - - -	1. 40.
2. Трушень на 1770 годѣ, за весь годѣ. - - - - -	2. .
а порознь каждый листѣ по	4.
3. Собраніе пѣсенѣ, часть I. -	75.
4. Славенскія древности часть I.	
5. Енеиды Виргиліевой, пѣснь I.	25.
6. Еженедѣльникѣ Смѣсь на 1769 годѣ. - - - - -	1.
7. Еженедѣльникѣ и То и Сѣо.	1. 4.

ПОГРѢШНОСТИ

стр. 23 стр. 1 напеч. прѣшныг читай приняшь

СЛАВЕНСКІЯ
ДРЕВНОСТИ,

ИЛИ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Сочиненіе

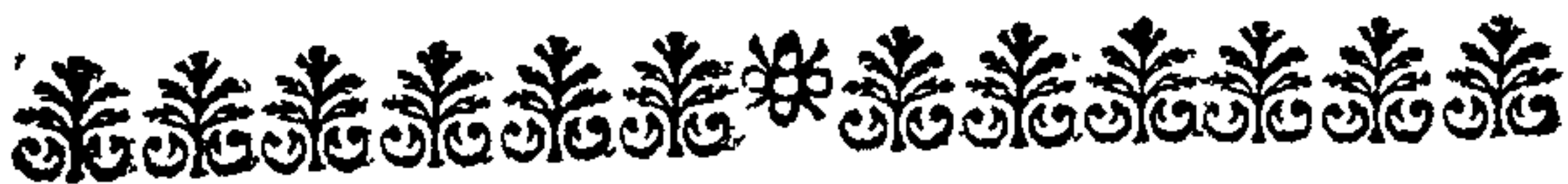
Михайла Попова.

Часть II.

Въ Санктпетербургѣ

1771 года.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

При изданіи вторья части Слапенскихъ Древностей, за нужное явчелъ изъяснитъся предъ моими читателями, пѣ рассужденіи титула сего книги, которое нѣкоторыми почтено содѣлать ей неспойстпеннымъ. Но я и при семъ етомъ оставилъ бы всякого гоноритъ о семъ по его благо-рассужденію, ежелибѣ не присоцокуплено было нѣчто къ ущербу моего чистосердечья, съ какимъ положено отъ меня сѣе назпанге. И потѣ что пѣ оправданге мое предстапляю.

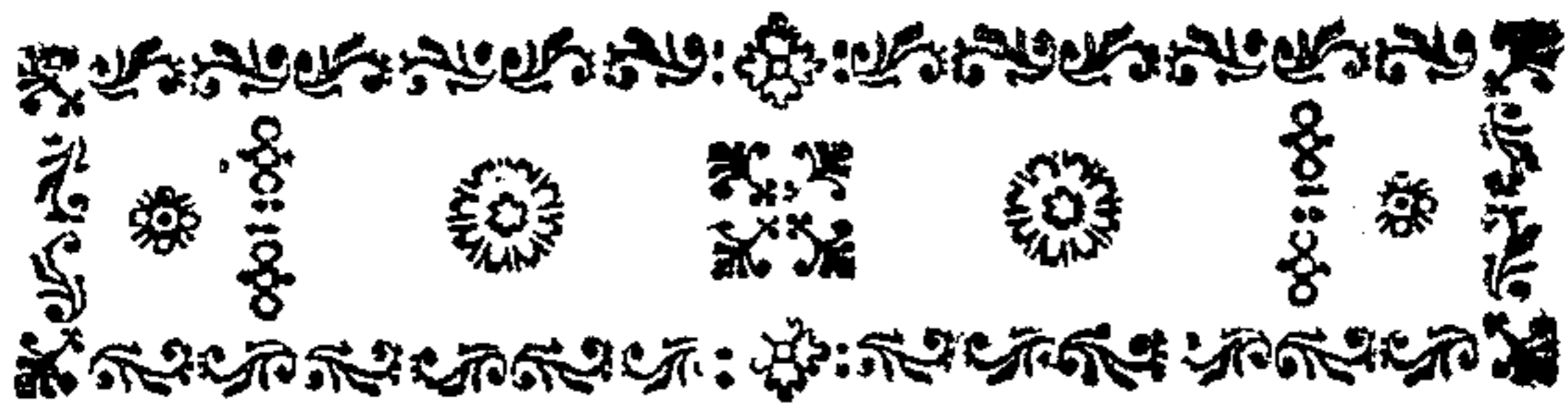
Намѣренге мое, услужитъ обществу посильнымъ трудомъ, было мнѣ побужденге мѣ сочинитъ сѣю сказку, или такъ называемый романъ. Первыми лицами постапилъ я пѣ ней Слапенскихъ Князей, между которыми Спѣтлосанъ занимаетъ первое мѣсто; я ее украсилъ нѣкоторыми нашими Древностями, которыя могли пайти пѣ разположенге сего сочиненья, и къ описангю коихъ прибавилъ я нѣсколько пымысловъ, дабы прѣятнѣе ихъ предстапитъ взорамъ читателя.

читателя. Вотъ что склонило меня наименовать сѣе твореніе Славенскими Древностями; а чтооубъ читателямъ не подать оубъ немъ, при первомъ на него взглядѣ, дусмысленнаго поображенія, то я присоупуилъ: яли Приключенія Славенскихъ Князей, что яено означаетъ романъ, а не исторію о нашихъ Древностяхъ, какъ нѣкоторые мнили найти.

Но ежели, и при семъ моемъ оправданіи, титулъ сея книги найдеть кто дѣйствительно ей неспойстеннымъ, то я, убъ разсужденіи такого, соглашусь лучше признать себя погрѣшившимъ убъ наименованіи моей книги, нежели остаться предъ обществомъ такимъ челоупкомъ, который пышнымъ названіемъ малопажняя книги, рочетъ обмануть любопытство его убъ спую пользу.

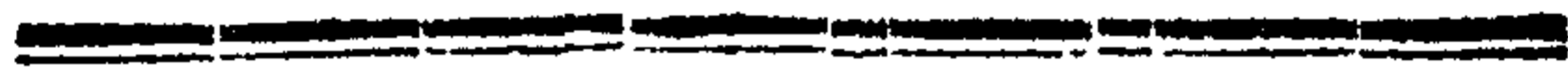

СЛАВЕНСКІЯ ДРЕВНОСТИ,

ИЛИ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РУСОВЫХЪ
ПРИКЛЮЧЕНІЙ.

Будучи внѣ себя схватилъ я
ее руку, и цѣлуя ее спра-
шно, вскричалъ: Ахъ, пре-
красная Горіада! возможно ли,
чтобъ Русь былъ столько счастли-
ливъ? И лъзя ли, чтобъ непре-
краснѣйшая особа въ себѣ удо-
стоила шоль бѣднаго человѣка по-
шпть своимъ взоромъ, и согласи-
лась для него претерпѣвать нап-

Часть ІѲ

А

снѣ?

ещи? Нѣтъ! я скорѣе самъ шѣмъ-
красно умру, нежели допущу тебя
спрадать еще въ семь подземномъ
жилищѣ. Но, ахъ! Желаніе мое
освободить тебя есишь больше, не-
жели способы его исполнить. Мечъ,
отъ коего, по словамъ твоимъ, за-
виситъ твое освобожденіе, въ ру-
кахъ у Левсила, моего пріятеля,
который, какъ я ему ни другъ, не
смѣешь и мнѣ его ни на минуту
повѣрить, опасаяся Карачуна, лю-
таго твоего похищителя, кото-
рый безпрестанно ищетъ случая,
его исплошить безъ волшебнаго сего
меча.

Какъ! перехватила Горіада, ко-
гда я для тебя презрела царя,
лишилась всѣхъ упѣхъ свѣта, под-
верглася съ радостію вѣчнымъ око-
вамъ, ты не находишь тогда сред-
ства освободить меня отъ узъ; оп-
рекаешься быть моимъ супругомъ, и
сидѣшь со мною на пресполѣ? Не-
благодарный! Сего ли отъ тебя я
ожидала? Таковой ли цѣны горяч-
ности моя спойтъ? Я бы для осво-
божденія твоего, изъ подобнаго не-
счастія, предала жизнь мою всѣмъ
муче-

мученіямъ: пожертвовала бы тебѣ отцомъ, матерью, всѣмъ моимъ родомъ, и наилучшею моею пріятельницею. Ты не находишь средства освободить меня, и для того только, что твоя пріятель обладаетъ симъ мечемъ, и что онъ тебѣ не вѣритъ его опасаясь Карачуна. Я согласна на сіе, но развѣ нѣтъ другихъ способовъ его получить? Неужели ты не находишь въ себѣ столько досужства чинить похищение его тайно для спасенія той, которая тебя обожаетъ? Ахъ! Государыня, вскричалъ я, могу ли я сіе учинить не подвергая себя презрѣнію всего свѣта, опваживая моего пріятеля нападкамъ Карачуновымъ? Нѣтъ, перехватила окованная красавица, себя ты презрѣннымъ не учинишь, избавляя отъ вѣчныхъ темницы несчастную царевну, тебя любящую, и впадшую для тебя въ шоль недостойное состояніе моего сана. Жестокой! Смотри на любящія мои слезы, на томленіе мое и препеть: вообрази лучшее страданіе моего сердца, пылающаго къ тебѣ неограниченною любовью!

бовію! Освобожденіємъ моимъ не од-
 ной ты мнѣ учинишь благодѣяніе:
 ты избавишь отъ горести двухъ
 несчастныхъ родителей, копорые
 непрестанно о мнѣ сокрушаюшся,
 и изрываютъ себѣ гробъ ежечаст-
 ными воздыханіями. Ежели ты пре-
 сѣчешъ мои оковы, и возвратишь
 меня имъ, то какою благодарно-
 стію не воздадутъ они за твое бла-
 годѣяніе! Какою похвалою не воз-
 величатъ они твое дѣяніе! Они те-
 бя поспавятъ выше смертныхъ:
 отдадутъ тебѣ престолъ свой,
 учиняшся своимъ рабами, божес-
 твою тебя своимъ поспавятъ, и
 живаго почтутъ тебя жертвами!
 А я, плающая уже и къ жесто-
 кому, какимъ тебя почту въ моемъ
 сердцѣ, когда ты учинишся моимъ
 избавителемъ! Ты мнѣ священне
 Олимпа будешь! Ты мнѣ будешь ..
 Государыня! вскричалъ я тогда,
 ставъ ея чрезвычайно пронуть, я
 гошовъ тебя избавишь отъ сея не-
 воли; но научи меня, какъ мнѣ сіе
 учинишь. Ты вѣдаешь конечно,
 присокупилъ я, по своему искус-
 ству, что Лезвиль препоясаніе свое
и

и мечъ имѣеть при себѣ непрестанно, а ночью спальню свою, въ которой ихъ хранишь, заграждаетъ волшебными словами, которыхъ никакая сила побѣдить не можетъ.

Я знаю то, сказала мнѣ съ пріятностію моя прелестница; но не ужели любовь швоя ко мнѣ не можетъ обрѣсти какова средства къ полученію ихъ? Левсилъ тебя любить; изыщи какую нибудь хитрость, которая бы тебѣ въспомоществовала овладѣть его мечемъ. Хитрость сія будетъ тебѣ простишерна, и Левсилу ни какой отъ того погибѣли не приключится; ибо какъ скоро ты меня избавишь, то я сама, вмѣстѣ съ моею благодарностію, подущуся возвратишь ему его оружіе. Любезный мой Русъ! Попыши освободить страждущую твою супругу отъ плѣненія; я себя инако уже не считаю, примолвила она, кидая на меня праспные взоры, какъ любезнымъ моимъ супругомъ; ибо коль скоро ты меня освоводишь, шужь минушу и я, и пресполъ отца моего, тебѣ принадлежать будутъ.

Что же касается до способа, продолжала она, какимъ тебѣ доспашь Левсиловъ мечъ, то я тебя оному научу, ежели ты самъ не хочешь принять на себя труда вымыслишь его. Вотъ, говорила она, подавая мнѣ малую золотую коробочку, сія волшебная вещь можетъ тебѣ послужить къ предпріятію сему, самымъ легчайшимъ способомъ. Она имѣетъ силу, когда ее разкроютъ, приводитъ природу въ расстройство: возбуждаетъ бурю, громъ, молнію, градъ и вихрь. Возьми ее, и спупай въ Левсиловъ замокъ. Когда наступитъ вечеръ, то ты, имѣя ее всегда у себя въ карманѣ, разкрой ее: опъ сего единого дѣйсвія смутится вся природа: возстанетъ пресильная буря съ безпреспаннымъ громомъ и молніею. Ты ихъ не спрашисъ внутренно, ибо они никакого зла тебѣ не приключатъ; но притворисъ предъ Левсиломъ, что ты сего весьма боишся: такимъ образомъ дай пройти цѣлой ночи, и слѣдующему дню. По прошествіи ихъ, и по наступленіи вечера, скажи Левсилу, принявъ

принявъ на себя испужанный видъ, что ты весьма спрашишься сей непогоды, и не можешь ночевать въ своей спальнѣ: примолви, что ты и прошедшую ночь не спалъ, находясь въ повсеминутномъ страхова-нїи отъ безпрестаннаго грома и бли-спанїя. И посемь проси Левсила, чшобъ онъ позволилъ тебѣ ночевать въ своей спальнѣ, огражденной волшебными словами, копорые сохра-няютъ ее не токмо отъ насилїя челоуковъ, но отъ огня, желѣза и бурь, и недопускаютъ никого въ нее войти безъ его позволѣнїя.

Когда же онъ дозволишь тебѣ въ ней переночевать, то уже не трудно будетъ тебѣ овладѣть его оружіемъ: ты можешь во время но-чи его похитить, и прїѣхать сюда для освобожденїя моего. Ибо тру-дно только войти въ его спальню, а выйти изъ нее никакого уже тру-да тебѣ не будетъ. Вотъ какъ тебѣ надобно поступить, любез-ный мой Русь! говорила она миѣ, кидая на меня ласковые и распа-ленные взоры: не опринь прозбы пылающей къ тебѣ Горїады: извле-

жи меня изъ ужасныя сея шемни-
цы, и возврашя меня моимъ роди-
телямъ, учинися нашимъ Царемъ,
и повелишѣлемъ храбрыхъ Спар-
тянъ.

Послѣдовавшія за симъ ласка-
тельствва ея и слезы въ шакое ко-
лебание привели мой духъ, что я
склонился бы тогда предать и Лев-
сила и самого себя Карачуну, лишь
бы только освободить ее отъ узъ
и шемницы, не токмо похитить
мечъ у моего пріяшеля. Возвращая
ей за ея ласки шьмою подобныхъ
ласканій, и безчисленными колѣнс-
преклоненіями, обѣщаль ей съ кля-
твою исполнить ея побелѣніе. Въ
слѣдствіе чего, простясь съ нею, и
поѣхаль отъ нее къ Левсиллову зам-
ку, по близости коего упражня-
лись въ ловишвѣ наши охотники.

Я ихъ нашель всѣхъ собравших-
ся уже въ одно мѣсто, и межъ ни-
ми Левсила, зоботящагося о моемъ
отсудствіи, и приказывающа ис-
кать меня. Прибытіе мое весьма
его обрадовало: онъ спрашиваль ме-
ня о причинѣ отдаленія моего отъ
нихъ; а я, желая сокрыть отъ него
на-

настоящее приключеніе , принужденъ былъ ему лгать , что будто гонясь за звѣремъ заблудился , и на силу могъ найти прежній путь.

Левсилъ , почитая меня искреннимъ себѣ другомъ , нимало не вздумалъ подозрѣвать меня во лжи , и вѣрилъ всѣмъ моимъ словамъ охотно. Послѣ чего поѣхали мы въ замокъ , ибо начало уже смѣркатъся. А я между тѣмъ , спѣша начавъ порученное мнѣ отъ Горіады дѣло , открылъ въ моемъ карманѣ волшебную коробочку ; и какъ только сіе учинилъ , то и началъ воздухъ колебаться , и мало по малу возставать вихрь. Вскорѣ показались темныя облака , которыя совокупляясь межъ собою покрыли надъ нами небо , и будучи понуждаемы вѣтромъ , начали спираться другъ съ другомъ , и напоследокъ произвели такой сильной громъ , молнію , дождь и градъ , каковыхъ ни я ни Левсилъ отъ роду не видывали. Сіе принудило насъ убираться поскорѣе въ замокъ.

Слѣдуя Горіадину ученію , принявъ я на себя видъ боящагося
А 5
человѣка ,

человѣка, и движеніями моими и словами старался увѣришь моего пріятеля, и Преврату его жену, что я весьма сей бури устрашаюсь. Они старались мнѣ доказать, что она ничего страшнаго въ себѣ не имѣетъ, и что сіе естественнo, и не должно пакъ устрашать разумнаго человека. Я и самъ епо вѣдалъ; но желая умыслъ мой произвешивъ дѣйство, не давался имъ на уговоръ, и часъ ошъ часу припворялся боязливымъ. Представляя такимъ образомъ робѣющаго лице, весьма мало ѣлъ во время ужина, вскакивая и содрогаясь при всякомъ ударѣ грома. По окончаніи стола, проспился я съ ними гораздо ранѣе обыкновеннаго, пославляя причиною робость мою, для уменьшенія которой, говорилъ я имъ, жопѣлъ зарыться въ мою постѣлю. Они охотно склонились на мое желаніе, и проспясь со мною пошли въ свою спальню, а я отбылъ въ мою.

Безъ всякаго припворства не могъ я уснуть большую часть ночи: образъ моей прелестницы повсеминушно упражнялъ мои мысли:

всѣ ея слова и взгляды представлялися моему воображенію; наипаче обѣщанія ея услаждали мое честолюбіе: я воображалъ себѣ, что будто уже сижу на Лакедемонскомъ пресполѣ, и повелѣваю Спартанскими народами. Но высокомѣрїю моему не довольно и сего было: я предпріялъ учинишься обладателемъ всей Греціи; и на послѣдокъ хотѣлъ окончишь власнѣ гордыхъ Персовъ. По недолгомъ наслажденіи себя сими мнимыми побѣдами, вздумалъ я показати силу моего оружія Индіянамъ. Подвергнувъ ихъ моему игу, предпріялъ я увеличити державу мою покореніемъ Африки. Но можетъ ли удовольствовати великій духъ столь малое пространство земель! Я видѣлъ неповинующихся еще моему скипетру цѣлую Европу, и безчисленные острова Океана. Чего ради предпріялъ я и ихъ всѣхъ подвергнуть моему оружію, и учинишься единодержавнымъ обладателемъ всей подсолнечной. Такъ заблуждаясь моими помышленіями, радовался я несказанно, воображая себѣ, какъ я стану вели-

величашься, когда всѣ части свѣта будутъ предшоятъ моему престолу, и съ какимъ трепетомъ станутъ внимать всѣ мои слова. При семъ общемъ повиновеніи всея земли, однѣ только планеты не признавали моей власти; но я бы и ихъ конечно уже погорилъ себѣ, когдабъ немилосердый Кикимора, Божество Сна и Ночи, не исторгъ у меня скипетра, и не оковалъ стягосильными своими оковами Обладателя Вселенныя. Или лучше сказать: сонъ пресѣкъ глупыя мои размышленія.

На другой день, по пробужденіи моемъ, одевшись, пошелъ я къ Левсилу, который находился уже въ залѣ, разговаривая съ своею женою о чрезмѣрности бури коя часъ отъ часу умножалась. Хотя онъ и былъ искусенъ въ угадываніи причинъ, однакожъ немогъ постигнуть моей тайны, гошозившей ему погибѣль. А я, принявъ на себя видъ усмращенного и обеспокоеннаго человека, объявилъ имъ, что буди не спалъ во всю ночь, въ повсеминутномъ находясь страхѣ отъ молніи. Старался имъ выразить какъ можно

но

но наилучше боязни мои и препешанія, и на послѣдокъ довелъ ихъ до того, что они сами начали изыскивать средства къ безопасности моей отъ бури; и на конецъ, не сыскавъ довольнаго къ ободренію мнимои моей робости, согласились, по прозбѣ моей дозволить мнѣ ночевать въ ихъ спальнѣ. Въ благосклонности сей наипаче утвердили ихъ мои благодарности, которыя однакожь не изъ того произтекали испочника, изъ коего мнили ихъ они. Весь остатокъ того дня препроводилъ я съ ними, припворяся непрерывно пужающимся, и прося ихъ о сдержаніи своего обѣщанія.

На конецъ настала вечеръ, и по окончаніи ужина пошли мы всѣ трое въ Левсилову спальню, куда приказали перенести мою постелью. Искренняя пріязнь и собѣсѣдованіе моего друга, чрезмѣрно перезали мою совѣсть: я покушался нѣсколько разъ, повергнувшись къ нему въ ноги, открыть ему мой умыселъ. и отказавшись совѣмъ отъ моея прелестницы; но воображеніе о красотѣ ея, и о Спаршанскомъ пре-

престолѣ, совокупляяся съ глупою надеждою завоеватьъ всеѣ часни свѣта, ушумали въ шужѣ минушу мои угрызения, и ушверждали меня наки въ беззаконномѣ моемѣ предпріятіи. Не долго ожидалъъ я сего исполненія: пріятель мой вскорѣ заснулъ съ своею женою; а я, пользуясь ихѣ успокоеніемѣ и темнотю ночи, похищилъ роковое препоясаніе его и мечъ, и ушелъ изъ спальни, опредѣляя въ шопѣ же часѣ ѣхать къ Горіадѣ, дабы удобнѣе ото всеѣхѣ скрыватьъ мое похищеніе.

Въ самомѣ дѣлѣ нимало я и не мѣдлилъ: шогожѣ часа пошедъ въ конюшню, и осѣдлаевъ моего коня, поѣхалъ я изъ замка, не будучи ни къмѣ усмотрѣнъ; ибо сонъ и сильная буря, объявшія замокъ, сокрывали мой отѣздъ отъ взоровъ каждаго. Выѣхавъ изъ замка, поскакалъъ я во всю конскую прышь, для освобожденія отъ узъ моей прелествицы, и для возшествія на Спаршанскій престолѣ. Во время продолженія моего пущи, размышлялъъ я, радуясь напередъ, сколько удивляю

Лель

Левсила и Преврапу, когда явлюсь имъ въ порфирѣ и въѣцѣ; ибо я принялъ тогда намѣреніе напередъ воцариться, а потомъ уже показаться моимъ пріятелямъ. Сими и подобными услаждаюсь мыслями, къ чему такъ же способствовала и темнота, сбился я съ дороги, ведшей къ пещерѣ; и принужденъ былъ проѣздить цѣлую ночь, хотя на послѣдокъ и закрылъ волшебную коробочку, дабы утишилась буря, и воздухъ принялъ прежній свѣтъ, но со всѣмъ тѣмъ немогъ сыскать горы, въ коей находилась Горіада, прежде солнечнаго восхода.

На послѣдокъ, при помощи солнечныхъ лучей, нашелъ ее; но какое было мое удивленіе, когда я вмѣсто отверстія, ведшаго во внутренность горы, нашелъ только не весьма широкую разщелину, въ которой увидѣлъ карпину въ человѣческой ростъ, на коей былъ изображенъ деревянный истуканъ, точно похожій на меня, съ ослиными ушами, въ дурацкой шапкѣ, и съ дѣтскою побрякушкою въ рукахъ! Я ошолбенѣлъ при семъ видѣ, и
 успремилъ

устремилъ удивленные мои глаза
на варшину , на коей изображен-
ный мой испуканъ окруженъ былъ
малыми рабшами , представляю-
щими разные пороки , и точно тѣ ,
которыя показалъ я въ себѣ при из-
мѣнѣ моему пріятелю . Они всѣ
представлены были указывающими
и ругающимися моему изображенію,
надъ которымъ начертаны были
слѣдующія слова :

Прелестникъ Горіадинъ ,

Премудрый Русь ,

Спартанскій обладатель ,

Изпогнувшій у всѣхъ земныхъ вла-
дыкъ вѣнецъ ,

Завоеватель всѣхъ небесныхъ звѣзд-
ныхъ странъ ;

И на конецъ

Всѣмъ шипламъ симъ дастъ толкъ
вошъ эта образина .

На подножїи коея , продолжалъ
воздыхая и стыдяся Русь , написа-
ны были красными буквами слѣдую-
щія

щія строки, соотвѣтствующія на
верхніе стихи:

Невольникъ ладинъ,

лукавый прусъ,

Предатель,

льстецъ,

болванъ,

Глупецъ,

Скотина.

По сему двоиспеленному изображенію, говорилъ Варягъ, не трудно мнѣ было узнать самого себя, и то что я былъ обманутъ и одураченъ, и что еще былъ Карачунъ, врагъ моего пріятеля, копорый сыгралъ со мною сію шутку. Досада, стыдъ, и угрызеніе совѣсти, привели меня въ бѣшенство: яросль моя, понуждавшая меня ко опмщенію моего позора, возбудила меня перѣе всего пожертвованью моему гнѣву предметъ моего посрамленія. Я захватилъ мечъ, чтобъ изрубить въ куски сію прокляшую картину, какъ въ самое по мгновеніе, изображенные на ней рабѣша поднялись на воздухъ, и

Часть II.

Б

смѣясь

емѣясь изо всей силы, ужали мнѣ и кричали: Е! Братъ, пзълъ! е! а! о! у! А болванъ, предсавлявшій мой образъ, въ то же самое время повалился съ каршины на меня, и чуть было не сшибъ меня съ ногъ; между тѣмъ, пока удивленіе мое и ужасъ держали меня какъ окаменѣнна, онъ вскочилъ, и погналъ меня взащей своею побрякушкою, приговоря при томъ: Не прельщай Горяды! Не поюй на планеты! Не побѣждай свѣта!

Сей одушевленный уродъ прибилъ бы меня до смерти, ежели бы не было при мнѣ волшебнаго меча, коего помощь употребилъ я къ своей оборонѣ, и тѣмъ принудилъ исчезнуть сіе мое привидѣніе. Сіи насмѣшничества утвердили наиболѣе мои подозрѣнія, что я обманутъ Карачуномъ подъ видомъ Горяды; и что послужилъ ему орудіемъ для погубленія моего друга. Горестъ и стыдъ, объявшія мое сердце, склонили бы можетъ быть меня тогда покуситься на жизнь мою, ежелибъ опасность, въ какой я чаялъ тогда моего пріятеля, не понудила меня

поспѣшашь

поспѣшати ему на помощь. Сыскавъ моего коня, поскакалъ я къ Левсилу въ замку, изо всей силы, и прѣхалъ къ оному весьма скоро; но уже прибытіе мое было бесполезно.

Люпый Еѳопъ, воспользуясь моимъ опсудствіемъ, напалъ на обезоруженнаго мною Левсила безъ всякаго себѣ опасенія. И уже при возвращеніи моемъ, сей гнусный чародѣй лешвалъ изъ замка на ужасномъ Аспидѣ, влача за собою любезнаго моего пріятеля, окованнаго цѣпями и шерзаемаго множествомъ ястребовъ. Бѣдная его жена, окруженная служителями своими, бѣгала по срединѣ замка съ разпрепанными волосами, имѣя развращенное печалію лице, вопія и шерзаяся отчаянно, и призывая на помощь боговъ мстителей; но всѣ ея моленія погибали впусту: свирѣпый Карло вскорѣ увлекъ у всѣхъ изъ вида несчастнаго Левсила. Сіе привело бѣдную Преврапу въ себя: она упала на землю безъ памяти. Я хотѣлъ бѣжать къ ней на помощь; но вспомня, что я всему сему злу причина, не осмѣлился предъ глазами ея показаться.

я поѣхалъ прочь отъ замка , терзаяся угрызениями совѣсти , и проклятая Карачуна ; а наипаче себя , что причинилъ погибѣль наилучшему моему пріятелю , ослѣпяся вредною спраспїю , и прельстясь суешнымъ привидѣніемъ.

Будучи волнуемъ раскаяніемъ , горестїю и сожалѣніемъ , воображая себѣ печальное приключеніе моего друга , и отчаяніе бѣдной его супруги , далъ я коню моему волю , и непомнилъ самъ куда ѣхалъ. Конечно не опомнился я во весь шестъ день , ежели бы споткнувшись моя лошадь не сронила меня съ себя. Паденіе сіе возвратило мнѣ память ; но горесть моя пушью отъ того получила на домцію силу ; къ чему также присовокупилась и болѣзнь , ибо въ паденїи моемъ ушибся я весьма больно о камень. Сїе понудило меня искасть поскорѣ жилища , на кошорое по счастью моему вскорѣ я и на ѣхалъ. Ещо была не большая деревенька , въ коей не могъ я сыскать хорошаго лѣкаря , копорый бы пользовалъ меня ; и по сей причинѣ принужденъ я былъ пребыть въ оной
весьма

весьма долгое время , потому что полученный мною при паденіи ударъ, присовокупясь къ гореспи моей и скукѣ, произвелъ во мнѣ весьма сильную горячку, отъ копорой насилу въ годъ возмогъ я оправиться.

Во время пребыванія моего въ сей деревнѣ , пришло мѣ нѣкогда на мысль несчастіе моего пріятели и проклятая хищность употребленія на то Карачуномъ , трччемъ вспомнилась мнѣ я золотая коробочка , послужившая къ тому наиболее. Я было оубъ ней совсѣмъ позабылъ , однако вздумалось мнѣ при тогдашемъ случаѣ разсмотрѣть ее получше; а при томъ же, помогая тогдашней великой моей бѣдности, продать ее мимо ѣздящимъ того мѣста купцамъ ; для того приказалъ я вынять ее изъ кармана моего плаща , въ копоромъ она лежала ; радуясь , что по крайней мѣрѣ , по лишеніи моего друга , и по потерянїи сбъ нимъ всего моего благоденствїя , осталась у меня сія драгоценная вещь. Но какимъ пораженъ я былъ удивленїемъ и стыдомъ , когда на мѣсто ее принесли ко мнѣ кусокъ дикаго

дикаго камня , обнадѣживая меня , что ничего больше кромѣ сего въ карманахъ моихъ не нашли ! Долго я не могъ повѣрить ни имъ ни собственнымъ моимъ чувствамъ . Но поворачивая камень , увидѣвъ на чертанныхъ на немъ письмена ; я съ жадностію принялся ихъ читать , и вошь что къ посрамленію моему нашель ими изображенно :

Нехъспись корыстію отъ беззаконныхъ
дѣлъ;
И благодаренъ будь , что самъ оспалъ
ся щѣлъ.

Сїи справедливыя слова поразили меня какъ громомъ , и произвели во мнѣ люшѣйшее перзаніе : измѣна моя представилася мнѣ во всей своей гнусности ; и я почиталъ себя наизузорнѣйшимъ изъ смертныхъ , измѣня такому прїятелю , каковыхъ нынѣ чудомъ почитають . Сїи сокрушительныя размышленія , разправили весьма сильно мою болѣзнь , отъ коея началъ уже было я выздоравливать , и едва не привели меня ко гробу . Но можетъ бышь болѣзнь
МОЯ

моя и лишила бы меня жизни, еспѣлибѣ не избавилѣ меня отѣ нее сильный Чернобогѣ, которому обѣщался я, что по выздоровленіи моемѣ употреблю все спаранія подашь помощь Левсилу, ежели онѣ еще живѣ.

Для исполненія моего обѣта, по выздоровленіи моемѣ, предпріялѣ я обѣѣздить все части свѣта, навѣдываясь о Карачунѣ и о пріятелѣ моемѣ. Спранствованіе мое продолжалось болѣе двухъ лѣтъ, въ которыя однакожѣ весьма мало достопамятнаго со мною приключилось. На послѣдокѣ приѣхалѣ я въ Агру, столицу Индіи, гдѣ бытіе мое совершенно бы изчезло, ежелибѣ помощь ваша не изпоргнула меня изъ рукъ безчеловѣчныхъ жрецовѣ. Случай сей достоинѣ вашего вниманія, и для того расскажу я вамѣ обѣ немѣ обстоятельнѣе.

По прибытіи моемѣ въ сей городѣ спросилѣ я у одного мимоидущаго, гдѣ могу найти госшинницу, въ которой бы я могѣ переночевать. А ты развѣ не здѣшній, спросилѣ: меня Индіянинѣ! Такѣ, я иностранецѣ,

нець, опвѣчалъ я ему. Изрядно : вскричалъ онъ съ восхищеніемъ : я тебя провожу въ такую, коею ты совершенно доволенъ будешь. По семъ, взявъ моего коня за узду, провелъ меня чрезъ нѣскольکو улицъ, и на послѣдовъ رسانоваять предъ великолѣпнымъ домомъ, котъ здѣсь, сказалъ мнѣ, самая наилучшая, гдѣ ты можешь не токмо одну ночь, но цѣлый годъ ночевать, и всемъ будешь доволенъ : Я благодарилъ его наилучшимъ образомъ за сіе; невѣдая того, что онъ мнѣ симъ погибѣль устроивалъ, а неблагодеяніе показывалъ. Между тѣмъ коварный сей услужникъ постучавшись у воротъ, которые тотчасъ ему отперли, просилъ меня вѣхатъ на дворъ, на которомъ встрѣпило насъ нѣскольکو людей, и освѣдомяся обо мнѣ, кто я таковъ, и за чѣмъ прѣвхалъ, просили меня слезть съ лошади, и войши въ покои, обѣщавая мнѣ всякія удовольствія.

Я повиновался ихъ прозвѣбъ, и послѣдовалъ за ними; изъ коихъ одинъ пошелъ напередъ, чюбъ уведомить обо мнѣ хозяина того дома.

Онѣй

Онѣй былъ первосвященникъ въ семъ городѣ, что я въ шопъ же день отъ самого его узналъ. Сей коварный священикъ, вышелъ ко мнѣ навстрѣчу, и принявъ весьма ласково, просилъ слѣдовать въ покой. По приходѣ нашемъ въ оныя, старался онъ угощати меня наилучшимъ образомъ; а между тѣмъ выпрашивалъ меня обо всемъ, что до меня ни касалось. Я будучи съ природою опкровененъ, и приходомъ же имъ обласканъ, разказалъ ему обо всемъ, о чемъ онъ ниже лаалъ узнать. Опзѣшамъ моими казался онъ бытъ доволенъ и обласкавъ меня снова началъ передо мной извиняшся, что онъ не можетъ имѣти удовольствія долѣе разговаривати со мною, будучи опзызаемъ своею должностію для нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ; того ради чшобъ я оппустилъ ему его неучшквостъ, и пробылъ до тѣхъ поръ одинъ, пока онъ оптравишъ свои дѣла. А я, нимало непонимая изъ сего, что онъ шель стовариватья съ подобными ему бездѣльниками о моей погибѣчи, воздавалъ ему за прищворныя его учшквосты искренними ласканіями, и оппав-

шишь одинъ въ комнатѣ, употребилъ его опсудствіе на отдохновеніе себѣ. Будучи упружденъ путешествіемъ, легъ я на софу, и проспалъ до самыя ночи. По наступленіи оной меня разбудили, прося отъ имени первосвященникова опужинать съ нимъ. Я потчасъ всталъ, и пошелъ туда куда меня звали. Ужинъ былъ уже готовъ, и хозяинъ ожидалъ меня за нимъ съ двумя жрецами, копорыхъ онъ видно нарочно пригласилъ. Столъ былъ весьма великолѣпенъ, и ни въ чемъ не было недостатка; а наипаче въ винѣ, копорымъ хозяинъ спарался всѣхъ уподчивать. На послѣдокъ когда увидѣлъ онъ, что я охмѣлѣлъ, то поднеся мнѣ кубокъ вина, просилъ меня выпить его весь, обнадеживая меня, что я ему сдѣлаю великую угодность, ежели его выпью. Я повиновался его прозьбѣ, и выпилъ его до дна. Но какъ скоро я сіе учинилъ, то и началъ клонить меня сонъ: и по протесствіи не многихъ минутъ столъ меня одолѣлъ, что я не выходя изъ за стола заснулъ.

Я непомню ничего , что сдѣла-
лось со мною во время моего сна ;
но когда я проснулся , то увидѣлъ
себя скованна цѣпями , и въ семь
одѣянїи , въ кошпоромѣ вы меня
теперь видите. Я весьма сему уди-
вился , и спрашивалъ вокругъ сипоя-
щихъ меня служителейъ , какое учи-
нилъ я преступленїе , что здѣлали
меня невольникомъ изъ свободнаго
человѣка и иносшранца. На вопросѣ
мой сипѣисповозано мнѣ , что сѣ
учинено по приказу первосвящен-
ника , который самъ мнѣ вскорѣ
объявишь сего причину.

Вскорѣ пришелъ къ намъ и перво-
священникъ , въ богослужительномъ
одѣянїи , провождаемый многими
жрецами одетыми въ подобную
одежду. Злодѣй! сказалъ онъ пре-
ступя ко мнѣ , ты умершвилъ на-
слѣдника нашей державы , и похи-
тилъ младую нашу Государыню ,
его супругу : возврати намъ ихъ
обѣихъ ; или сея же noci окаянное
швое тѣло поѣсипь и попалишь свя-
щенный огонь. Грошый его видъ , и
взводимое на меня беззаконїе , о ко-
шоромъ я ниже помышлялъ , привели

меня почти въ безуміе Цѣлую мину-
 шу споялъ я внѣ себя, и не зналъ
 что ему ошвѣпсшеовать; напослѣ-
 докъ вышедъ нѣсколько изъ моего
 смятенія, спрашивалъ его, мнѣли онъ
 сіе говоритъ; ибо ты довольно зна-
 ешь, продолжалъ я, по изуспному
 моему тебѣ повѣствованію, что я
 ниже когда видалъ вашего наслѣдни-
 ка державы и его невѣсту, не пок-
 мо чшобъ учинишь надъ ними при-
 писуемое мнѣ злодѣйство. Нечестив-
 вый! вскричалъ на то первосвящен-
 никъ, швое извиненіе не оправдаетъ
 тебя, когда небесный гласъ въ шомъ
 тебя изобличаетъ. Зіанъ, сказалъ
 онъ посемъ обращай къ одному
 жрецу, прочти ему описаніе пла-
 чевнаго сего приключенія, воспо-
 слѣдовавшее на то Божеское прорѣ-
 ченіе, и указъ великаго Могола,
 повелѣвающей предавать огню всѣхъ
 злочестивыхъ сюда пришельцовъ,
 копорые подъ видомъ странствова-
 нія приключаютъ здѣсь вопіющія на
 небо злодѣянія. Жрецъ позиноваался
 ему, и прочелъ мнѣ о семъ описаніе
 пророчесшва, и указъ Моголевъ. Со-
 держаніе ихъ слѣдующіе: Индійскій
 Государь

Государь имѣлъ у себя сына именемъ Селина, весьма изрядныхъ качествъ и превосходнаго разума. Сего юнаго Князя вознамѣрился онъ женишь на Черданѣ, дѣвицѣ украшенной всѣми прелестями ея пола, и одаренной многими добродѣтелями, къ тому же дочери нѣкопорого Владѣтеля подвластнаго Моголу. Уже бракъ сихъ юныхъ супруговъ былъ совершенъ и торжественъ; но на другій день, когда пришли ихъ поздравить съ благополучнымъ окончаніемъ ихъ союза, то молодова Князя нашли безъ чувствъ лежаща, а Черданы и со всѣмъ не обрѣли. Нѣсколько по томъ ни прилагали стараній, чтобъ юнаго сего Князя привести въ прежнее его состояніе, и возвратитъ ему дыханіе и жизнь, а супругу его сыскать; однакожь ни въ томъ ни въ другомъ не успѣли. Моголевъ сынъ оспался бездыханенъ, хопя и казался сохраняющъ въ себѣ жизнь; а Чердана осталась неизвѣстно погибшею. Сего ради возымѣли прибѣжище свое къ славному Индійскому боговѣдцу, чтобъ испросить у него извѣщенія въ семъ недо-

умышленномъ приключеніи. Пророчество изрекло имъ слѣдующій отвѣтъ, который, говорилъ Русь, остался у меня въ памяти, какъ я тогда ни испужанъ былъ.

Когда вонзится въ грудь иноплемен-
 ну ножъ,
 алкающій огонь побѣстъ злодѣйски чле-
 ны,
 разрушатся тогда мѣчшы, коварства,
 ложь,
 а бѣдствующихъ дни получатъ пере-
 мѣны:
 Черданинъ минетъ плѣнъ, восприметъ
 жизнь Селинъ;
 увидитъ миръ по семъ, кто былъ
 творецъ сихъ винъ:
 Невѣрный по Пигмей, коварный Испо-
 линъ.

Сіе прорѣченіе, продолжалъ Русь, означало, какъ видно по всѣму, како-го ни наестъ волхва иностранца, ко-шорому Боги предсказывали казнь, а по ней освобожденіе всѣмъ бѣд-спвующимъ отъ него; но ясно сего не обьявляли, конечно по волѣ вы-сочайшія ихъ Судьбы. Хитрые Ин-дѣйскіе жрецы сіе поняли; но буду-
 чи

чи лукавы и корыстолюбивы, вотъ какъ разполковали Моголу сіе прорѣченіе, дабы воспользоваться имъ нѣмъ несчастныхъ иностранцовъ. Что понеже сей причинитель смерти Государева сына, и хищникъ его супруги, долженъ бытъ иностранецъ и вохвъ, и что не преждѣ окончивша очарованіе юнаго Князя и возвращеніе Черданы, пока не изтребивша желѣзомъ и огнемъ сей злопворецъ, того ради всякаго прѣвжжающаго къ нимъ иностранца предавашь, по священному обряду, желѣзу и огню предъ истуканомъ младаго Князя, пока не сыщется настоящій ринозникъ, и смертію своею не возвратишъ наслѣдника государству.

Прельщенный словами ихъ Моголь согласился на сіе варваство по любви къ своему сыну, и повелѣлъ всему нечесливому переосвященнику, который, какъ видно, въ умыслѣ семъ былъ первый, чтобъ всякаго иностранца предавалъ онъ въ сей пещерѣ, созданной для сего нарочно, желѣзу и огню; а имѣніе ихъ бралъ на соборѣ жрецовъ, которые прокля-

В 4

шую

шую сію должность отправлять стануть.

Когда окончилъ о семъ чтеніе жрецъ, продолжалъ Варягъ, тогда пакъ первосвященникъ увѣщевалъ меня, чтобъ я ожирилъ Селина, и возвратилъ его супругу; но когда я опрелекъ, что никакъ сего учинить не могу, не будучи сему злу причастенъ, тогда безчеловѣчный сей жрецъ, приказалъ готовиться къ жерпвоприношенію, которое опредѣлено было произвестъ ночью, для того что несчастіе Императорскаго дома произошло въ такое время. Шествѣе и обрядъ онаго, говорилъ Варягъ Славянамъ, я чаю вы сами видѣли; и я бы непременно въ сію ночь погибъ, ежелибъ Боги не послали васъ ко мнѣ на помощь, великодушные мои избавители! Вотъ вся моя исторія, о которой вамъ угодно было отъ меня увѣдать. Теперь не осмѣется мнѣ инова вамъ сказать, какъ представилъ мой совѣтъ, чтобъ оставили вы наискорѣе сіи спрашныя мѣста; ибо разгнанные вами жрецы не преминуть вамъ мстить, объявля въ городѣ о разбитіи

разбитіи своемъ: и конечно собравъ
воинствъ погнался за нами, и пре-
дадушъ насъ всѣхъ смерти.

Нѣтъ! сказалъ ему Свѣтлосанъ,
совѣшу твоему не могу я послѣдо-
вать: возможноли мнѣ безъ угро-
женія совѣснѣ осипавишъ челоуече-
скій родъ въ опасности, когда имѣю
способъ ему помочь? Въ словахъ
твоихъ нашель я неоспоримое до-
казательство, коимъ легко могу
разрушишъ заблужденіе великаго
Могола, и вывешъ наружу жре-
ческое корыслолюбіе, проливающее
неповинныхъ кровь. Я намѣренъ те-
перь же поѣхашъ къ Индѣйскому
Государю, и представишъ ему ясно
его люлюсть. Ежели же онъ, не
смотря на истинны, кои я ему
предложу, вздумаетъ еще и насъ
предать несправедливому своему осу-
жденію, то я употреблю тогда на
опмщеніе гостопрїимства и право-
судія данную мнѣ отъ Чернобога
силу, и Левсиловъ мечъ, подарен-
ный мнѣ шобокъ; и копорый я ему
непремѣнно возвращу, ежели еще
обрящу его жива.

Сказавъ сіе приказалъ онъ Бориполку сыскать своихъ коней, а Русу оденъся въ прежнее свое плащье; между шѣмъ самъ скинулъ съ себя свой мечъ, и отдалъ Варягу, а Левсиловъ наделъ на себя. Когда Русъ переодедся, а Бориполкъ привелъ коней, то немѣдя ни мало, поѣхали они всѣ трое въ Агру. Во время ихъ пущи освобожденный отъ пламени Варягъ, удивляясь Свѣтлосановой храбрости и великодушію, обѣщался вѣчно за нимъ послѣдовать, и принимать вкупѣ бѣды и трудности. Славенскій Князь съ своей стороны обнадеживалъ его своею дружбою, и обѣщалъ ему раздѣлить съ нимъ равномѣрно и счастье свое, ежели окончитъ благополучно свое предпріятіе, и взойдетъ на пресполъ своего родителя. Обѣщаніе сіе усугубило къ нему преданность Русову, и вселило въ него великое желаніе прилѣпиться на вѣки къ Свѣтлосану. Въ сихъ и подобныхъ симъ увѣреніяхъ, поѣхали они большую часть дороги; и когда уже солнце освѣтило половину земнаго круга, тогда подвѣ-

подъѣжжали они къ столицѣ Индѣйской, изъ предмѣстїя коея выходила насупротивъ имъ превеликая толпа вооруженныхъ людей луками и копьями.

Ето была погоня, посланная за ними отъ Могола, и предводима я жрецами, которыхъ Славяне разогнали. Сїя толпа огружила вскорѣ Сѣверныхъ жителей, и хотѣла было употребить наглость, чшобъ принудить ихъ къ здачѣ; но Свѣтлосанъ объявилъ сей дерзновенной кучѣ, что онъ никого не оставитъ изъ нихъ жива, ежели осмѣлятся малое сдѣлать огорченїе; но что своею волею побдуть они сами въ городъ, и предстануть предъ ихъ Государя. Индѣйцы немѣдленно согласились на его предложенїе, и окружа оповсюду Славянъ, поѣхали за ними въ Агру.

По вѣздѣ ихъ въ сей городъ, народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ, чшобъ увидѣть такихъ людей, которые одолѣли и разгнали великое множество народа. Наиболѣе всѣхъ привлекалъ къ себѣ народные взоры Славенскїй Князь: благородный его
видѣ

видѣ и величественная осанка, не-
 иначе его имѣ предсказляли, какъ
 Богомъ начальствующимъ во бра-
 няхъ. Индіяне съ перваго на него
 взгляда почувствовали къ нему ве-
 ликую любовь и почтеніе, и внут-
 ренно желали имѣть его своимъ
 Государемъ. До самаго Моголева
 дворца, проводили они Свѣтлосана,
 не спущая съ него глазъ, прося Бо-
 говъ покровительствовать его, и
 умягчить въ пользу онаго Моголо-
 во сердце.

До прїѣзда Славянъ ко дворцу,
 уже Индійскій Государь предувѣ-
 домленъ былъ объ ихъ прибытіи,
 и повелѣлъ представить ихъ предъ
 себя. Очѣ назывался Абубекиромъ:
 нраву былъ крошкаго, но легковѣр-
 наго: разгорячался за ничто, и
 ничемъ также и смячался; впро-
 чемъ былъ любитель достоинства
 и добродѣтели. Когда Славяне пред-
 ставили предъ него, тогда сей Им-
 ператоръ, осматривая ихъ одного
 за другимъ, почувствовалъ къ
 Свѣтлосану подобныя народнымъ
 склонности; ибо въшнїя сего Кня-
 зя качества представили ему онаго
 Героюмъ,

Героемъ, и таковымъ, каковыхъ онъ между людьми невидывалъ; а развѣ зналъ по описаніямъ бытѣйскимъ. Сіе удивленіе и любовь, которыя чувствуемъ мы къ достоинствамъ, премѣнили его гнѣвъ, которымъ было онъ съ начала распался, въ пріязнь къ Славенскому Князю, и сладостное удовольствіе на него взирать. Пребывъ такимъ образомъ нѣкоторое время въ разсмаприваніи его, напослѣдокъ пресѣкши молчаніе, сказалъ ему: Иностранецъ! какое ты имѣлъ право прервать священный порядокъ жертвоприношенія; похищилъ отъ потребленія жертву, коея закланіе ласкало меня оживленіемъ моего сына, и возвращеніемъ его супруги; и сверхъ того, уничижая почтеніе къ священному сану, (указывая на предстоящихъ жрецовъ,) разгнать дерзновенно сихъ Бгослужителей, и умертвить изъ содружества ихъ великое число? По семъ онъ умолкъ, ожидая отвѣта отъ Славенскаго Князя, который ни мало не будучи смѣшенъ его вопро-

сомъ.

сомъ , отвѣтствовалъ ему бодр-
ственно слѣдующею рѣчью.

Великій обладатель Индіи ! мно-
гіе случаи являютъ опъ внѣ со-
вѣмъ прошивный видъ, нежели ка-
кой имѣютъ во внутренности сво-
его существа : наше приключеніе
сего есть рода. Но я пощуся
явить его своему правосудію та-
ковымъ , каково оно въ самой вещи.
Я не имѣлъ ни какой причины до-
саждать на сихъ священныхъ му-
жей , и не съ тѣмъ проѣжжалъ
пространную твою державу , что
бы нанесъ тебѣ въ особѣ ихъ
оскорбленіе ; но безчеловѣчное ихъ
звѣрство раздражило мое терпѣніе,
и неволею изпоргло мой мечъ на
защитеніе неповинно умерщвляема-
го моего единокотца. Ты бы самъ ,
Государь , будучи на моемъ мѣстѣ
учинилъ тоже ; ибо , какое варвар-
ское сердце можетъ спокойно смот-
рѣть на умерщвленіе неповиннаго
человѣка , и не подвигнуться на со-
жалѣніе и гнѣвъ ? Вотъ сія несча-
стная и непорочная жертва , кото-
рую стремился предать пламени
корыслолюбіе сихъ свящотъ. Не
удивляйся

удивляйся изрѣченію сему , Госу-
 дарь! Чистосердечіе мое докажетъ
 тебѣ ясно все ихъ коварство и ли-
 цемѣріе , какими испоргли они у
 тебя соизволеніе на погибѣль непо-
 винныхъ , дабы ушучнишь себя ко-
 рыстями съ оныхъ. Ты самъ пред-
 ставь, Государь, свойственноть бышь
 Богамъ люшѣе челоувѣковъ ? и воз-
 можноть, не погружаяся въ беззаконіе
 , приписывать Божеству шаков
 повелѣніе , чпобѣ для сысканія еди-
 наго беззаконника , умертвить шьмъ
 неповинныхъ людей? А ежели безъ
 воли ихъ предавать челоувѣка смер-
 ти , не имѣя на него ни малѣйшаго
 подозрѣнія въ злодѣйствіи , и для
 единныя шокмо надежды обрѣсти
 въ немъ , по погубленіи его , винов-
 ника злу , то какая уже несправед-
 ливость можеть превзойти адское
 сіе неправосудіе. Но шы въ ешмъ
 неповиненъ , Государь! Извиняеть
 тебя въ семъ родительская швоя
 горячноть къ сыну , и хитроспле-
 шенное жреческое коварство , скры-
 вающееся подъ видомъ швоея поль-
 зы , и облекшееся силою мнимаго
 Божескаго повелѣнія на изшребле-
 ніе

нѣ неповинныхъ иностранцовъ. Все-
 му етому винсю есть сей варваръ,
 (указывая на прѣосвященника,) и
 нечестивые его сообщники : ихъ
 алчвость къ собранію имѣнія упош-
 ребила во зло неповиннымъ человѣ-
 камъ несчастіе швоей породы, Бо-
 жеское прорѣченіе, и швое чадолю-
 біе. Не сомнѣвайся въ истиннѣ мо-
 ихъ словъ, Государь, извѣтъ мой
 докажетъ тебѣ ясно, что небесное
 прорѣченіе иной заключаетъ въ себѣ
 смыслъ , нежели каковой ему далю
 гнуснсе ихъ любоимѣніе. По сему ихъ
 адскому коварству , и поносной къ
 тебѣ невѣрности , и о прочихъ
 суди ихъ поступкахъ. Но чпо бы
 долѣе не подвергать неповинныхъ
 неправедному умершвленію, и душу
 твою избавишь отъ оболщенія сихъ
 ненасытимыхъ Гарпій, такъ вѣдай,
 Государь, чпо божескій гласъ изо-
 бличаетъ въ умершвленіи швоего
 любезнаго сына , и въ похищеніи
 прекраснаго его супруги , гнуснаго
 чародѣя Феѳопа, лютаго и коварна-
 го Карачуна ; а въ яснѣйшее дока-
 зательство моихъ словъ прочти за-
 главныя буквы прорѣченныхъ семи
 строкъ

строкъ боговѣщающемъ , которыя изображаютъ точно имя Карачуна.

Пораженный истинною сихъ словъ Индѣйскій Государь, и проклятымъ коварствомъ своего первосвященника, и его сообщниковъ , обратился къ нимъ, чѣмъ изпробовашь отъ нихъ оправданія въ семъ ясномъ на нихъ доказапльствѣ , но уже болѣе не увидѣлъ изъ нихъ никого. Сїи злодѣи почувствуя всю опасность, какою угрожала имъ Свѣтлосанова рѣчь, ушли тайно другъ за другомъ изъ дворца, дабы не подвергнуться въ шужь минушу раздраженному правосудію , и предупредили оное новыми коварствами. Ошбытіе ихъ открыло наиболѣе глаза Императору , и увѣрило его объ истиннѣ проклятаго ихъ злочестія. Воспылалъ онъ гнѣвомъ , и повелѣлъ въ шужь минушу начальнику своея спражи , забрать подъ караулъ первосвященника и сообщниковъ его. Злодѣи ! вскричалъ онъ по семъ , они не довольны были умерщвленіемъ толкаго числа неповинныхъ, но хотѣли еще, продо-

Часть II. Г л ж а я

лжая мое ослѣпленіе, пожертвовать своему неисповсѣду и сего премудраго иностранца, безъ спасительнаго увѣдомленія коего не престалъ бы я никогда обагрять моего скипетра неповинною кровію, и учинять моего царствованія примѣромъ наилютѣйшаго тиранства.

По семъ восклицаніи обратился онъ къ Свѣтлосану, и благодаря ему наичувствительнѣйшимъ образомъ за истолкованіе толкихъ важностей, просилъ его объявить, кому онъ одолженъ столь великимъ благодѣяніемъ. Когдажъ Славенскій Князь объявилъ ему, что онъ родомъ и саномъ ему равенъ, тогда Моголь въ пущее пришелъ воспаленіе прошиву нечесливыхъ своихъ жрецовъ, описавшихъ ему Свѣтлосана самымъ злочесливѣйшимъ человекомъ, и старавшихся его увѣрить, что онъ учинилъ самое богоугоднѣйшее дѣло, ежели повелитъ умертвить сего иностранца мучительнѣйшимъ образомъ. О какъ несчастливъ Государь, возопилъ онъ, окруженный толками чудовищами: Проси мнѣ, знаменитый Князь,
говоришь

говори́лъ онъ обратяся къ Свѣшлосану, варварство, къ которому привели меня сіи злочестивцы; я помщуся его омышь пролишемъ всей ихъ крови.

Такъ говоря, старался онъ оправдать себя передъ Славенскимъ Княземъ, и учтивостями, оказуемыми Славянамъ, загладишь несправедливость поступка противу иностранныхъ. А къ совершенію доказательства своея невинности, и истиннаго раскаянія, повелѣлъ сей день включишь въ число торжественныхъ, и праздновать его повсягодно. Между шѣмъ, желая наградишь причиненную Славянамъ досаду веселіемъ, приказалъ учредитъ въ тотъ день великій пиръ, къ которому приглашены были всѣ знашныя вельможи его двора. Во время сего, пиршествва, Моголь говоря непрестанно съ Свѣшлосаномъ, просилъ его пакы разсказашъ свою исторію обстоятельнѣе, въ разсужденіи его путешествовїя въ Индію. Славенскій Князь во всемъ его удовольствовалъ, разсказавъ ему подробно всѣ обстоятельствова своей жизни, похищеніе

сестры своей и зятя , и ужасныя злодѣйства малорослаго чародѣя.

Императоръ весьма былъ удовле-
творенъ его повѣствованіемъ , и
воспоималъ къ нему часъ оцъ часу
наиболѣе любви и почтенія. А въ
доказательство своея къ нему пріяз-
ни , повелѣлъ принести богатые и
великолѣпныя дары для Свѣтлосана
и для спутниковъ его ; однакожь
сей Князь оцъ нихъ отрекся учти-
вымъ образомъ , представляя Абу-
бекиру, что въ разсужденіи его пу-
тешествія будутъ они для него
отягощительны. Во время препира-
нія ихъ о семъ , донесли Моголу ,
что первосвященникъ и сообщ-
ники его не повинуются его указу ,
и сверхъ того возмущаютъ на него
народъ ; и что уже великая онаго
чася приведены ими къ бунтованію.
Сіе объявленіе привело Императора
въ великую ярость на первосвящен-
ника. Неблагодарный и дерзновенный
рабъ ! возопилъ онъ : вотъ какъ онъ
плашилъ мнѣ за неизсчешныя мои
къ нему щедроты ! Но сіе его зло-
дѣйство не останется безъ наказа-
нія, я вскорѣ заставлю его раскаять-
ся въ семъ беззаконіи. Силосханъ ,
про-

продолжалъ онъ говорить обра-
 тясь къ страженачальнику , сей-
 часъ вооружи всѣхъ моихъ шло-
 хранишелей. и вѣрныхъ мнѣ Распу-
 товъ , и накажи немѣленно без-
 умную чернь , дерзнувшую на меня
 воспастъ; а невѣрныхъ жрецовъ пош-
 щися поймавъ живыхъ. Я хочу каз-
 нію ихъ показать примѣръ муче-
 ніемъ, каковымъ должны предаваться
 таковыя измѣнники , дерзающіе воз-
 спастъ на Государя своего.

Силостанъ со щаніемъ повинно-
 вался повелѣнію Могола , и ошбылъ
 произвеша онсе въ дѣйство; а Ин-
 дійскій Владѣтель говорилъ такъ ,
 обратясь къ Свѣтлосану: Ты не по-
 вѣришь, любезный мой госпъ, коль
 велики были мои благодѣянія къ
 сему невѣрному жрецу , и коль без-
 мѣрна его ко мнѣ неблагодарность,
 сіе ты видишь теперь самъ. Онъ
 былъ бѣдный ученикъ, и понравился
 мнѣ способомъ своего краснорѣчія ,
 кое имѣетъ онъ довольно въ наро-
 чистомъ степени. Сіе побудило меня
 возвестъ его въ нѣкошорый духо-
 ный санъ , и отверстъ ему мои ми-
 лости , копорья на послѣдокъ от-
 крыли ему путь къ первосвященни-
 чесству.

честиву. Обманчивое его краснорѣчіе извлекало ему повседневно мои благодаренія ; однакожъ я и во время оныхъ примѣчалъ въ немъ не рѣдко вредное сердце , въ которомъ царствовали власполюбіе и корысть. По благости моей къ нему . не старался я выводить слѣдствій изъ сихъ моихъ примѣчаній, хотя иногда и доходили до меня жалобы на чрезмѣрную его жадность къ любимѣннѣю и власти. Лукавое его краснорѣчіе всегда нешорвало сего лицемѣра отъ моего правосудія. И могу сказать , что при всѣхъ его злыхъ намѣреніяхъ , онъ бы еще и нынѣ пользовался моими щедротами, если бы его коварство въ разсужденіи иноспранцовъ, и шеперинное его бунтованіе не открыли мнѣ ясно , что онъ злодѣй спремящійся похищитъ моеище быль вънецъ мой.

Едва успѣлъ онъ окончать послѣднія сіи слова , какъ шумъ поражающихъ и поражаемыхъ. возбудилъ во всѣхъ вниманіе , и принудилъ обратиться туда , откуда оный происходилъ. Они увидѣли въ окна, которыя

которыя были на площадь, окружающую дворец, что народъ въ ярости гналъ и побивалъ спражу, посланную отъ Императора на утишение бунта. Первосвященникъ и сообщники его сидя на коняхъ, держали священныя знамена, и побуждали неисповящуюся чернь къ кровопролитію. Сіе ужасное зрѣлище привело Абубекира, и всѣхъ его придворныхъ, въ великое удивленіе. Ну! вскричалъ онъ, теперь мы погибли! Любимый жрецъ достигъ до желанія своего; теперь я вижу ясно, что онъ предпріялъ похищеніе у меня жизнь мою и вѣнецъ. Спасайся любезный мой Князь, сказалъ онъ по томъ съ торопосшію Свѣтлосану, пускай я одинъ погибну; а ты не долженъ принять участія въ неблагополучіи моемъ. Проговоря сѣ, приказалъ онъ принести себѣ отраву и вооруженіе, чтобъ употребить къ своему спасенію по или другое, смотря по обстоятельствамъ. Постой! вскричалъ къ нему тогда Свѣтлосанъ: Владѣтелю не отравою надлежитъ оканчивать жизнь свою, и не унывать во крайности, такъ

такъ какъ не подвергать себя превращеніямъ во благополучіи. Пребудь въ чертогахъ сихъ, Государь! продолжалъ онъ ему говорить; мы одни сего возмущенія причиною, такъ мы его и окончашь должны ствуемъ. Проговоря сіе, повелѣлъ онъ Бориполку и Русу слѣдовать за собою

Какъ пущенная стрѣла изъ лука, сильною рукою, не находящъ себѣ препонъ въ теченіи своемъ, таковъ былъ Славенскій Князь по изшествіи своемъ изъ чертоговъ: бросясь въ кучу яростныхъ черви, ошановилъ пошчасъ ея стремленіе; и куда ни простиралъ свои снопы, всюду отверзалъ себѣ проспранный путь. Вскорѣ дошелъ онъ до буншующаго первосвященника, копорый, при видѣ пламенныхъ его очей, запряся и поблѣднѣлъ. Помогите! возопилъ онъ къ народу: вопль сей волхвъ прельснившей Императора, и желающей воцариться надъ нами. А! Бездѣльникъ! вскричалъ ему Свѣтлосанъ: я познаю швое коарство; но оно послѣднее въ жизни швоей будешь; сей же мигъ освободишься

бодится Индія отъ заражающаго
ее чудовища , и опустошающаго
вселенную! Проговоря сіе бросил-
ся онъ на трепещущаго жреца , и
пересѣкъ его наполю. Ну , Индіяне!
вскричалъ онъ по семъ громогласно:
Тираниъ возмущавшій спокойствіе
ваше уже погибъ , а вы воспользуй-
тесь его погибѣлью , и возвратитесь
къ должности вашей и повиновенію,
которыя обязаны вы великому Мо-
голу. Чтожъ касается до меня , я
не вохвъ , шакъ какъ видно облы-
галъ меня предъ вами коварный сей
жрецъ , и ни мало ни чѣмъ не прель-
щалъ Императора ; но только из-
толковалъ ему пророчество , глася-
щее о Селинѣ и Черданѣ , и до-
казалъ ему ясно , что сей злопво-
рецъ естъ гнусный Еѳіопъ Кара-
чунъ , похищенный и у меча сеспру
и зяпя. А сей коварный перзосвя-
щенникъ обнесъ мня вамъ , и ис-
калъ моей смерти для того , что я
изпоргъ изъ несмыныхъ его челю-
стей нечовинныхъ иностранцовъ ,
которыя онъ предавалъ напрасно
огню , а имѣнѣмъ ихъ беззобѣстно
наполнялъ свои сокровища , и дѣ-
 Часть II. Д лился

лился съ сообщниками своими. Онъ увидя, что великій Моголь ясно разобралъ нашу неповинность, а его коварство, ушелъ тайно изъ дворца съ своими соумышленниками; и опасаяся себѣ достойнаго наказанія, возмушилъ вашу прошиву меня храбросшь симъ нелѣпымъ обманомъ, дабы шѣмъ избышь своей казни. А хочу ли я надъ вами царствовать, шакъ какъ онъ спарался васъ въ семъ увѣришь, ешо вы шеперь видите: ибо, поражая сего беззаконника, не себѣ я васъ покоряю, но законному вашему Государю. Впрочемъ же, хстя бы вы сами пожелали воцарить меня надъ вами, шо и тогда бы я не согласился; ибо великіе Боги не проспымъ челоукомъ на свѣтѣ меня произвели, но сыномъ сильнаго владѣтеля надъ храбрыми Славянами. А въ доказательство испинныи моихъ словъ, допросите сихъ бездѣльниковъ, говорилъ онъ указывая на жрецовъ; они вамъ ясно обьявятъ все свое злодѣйство, и первоначальника своего.

Во время сея рѣчи народъ внималъ его спокойно, и будучи пораженъ

женъ его видомъ , храбростію , и испинною его словъ , весьма удобно преклонился къ вѣрояшїю , и бросился на жрецовъ , которые хотѣли было предаться бѣгству. Индіяне поймавъ ихъ всѣхъ привели предъ Свѣшлосана , и принуждали ихъ признаться въ ихъ грѣхѣ , въ которомъ обличалъ ихъ Славенскій Князь. Успрашенные и перзаемые совѣсшїю жрецы не долго колебались въ семъ ; но бросясь на колѣни предъ Княземъ и народомъ , признались во всемъ , въ чемъ ихъ Свѣшлосанъ ни обличалъ ; и только просили себѣ единого помилованїя жизни. Но народъ , раздраженный ихъ злодѣйствами , и тѣмъ , что они его прельстили возбунповать противу Могола , бросился на нихъ съ осперверѣніемъ , и разперзалъ ихъ въ мѣлкія части.

Но семъ кровопролитномъ дѣйствїи , возгласили Индіяне : да здравствуетъ нашъ великій Моголъ , и да живетъ неисчепныя лѣта ! Славенскій Князь , обрадованный польскорымъ ушпенїемъ бунпованїя , похвалялъ чернь , что она поль скоро вышла изъ заблужденїя своего , и

обратилась къ должности. Народъ съ своей стороны благодарилъ его , что онъ разрѣшилъ его ослѣпленіе, и наказалъ причинителя всего сего смятенія; при чемъ просилъ униженно Свѣтлосана , дабы онъ предстательствовалъ за него у великаго Могола , что онъ ему охотно и обѣщаль , обнадеживая его государскою милостію. Также присовокупилъ къ сему увѣщаніе , чтобъ впредь остерегалися Индіяне отъ подобныхъ возмущеній , и пребыли непоколебимы въ вѣрности своему Государю.

Прельщенный храбростію и разумомъ его народъ , препроводилъ со плесканіемъ и похвалами до Императорскаго дворца , и остановился предъ онымъ , ожидая себѣ отъ Могола милости или казни. Между тѣмъ Свѣтлосанъ , послѣдуемый своими сопутниками , и лучшими Индіянами , пошелъ во дворецъ , на крыльцѣ коего стоялъ уже Моголъ , дабы воспользоваться побѣдителя. Какъ скоро увидѣлъ онъ Свѣтлосана , бросился въ его объятія , и проливая радосныя слезы , возопилъ къ нему : Непобѣдимый за-
щип-

щипникъ мой ! чѣмъ воздамъ тебѣ за великую твою мнѣ услугу ? и какими похвалами возвелнчу шебя за высокіе твои подвиги ? Царства моего тебѣ мало ; ибо я не шокмо его, но и жизнь мою отъ тебя нынѣ получаю. Развѣ назову шебя поспаросши лѣтъ моихъ сыномъ ; но и симъ не тебѣ , а себѣ учиню я славу. По шоль знаменипыхъ твоихъ подвигахъ оспашенся мнѣ единое сіе , чшобъ соорудя тебѣ жершвенникъ, воскуришь на немъ Фиміамъ , яко Божеству спасшему прешоль и жизнь мою. Государь : оспѣшсвовалъ ему целомудренно Свѣшлосанъ : не мнѣ приписуй славу за усмиреніе бунтующихъ твоихъ подданныхъ , но Богамъ дѣшсшовавшимъ моею рукою. О добродѣшельная душа ! возопилъ Императоръ въ восхищеніи : не ложно я сказалъ, чшо ты болѣе царства моего спощишь ; но ради Боговъ продолжи благодѣанія твои ко мнѣ : и хощя изъ единыя милости , удостой меня называться твоимъ опцемъ , и имѣшь честь оспавишь тебѣ мой престоль.

При семъ словѣ восплескалъ весь народъ, и бросясь на колѣни вопіялъ: да здравствуетъ нашъ юный Моголь Свѣплосанъ, и да живетъ къ благоденствію нашему многія лѣта! Услышавъ сіе Абубекиръ продолжалъ говорить съ пріязнію Славенскому Князю: ты слышишь гласъ народа: онъ есть гласъ Божій, преклонися копя безсчетными его желаніями, и воцарися со мною. Я знаю, что ты великодушенъ, и не захочешь лишитъ моего сына его наслѣдія; но можетъ быть судьба на вѣки его отъ меня похищала; а ежели по счастію моему возвратишся онъ къ жизни, то онъ и шѣмъ весьма доволенъ будетъ, когда ты возвратишь ему половину моего царства, и будешь ему вмѣсто отца защищающа и наставляюща его какъ сына. Во время сего предложенія Свѣплосанъ стоялъ смиренно, пошупя въ землю свои очи; по окончаніи жъ Абубекиромъ рѣчи, отвѣщивовалъ ему такъ: Желаніе швое и народа швоего, Государь, дѣлаютъ мнѣ болѣе чеспи, нежели споятъ мои дѣла; ибо я уже тебѣ объявилъ, что усмиреніе

у смиреніе буншующихъ не моею силою учинено, но промысломъ все-
 сильныхъ; и пакъ всѣ похвалы за
 сіе принадлежатъ имъ, а не мнѣ.
 А за доброжеланія твои, и твоего
 народа ко мнѣ, пощуся я во всю
 мою жизнь воздавать всѣмъ тѣмъ,
 чѣмъ силы мои мнѣ дозволятъ. Но
 Скипетра твоего себѣ я не желаю:
 хотя земля твоя великолѣпствуетъ
 всѣми щедротами природы, а мое
 наслѣдіе отдано въ жертву жесто-
 кимъ хладамъ; но оно мнѣ пріят-
 нѣе всякія снраны. Весьма я счастли-
 вѣ буду, когда научуся и онымъ
 управлять достойно. И пакъ, Го-
 сударь, собрегай великолѣпную сію
 снрану любезному твоему сыну,
 котораго Боги конечно тебѣ воз-
 вращатъ; а премудрость твоя на-
 спавитъ его, какъ оною правитъ.

Сіе безкорыстіе наипаче восхи-
 тило Индіянъ, которые услышавъ
 его отрицаніе, наиболѣе воспламе-
 нилися желаніемъ имѣть его своимъ
 Государемъ. Абубекиръ равномѣрныя
 имѣлъ съ народомъ мысли, и не оп-
 сшупно просилъ Свѣтлосана, чтобъ
 онъ, хотя до оживленія его сына

пробылъ въ Индіи, и царствовалъ съ нимъ совокупно. Но Славенскій Князь прошивополагалъ ему на по непреоборимый свой долгъ, искалъ сестру и зятя. Сими и прочими убѣжденіями, склонилъ онъ на конецъ Могола согласишься на его отбѣздъ; но чернь, будучи во всемъ пристрастнѣе и неразумнѣе просвѣщенныхъ умовъ, и во всемъ чрезвычайна, вопіяла Императору, что она откажется отъ повиновенія ему, ежели онъ отпустилъ Славенскаго Князя, и не воцаритъ съ собою; а Свѣшлосана убѣждала шѣмъ, что ежели онъ не склонится добровольно на желаніе народа, то не выпускаетъ его изъ Государства, и приставяетъ къ нему спражу.

Сіе обспоятельство смутило Абубекира и Свѣшлосана: первый принужденъ былъ убѣждать другаго воцариться, а другой уговаривать народъ, который однакожь на всѣ его разсмотрѣнія былъ не преклоненъ. Сіе принудило Славенскаго Князя склониться на то припворно, не возмогая инако отъ него освободиться. Соизволѣніе его исполнило

полнило всѣхъ радостію: всѣ пали предъ нимъ на землю, принося ему шьмы благодареній, и возсылая за него Богамъ неизсчепныя моленія. По семъ всякой изъ на рода пошелъ въ свой домъ, дабы провести тотъ день съ домашними и пріятелями своими въ веселіи и пированіи, обѣщавая себѣ напередъ благоденствіе подъ обласнію добродѣтельнаго сего Князя. Но придворному празднеству ни что не могло сравниться: подобнаго великолѣпія и веселія никто изъ Индіянъ два раза въ жизни свсей не видывалъ; ибо оно походило не на человѣческое, но на волшебное. Всѣ гельможи и знатное дворянство имѣли въ немъ участіе. Продолжалось оно до самой почти утренней зари, и кончилось попому только, что уже пиршествующіе не въ силахъ были вкушать онаго веселія.

Во время сего пира Славяне, по приказанію Свѣтлосанову, старались во всемъ наблюдать умѣренность; и когда отбывъ прочія гости, предались сну, тогда они, переодѣвшись въ Индійское платье, которое

которое нарочно для того заготовили, вышли вонъ изъ города, не будучи ни отъ кого примѣченны въ намѣреніи своемъ. Но бывъ пѣшіе не далеко бы могли они уйти, ежели бы по счастію ихъ не попался имъ купецъ торгующей конями, коихъ онъ велъ въ городъ для продажи. Славяне купивъ ихъ потчасъ, пустились отъ столицы по проселочной дорогѣ, дабы въ случаѣ погони не быть паки возвращеннымъ въ городъ.

Путешествіе ихъ нѣскольکو дней было нарочито спокойно. Они уже не весьма далеко были отъ Персидскихъ предѣловъ, какъ остановило ихъ путь слѣдующее приключеніе. Подвѣжжая къ пространному лѣсу, увидѣли они надъ онымъ летающаго ворона, который, какъ скоро ихъ увидѣлъ, то и усстремился къ нимъ лепѣшь, каркая припомъ непрестанно: а полетавъ около ихъ нѣкоторое время, возвратился опять на поверхность лѣса. Путешественники нѣскольکو были симъ удивлены, однакожъ не остановили своего пути, и продолжали оной. Но
какъ

какъ скоро поровнялись съ лѣсомъ, то воронъ паки къ нимъ возвратился, каркая изо всей силы, и летая около Славянъ, дѣлалъ такіе повороты, которыми нѣчто спарался дать знать, и послѣ опять полетѣлъ отъ нихъ въ лѣсъ. Славяне пришедъ отъ сего въ большее удивленіе, начали разсуждать о семъ приключеніи, продолжая однакожъ свой путь. Примѣня сіе воронъ опять къ нимъ возвратился, и уже не только леталъ вокругъ нихъ, но подлетая къ нимъ щипалъ ихъ за платье, и спарался нѣкакъ дать имъ знать, чибѣ они возвратились по его слѣдамъ. Свѣтлосанъ понялъ, что скрывается путь нѣкая шайность, и что пища желаетъ ихъ возвратитъ въ лѣсъ: онъ сообщилъ о томъ свои мысли спутникамъ своимъ, которые охотно согласились увидѣвъ окончаніе сего приключенія.

Какъ скоро воронъ понялъ ихъ желаніе, то и полетѣлъ пошухоньку предъ ними: Славяне послѣдовали за нимъ, и вѣхали въ лѣсъ по небольшой тропинкѣ. Не долго слѣдовали

довали они за нимъ въ густошу лѣса, какъ усмотрѣли вдали привязаннаго къ дереву человѣка. Вскрикнувъ въ самое это время закаркалъ, и обращаясь по къ Славянамъ, по къ привязанному человѣку, вдругъ повалился съ воздуха на землю, какъ бы такое живошное, которое не имѣетъ крыльевъ; и когда путешественники ожидали съ паденіемъ его убою, тогда пища упавъ на землю превратилась въ зайца, и тотчасъ отъ нихъ сокрылась.

Сіе приключеніе въ большее привело ихъ удивленіе, и когда они находились отъ сего почти въ недоумѣніи, тогда привязанный къ дереву человѣкъ вскричалъ къ нимъ: Помогите несчастному, великодушные незнакомцы! Славяне возбужденные его прозьбою, немедленно побѣжали къ нему, дабы избавить его отъ узъ. Какъ скоро Свѣтлосанъ поближе къ нему подвѣхалъ, то и узналъ въ немъ того Древлянскаго Князя, который подарилъ ему золотую стрѣлу, принадлежащую Видоспану. Онъ слезъ тотчасъ съ своего коня, и отвязывая его сказалъ

залъ ему: Я очень радъ , любезный мой Князь, что нашолъ случай опслужить тебѣ нѣскольکو за твой подарокъ. Удивленный Древянинъ сими словами, осмапривалъ жадно Свѣплосана, и самъ позналъ его вскорѣ. Ахъ, государь ! вскричалъ онъ, будучи уже опвязанъ , и обнимая Свѣплосана : подарокъ мой гораздо меньше теперешняго твоего благодаренія. Никакъ , отвѣтствовалъ другой, я избавилъ тебя одного , а спрѣла твоя двоимъ возвратила свободу, и снискала мнѣ такія свѣдѣнія, какихъ бы я никогда безъ нее не получилъ. Но прежде нежели узнаешь ты отъ меня о семъ , оставимъ поскорѣ сѣи мѣста , кощрые жизни твоей были толь опасны. Борьполкъ, сказалъ онъ потомъ своему оруженосцу, отдай ему твоего коня , а ты можешь вхатъ съ Русомъ вмѣстѣ , пока попадешся намъ и для себя купишь коня. Оруженосецъ исполнилъ его приказаніе, а Свѣплосанъ просилъ Древянина сѣсть га оставленнаго ему коня : послѣ чего оставили они немѣдленно лѣсъ , и пустились по той

той

той дорогѣ , которая вела ихъ къ Персіи. Во время пуши Славенскій Князь, желая узнать о всѣхъ приключеніяхъ Древлянина, просилъ его, рассказать подробно свою исторію, къ чему и прочіе присвокупили свои прозбы. Древлянскій Князь помолчавъ не много и воздохнувъ , началъ такъ свою повѣсть.

* * *

ИСТОРИЯ ОСТАНОВА.

Начало печальнаго моего жизни бы довольно вѣдаешь , Государь , говорилъ онъ Свѣтлосану ; но сіи господа можетъ быть о томъ не знаютъ, чего ради и начну ее съ самаго ея произхожденія. Я называюсь Оспанъ, продолжалъ онъ , и произхожу изъ древняго поколѣнія Древлянскихъ Князей , копорыхъ Княжество находишея въ Черзонной Россіи между Днѣпромъ и Припятью, проспіранными водою рѣками. Я родился отъ послѣдняго Князя нашего рода, именемъ Люб слава; и едва я увидѣлъ свѣтъ, какъ смерть моя матери , приключившаяся ей
отъ

отъ моихъ родовъ, возвѣстила мнѣ несчастную жизнь, на которую сужденъ я рокомъ. Родитель мой любя сою супругу весьма несказанно, вскорѣ за нею послѣдовалъ, препоруча меня въ опеку ближнему своему боярину, отъ котораго все несчастіе моей жизни успроилось.

Обыкновенно неблагодарность не исповсвуетъ наиболѣе тогда, когда присовокупляется къ ней любовчестіе и корысть. Сей вельможка именемъ и нравами Презоль, пользовавшейся паче всѣхъ милостями моего родителя, и снискавшій ласкашельствами своими его довѣренность, употребилъ ее во зло, пріязв по немъ во власть правленіе Княжества, и позабылъ вскорѣ чѣмъ онъ былъ долженъ сыну своего благодѣтеля и Государя. Сіяніе вѣнца ослѣпило его очи; онъ предпріялъ не токмо лишить меня онаго, но даже опнять у меня и жизнь мою, чтобъ безопаснѣе пошомъ воспользоваться плодомъ своего злодѣйства. Въ сѣдствіе адскаго сего предпріятія началъ онъ истреблять подъ разными подлогами пріятелей

пріятелей нашего дома , а своихъ ласкашелей и любимцовъ возвышашъ на ихъ мѣста, отдавая имъ всю власть въ государствѣ. На послѣдокъ укрѣпясь такимъ образомъ на престолѣ, повелѣлъ меня, еще младенца бывша, оправнѣть тайно ядомъ. Но кормилица моя , узнавъ о семъ варварскомъ намѣреніи , и будучи вѣрна родителю моему и по смерти его , возгнушалася неслыханнымъ симъ злодѣйствомъ, презирая и обѣщанное ей за сіе великое награжденіе, и опнесла меня тайно къ Славомыслу , Чернобогову первосвященнику, кошорый равномѣрно сохранялъ великое усердіе къ нашему дому.

Сей добродѣтельный мужъ скрылъ меня и съ кормилицею моею въ шайникѣ Чернобогова храма , куда никто кромѣ его и спараго его служилея не ходилъ , и гдѣ сей первосвященникъ получалъ вдохновенія и пророчества отъ сего Боже-сипва. Въ семъ жилищѣ пробылъ я до пятнадцати лѣтъ моего возраста , въ кошорыя Славомыслъ сивался научить меня всему тому , что можеть челобѣка моего состоянія просвѣ-

просвѣтити и наставити въ добродѣтели. Въ должности сей могъ онъ успѣшь шѣмъ наипаче, что самъ бы въ весьма ученъ, чѣмъ и снискалъ себѣ санъ первосвященничества. По вспупленіи моемъ на шестнадцатый годъ, вѣрна я моя кормилица умерла, а за нею вскорѣ и первосвященникъ скончался. Тогда шо прямо оснался я несчастнымъ человекомъ, о коемъ ни солнце ни земля не вѣдали.

Передъ смертію своею первосвященникъ открылъ мнѣ родъ и санъ мой, и всѣ мои несчастія, надѣясь симъ возбудити во мнѣ ревность ко благочестію и добродѣтели. Сими одними средствами, говорилъ онъ мнѣ, можешь ты возвратити себѣ погибшій твой престолъ; благочестіемъ твоимъ Боги, а добродѣтелию человекѣки подвигнутся къ тебѣ на сожалѣніе; спарайся обѣ нихъ паче и жизни твоея, ибо ежели и жизнь твоя для нихъ прекратится, то земныя твои имѣнія останутся долу, а душевныя вознесутся съ тобою горе. Но прежде нежели, продолжалъ онъ, отыду я къ праотцамъ моимъ, хочу тебя наградити наслѣдіемъ

Часть II. Е отцевъ

отцевъ моихъ , такъ какъ сына и
 припомца моего , ибо кромѣ тебя
 нѣтъ по мнѣ наслѣдника. Желая
 только того , чтобъ сіе наслѣдіе
 употреблялъ ты во благо , а не
 во зло , и воспасеніе твоея жизни ,
 такъ какъ употребляли отцы мои ,
 и тому же и меня научили. А тебѣ
 оно будетъ потребнѣе насъ всѣхъ :
 ты имѣешь себѣ врагомъ сѣдящаго
 здѣсь на престолахъ , который не пре-
 минешь искать твоея смерти , когда
 узнаетъ тебя жива. Сего ради совѣ-
 стную тебѣ по смерти моей удалитъ-
 ся изъ отечества твоего , и просвѣ-
 щать твой разумъ познаніями свѣ-
 та , пока Боги , по усмотрѣніи въ
 тебѣ достойнаго Вѣнценосца , со-
 благоволяшь возвратишь тебѣ пре-
 столь твоихъ предковъ. Сіе вѣщаю
 я тебѣ , примолвль онъ , по повелѣ-
 нію самихъ Боговъ ,

Сказавъ сіе , взялъ онъ меня за
 руку , и повелъ во свящилищѣ хра-
 ма : оное было чешвероугольно , соо-
 ружено изъ чернаго мрамора , на
 стѣнахъ онаго изображены были
 всякаго рода мученія и казни , коимъ
 подвергающся во адѣ беззаконники.

По срединѣ святилища стояхъ на мѣдчомъ подножіи Чернобоговъ кумиръ, сотворенный изъ Гебеноваго дерева, глава его была злапая, украшена алмазнымъ вѣнцемъ: онъ былъ препоясанъ змією, и покровенъ черною епанчею съ пламенными пятнами, лице имѣхъ свирѣпое, и грозящее казню; въ правой рукѣ держалъ мечъ и скорпію, а въ лѣвой вѣсы; десною ногою попирахъ увѣчанную голову зіяющую пламенемъ; а шуею городскую спѣху, усыпанную деньгами.

Вошедъ во святилищѣ Славомыслѣ, просперся предъ кумиромъ, чѣму и я послѣдовахъ; попомъ прочия пошихоньку молиху, ошперъ онъ пошпенную дверь у подножіи Божескаго испукана, и выняхъ оштуда Сандали (*) и кошелекъ съ деньгами. Во в насѣдїе моихъ праотцовъ, сказалъ онъ обращахъ ко мнѣ, прїйми его, и упошребляй въ единыхъ нуждахъ могущахъ шебѣ случилхся; сїи Сандали имѣютъ силу носилъ

Е 2

человѣка

(*) родъ старинной обуви, упошреблявшейся на Востокѣ.

человѣка по водамъ и воздуху, а кошелекъ сей хотя не много содержишь въ себѣ злапницъ, однакожь во вѣки не будешь испощимъ, ежели ты будешь изъ него брать на единыя свои нужды, и на вспомошествованіе немощныхъ и страждущихъ несправинно. Храни сїи вещи и не вѣрай ихъ никому, ни же повѣдай. По семъ обращаю къ Чернобогу, простерся предъ него паки, и вставъ на колѣни, что и мнѣ также повелѣлъ учинишь, возгласилъ къ нему: Мстительное и защитительное Божество! призри на сего знаменитаго сироту; споборствуй ему, ежели будешь онъ добродѣтеленъ, и накажи его, ежели онъ порокамъ предастся, и наслѣдіе сіе спанешь употребляшь во зло.

Такимъ образомъ добродѣтельный сей мужъ, вручилъ мнѣ лежающіе Сандали, и неизпощимый кошелекъ, опшелъ меня паки въ прежнее мое жилище. Вскорѣ послѣ сего онъ скончался: о семъ увѣдомилъ меня старшій его служитель, который, какъ я уже объявилъ, о тайнѣ нашей вѣдалъ, и приносилъ мнѣ

мнѣ пищу. Сіе печальное извѣстіе
 ввергнуло меня въ неизреченную го-
 рещь и недоумѣніе: я не зналъ, что
 мнѣ съ собой начать, и какимъ об-
 разомъ явисься свѣшу, коего я не
 зналъ. Сіе мое недоумѣніе открылъ
 я сему усердному служителью,
 который, сообразуясь съ увѣща-
 ніями моего благодѣтеля, совѣто-
 валъ мнѣ удалиться поскорѣе въ
 другія Славенскія Области, и пу-
 шественствовать по онымъ, сколько
 для наученія моего, столько и для
 сокрытія себя отъ измѣнника похи-
 щившаго мой престолъ, пока мило-
 сердные Боги не возвратятъ мнѣ она-
 го. Я охотно послѣдовалъ его мнѣ-
 нію, и просилъ его сошварившество-
 вать мнѣ въ семъ моемъ странство-
 ваніи, на что Добрыня, ибо такъ
 онъ назывался, охотно и согласился.

Такимъ образомъ положи на мѣ-
 рѣ наше путешествіе, опредѣлили
 мы выйти ночью изъ храма и Искоре-
 спа (*), столицы нашего Княжест-
 ва. Произведеніе сего предпріятія

Е 3

благо-

(*) сей городъ называется также Ко-
 росшенемъ въ лѣтш. преп. Нест.

благополучно было окончано : вы-
 шедъ въ рощу окружающую сей
 городъ , разсуждали мы, въ кото-
 рую спорочу преждѣ всего намъ
 ошправиться. Разговаривая о семъ
 пришли мы въ средину сея рощи,
 освѣщаемой погда сіяніемъ луны;
 помощію сего свѣта увидѣлъ я нѣ-
 сколько стоящихъ шупъ столповъ,
 изъ дикаго камня, весьма искусно
 сооруженныхъ, и на оныхъ постав-
 ленныя сосуды изъ чорнаго мрамора.
 Остановимся здѣсь , государь , ска-
 залъ мнѣ Добрыня ; на сихъ стол-
 пахъ опочивають прахи твоихъ
 родителей, я нарочно привелъ тебя
 сюда , дабы ты, преждѣ ошпешствія
 своего изъ сея справы , простился
 съ ними, и воздалъ имъ поклоненіе,
 когда уже не можешь имъ ошпра-
 вить Тризны. Я палъ на колѣни, и
 вмѣсто воспоминаенія принесъ имъ
 жалобы и слезы. По довольномъ
 моемъ предъ нимн сѣпованіи , прѣ-
 провожавшій меня Добрыня, совѣшо-
 валъ мнѣ оставить сіе мѣсто , и
 искашь убѣжища до восхожденія
 Зимцерлы Во время пущи сопуп-
 никъ мой спарался меня развесе-
лишь,

литъ, разсказывая мнѣ о приключе-
 ніяхъ своей жизни, которыя состо-
 яли въ томъ, что онъ въ молодости
 своей учился вмѣстѣ съ покойнымъ
 первосвященникомъ, которому попра-
 вясь, и будучи бѣднымъ человѣкомъ
 и сиротою, согласился всю жизнь
 препроводить при немъ: и по сей
 причинѣ жилъ всегда въ его домѣ
 не такъ какъ служитель но какъ
 домашній. При семъ также объявилъ
 мнѣ онъ и о другихъ обстоятель-
 ствахъ своей жизни, которыя доволь-
 но означали грубость и звѣрство
 Древлянъ, и ихъ сосѣдей. Обычай
 сожигать усопшихъ тѣла, и прахъ
 ихъ полагая въ сосуды, ставить на
 столпахъ при большихъ дорогахъ,
 и вмѣсто порядочнаго бракосоче-
 нія хватать дѣвицъ у водъ, и имѣть
 оныхъ себѣ вмѣсто женъ, переняли
 Доевляне, по сказкамъ его, отъ
 сосѣдей своихъ Радимичей, Криви-
 чей, Вяшичей и Сѣверянъ.

Такимъ образомъ повѣствуя мнѣ
 о нравахъ Древлянъ, старался онъ
 уклоняться отъ Искореспа въ сто-
 рону, и при восходѣ за онъ привелъ
 меня въ небольшую деревню, въ ко-
 торой

порой мы отдохнувъ , и купя себѣ коней пустились въ путь. Добрыня совѣщовалъ мнѣ преждѣ всего ѣхать въ Область Дулебовъ и Бужанъ , у коихъ во ісправѣ было славное пророчество, зовомое Золопою Бабою. Сіе поорицающе Божество, говорилъ онъ мнѣ, должно тебѣ спросишь о успѣхѣ нашего путешествія и о будущей твоей судьбѣ. Я охотно послѣдовалъ сему его совѣшу, желая узнать о себѣ предбудущее, къ чему всѣ почти приспраспны челоуѣки.

И такъ направляя путь нашъ въ сію страну, черезъ нѣскольکو дней прибыли мы въ нее; и еще издалече уридѣли мы въ оной спсаящій великолѣпный храмъ Золопья Бабы, сооруженный изъ чистаго бѣлаго мрамора, и обнесенный такою же оградю. Чѣмъ ближе подѣвжжали мы къ сему храму , тѣмъ болѣе увеличивалось его великолѣпіе въ нашихъ глазахъ. Ограда онаго содержала въ себѣ покойныя и пріятно разположенныя жилища для жрецовъ сего Божества: по обѣимъ сторонамъ воротъ построены были гостиницы для прѣвжжающихъ , изобилующія
всѣмъ

всѣмъ шѣмъ , что къ пропитанію , одеждѣ , и уврачеванію челоѣковъ потребно.

Какъ скоро объявили мы приворошнику желаніе наше поклонишьяся и жерпвовать Богинѣ , такъ скоро и ошперъ онъ намъ желѣзные ворота , которые непрестанно были заперты для опасности отъ разбойниковъ ; ибо въ семъ храмѣ сохранилося великое сокровище , возрасшее отъ щедрыхъ приношеній молебниковъ : пошому что , изъ почтенія въ сему божеству , не дерзалъ ни единъ приходящій ошойти отъ него безъ принесенія ему какой либо вещи ; а ежели ничево не имѣлъ , то вырвавъ изъ плащя своего волосъ , приносилъ оный въ даръ , кланяся въ землю.

По вѣздѣ нашемъ въ монастырь , нижніе служители храма съ великою учпивостію помогли намъ съзять съ лошадей : одни изъ нихъ повели ихъ въ конюшни , а другіе проводили насъ самихъ въ госпнницу , гдѣ мы угощаемы были по княжески. Чрезъ нѣскольکو часовъ объявили намъ , что первосвященникъ

Часть II.

Ж

сего

сего храма желаетъ насъ видѣть. Мы тотчасъ пошли къ нему, и уговорились на дорогѣ сказахся купцами изъ Коростеня. Первосвященникъ принялъ насъ весьма ласково, и угощая вопрошалъ о винѣ нашего прибытія. Мы ему объявили, что желаемъ принести жертву, и спросить о нашей судьбѣ Великую Матерь Боговъ. Жрецъ съ охотою обѣщался съ своей стороны удовлетворить наше желаніе, спрашивая насъ при томъ, какую мы хотимъ избрать жертву, чтобъ почтить Богиню. Я вынявъ десять золотыхъ просилъ его, чтобъ онъ избралъ за сіи деньги такую, какую ему за благо разсудится. Предложеніемъ симъ Жирославъ, (такъ онъ назывался,) наипаче былъ доволенъ.

Тотчасъ послѣ сего позвавъ своего служителя, и приказавъ ему привезти для жертвоприношенія непорочную юницу, овна, и двухъ агнцовъ, просилъ насъ слѣдовать съ нимъ во храмъ. Онъ былъ осажденъ кедрами и буками; украшенъ оповсюду мраморными багряными столпами,

столпами, коихъ главицы велишты были изъ мѣди, и позлащены весьма крѣпко; припворъ храма, гдѣ приносили жершву, сооруженъ былъ также изъ мрамора, и украшенъ подобнымижъ столпами. Жертвенникъ, на коемъ сожигали жершву, и другой, на копоромъ жарили нѣкоторыя оной часши для пожранія, были спальныя, и помѣстамъ украшены серебряными съ золотомъ цвѣтами. По сторонамъ ихъ спояло на шаганахъ нѣскольکو мѣдныхъ кошловъ, въ копорыхъ варили также нѣкопорую часшь жершвъ. Сѣкиры, ножи и другія жершзеныя орудія состояли изъ блиспапельнаго и крѣпкаго камня и серебра; также сосуды, умывальницы, и другія подобныя сему вещи были всѣ изъ драгоцѣннаго вещества, и преизбраннѣйшя работы.

Вскорѣ причели къ намъ жершву, украшенную вѣнками изъ цвѣповъ. Первосвященникъ и вспомошесшвующїе ему жрецы, облекшись въ богослужительныя ризы, начали службу пѣнїемъ и молишвами, по скончанїи коихъ Жирославъ, возлагая

на каждую жертву свою руку, приглаголювалъ ихъ убивашь, и приугошовавшь къ жертвоприношенію. По повелѣнію его вскорѣ все было угошвано: лучшія части были оставлены для прапезы жрущихъ, а прочія сожжены въ честь Богинѣ,

По совершеніи такимъ образомъ жертвоприношенія, Жирославъ увѣрялъ насъ, гадая по колебанію огня, и по печенію дыма, что жертва благопріятна Богинѣ, и можемъ мы ожидать благополучнаго событія нашимъ желаніямъ. По семъ повелѣнію насъ во внутренность храма, Слѣбны его украшены были живописью, представляющею дѣла и приключенія Богини. По срединѣ храма сшоялъ ея кумиръ изъ чистаго золота: на рукахъ у нее сидѣла малинькая дѣвочка, которую почитали ея внукою. На Богинѣ и внукѣ ея были вѣнцы изъ дорогихъ камней, самой высокой работы и цѣны. Подножіе ихъ состояло изъ чистаго серебра, и украшено было вышитыми изъ золота цвѣтами, и разноцвѣтными камнями. Сшоящій предъ

предъ ними жертвенникъ былъ подобно сооруженъ и украшенъ. Испу-
канъ сей окруженъ былъ оповсюду
разнообразными музыкальными ору-
дїями.

По вшествїи нашемъ во храмъ,
первосвященникъ приказалъ намъ
пастись предъ жертвенникомъ на ко-
лѣни, и предложивъ на немъ то,
чѣмъ мы обрелись Богинѣ. Повелѣ-
нїе его немѣдленно мы исполнили:
я вставъ съ Добрынею на колѣни,
положилъ нѣсколько горшей золо-
тыхъ на жертвенникъ, а Добрыня
нѣсколько пѣнязей. Въ тошъ мигъ
всѣ музыкальныя орудїя, окружаю-
щїя Богиню, возгремѣли, и произ-
вели во храмъ превеличайшїй шумъ:
Богининъ Испуканъ поколебался; а
мы, бывъ устрашены симъ дѣй-
ствїемъ, пали ницъ на землю. По-
слѣ сего шумъ мало по малу началъ
утихатъ, и при концѣ онаго услы-
шали мы гласъ Богини, подобный
трубному гласу.

Какъ твоя невинность страдаетъ,
Какъ его злодѣйство жаждетъ,

Боги видятъ то давно:
 Вскорѣ злыхъ не наказуютъ,
 Косно добрыхъ испытуютъ;
 И посемѣ дѣлятъ равно.

Сіе прорѣченіе жрецы потчасѣ записали, и подали мнѣ онаго списка, за чю опвѣспивовалъ я имѣ нѣкоторымъ числомъ червонцовъ. Послѣ сего просилъ насѣ къ себѣ первосвященникъ на вкушеніе жершвы, со всѣми бышими при томъ жрецами. Мы за нимѣ послѣдовали, а Жирославъ обращаая ко мнѣ рѣчь, говорилъ мнѣ такъ: Богиня наша правосудна, пріятный гость! Она невинныхъ защищаетъ, и побораешъ по нихъ; а злодѣямъ завсегда прошивишся: и рано или поздно наказуешъ ихъ. Я тебѣ при трапезѣ нашей расскажу о произхожденіи и дѣлахъ ея. Я не испытую, продолжалъ онъ, о состояніи швоея жизни, но шокмо вижу по изреченію божеспва, чю шы добродѣтели и несчастливъ; но какъ злодѣйство гнашъ шетя ни спанешъ, не ослабляй своего терпѣнія: Боги со удсвольствіемъ взираютъ на борющуюся

ся

ся добродѣшель съ несчастіями ; и на послѣдокъ увѣнчавающѣ ея.

При продолженіи имѣ подобнаго сему нравоученія, прибыли мы въ его обитель. Столъ уже былъ уготованъ, Жирославъ просилъ насъ за него сѣсть; и когда нѣскольکو уже насытились, тогда онъ пакѣ обращая ко мнѣ рѣчь, вѣщалъ мнѣ слѣдующее. Я обѣщаль тебѣ разсказать о началѣ и произхожденіи нашего Божества, зовомаго чернію Золошю Бабю, по причинѣ златаго ея испукана. Вотъ каковое повѣствованіе о томъ намъ предано: первоначальное существо Бѣиръ, совокупясь съ неспройностію стихій, произвели на свѣтъ великую нашу Богиню, Царицу земли, и Матерь всѣхъ Боговъ; а она сочепавшись съ Свѣповидомъ или Солнцемъ, подобнымъ съ нею древностію Божествомъ, породила миру Перуна, спройшеля громоспрѣляній и всѣхъ воздушныхъ явленій; потомъ Волоса, Бога скотовъ, по немъ Купала, Бога плодовъ; и прочихъ Боговъ и Богинь, какъ то Ладу, Зимцерлу, Бѣлбога, Чернобога, Нію, Похвис-

Ж 4

ца,

та, Догоду, Услава, Кикимору, и
 имъ подобныхъ. Сынъ ея Церунъ
 совокупясь съ сестрою своею Ладюю,
 Богинею любви, произвелъ Сиву,
 Богиню плодовъ древесныхъ и садо-
 выхъ. И сию по любезную внуку,
 пипашельницу челоуѣковъ. держащъ
 Богиня наша непрестанно въ своихъ
 объятіяхъ, и любитъ ее жарчае
 всѣхъ своихъ дѣшей и внучатъ. А
 наши праотцы, желая означитъ
 свойство и достоинства сихъ Бо-
 гинь, изобразили ихъ златыми укра-
 сивъ вѣнцами изъ драгоценныхъ
 камней; ибо ошъ нихъ произпекаютъ
 намъ и злато и сребро, и вся бла-
 гая нашей жизни. А окруженіе ея
 музыкальными орудіями уставлено
 въ знакъ того, что воспавшую
 между дѣтьми ея распрю, о державѣ
 земли, она пресѣкла, возстановя
 межъ ними согласіе правосуднымъ
 онья раздѣломъ; и для того еще,
 что она многія изъ сихъ орудій
 изобрѣла сама, и любитъ ими ус-
 лаждашся: и завсегда свои проро-
 чества произноситъ во гласѣ труб-
 номъ.

По семъ Жирославъ, продолжалъ Оспанъ разказывалъ мнѣ о многихъ ея чудесахъ, и о дѣлахъ ея чадъ, о чемъ однакожъ я умалчиваю, какъ о такихъ вещахъ, о копорыхъ и ты, Государь, я чаю вѣдаешъ; а приступлю шеперь къ повѣствованію другихъ моихъ приключеній.

Я пробылъ нѣсколько дней въ священномъ семъ жилищѣ, наслаждаяся собѣсѣдованіями первосвященника, копорому подарилъ я пятьдесятъ червонныхъ, и еще сто далъ на содержаніе ихъ госпинницы. Посемъ, совѣщавшись съ соутникомъ моимъ, побхалъ я въ Державу Полянъ, у коихъ сполницею былъ Кіевъ, построенный сего же имени Княземъ. Полянами владѣлъ тогда Князь Коваръ: у него вознамѣрился я просить себѣ помощи прошиву похищителя моего престола.

Путь нашъ даже до сего города былъ благополученъ: мы нашла Ковара, не доѣзжая до города, въ бору, окружающемъ Кіевъ, забавляющася съ придворными своими звѣроловишельствомъ. По прошенію моему

ему я былъ ему представленъ: ласковый его пріемъ обнадежилъ меня опкрыться ему въ моей нуждѣ. На прозѣбу мою опозвался онъ благо-склонно: да и столько еще явилъ мнѣ благопріятства, что просилъ меня жишь въ своемъ дворцѣ все то время, которое пробуду я въ Кіевѣ. Таковыя ласки со всѣмъ поколебали мое легковѣріе: и я уже мнилъ себя сѣдяща на престолѣ моего родителя. Но какъ я мало зналъ полишку Государей, внемлющую болѣе своимъ прибышкамъ, нежели челолюбію!

Нѣсколько дней спаралися забавлять меня пустыми надеждами, какъ между шѣмъ пересылалися съ моимъ злодѣемъ, коему дали знашь о моемъ пребываніи въ Кіевѣ, и просили опъ него себѣ успупки нѣкоторыхъ городовъ, естли не желаетъ онъ зрѣть себя воюема въ мою пользу. Похипипель моего вѣнца, желая опвратить опъ себя сію бурю, охотно на пребованіе ихъ согласился: съ такимъ напрошивъ варварскимъ условіемъ, чшобъ меня ему выдали мертва или жива. Су-
дѣ

дя по коварству Кіевскаго Князя и его вельможъ, можешъ быть и былъ бы я несчастною жершвою власнлюбїя Презолова, ежелибъ нѣкто изъ Коваровыхъ боярѣ не продалъ мнѣ сея тайны за нѣкошорую сумму денегѣ.

Какъ скоро я извѣспился о семъ проклятомъ ухищренїи, такъ скоро и уѣхалъ изъ Кіева. По совѣту Добрынину, слыша о добродѣтеляхъ и благоспынѣ своего родителя, государь, говорилъ Древлянинъ Свѣп-лосану, вознамѣрился я ѣхать въ Славенскѣ, дабы пашъ къ ногамъ великодушнаго Богослава, для испрошенїя у него шой милоспи, о ксей щещно умолялъ я Полянскаго Князя. Во время сего моего путешеспвїя занемогъ я сильною огневицею, чего ради и оспѣновился я въ Сшолницѣ Кревичей, гдѣ находил-ся храмъ Знича, сего священнаго огня, подающаго болящимъ исцѣленїе, и совѣшы на уврачеванїе болѣзней. Я послалъ Добрыню къ первосвященнику сего Божества, дабы онъ вруча ему ошъ меня сто злшницѣ, попросилъ его принеспъ жершву
сему

ему неугасимому Пламени, для ис-
 прошенія отъ него мнѣ уврачеванія.
 Жрецъ, повелѣвъ ему прійти на
 упріѣ, далъ такой отвѣтъ Добры-
 нѣ. которъй по словамъ его, само
 Божество изрекло ему ношю.

Обуй въ Сандали трепещущія ноги,
 И безбоязненно ступай во всѣ дороги:
 Ни воздухъ, ни вода тебя не повре-
 дитъ,
 Ни самый Тартаръ въ нихъ тебя не
 побѣдитъ.

Сей гласъ Боговѣщалища возвра-
 тилъ мнѣ память о забвенныхъ мною
 Сандаляхъ, данныхъ мнѣ въ нас-
 лѣдство Славомысломъ, первосвя-
 щенникомъ Чернобоговымъ, моимъ
 воспитателемъ. Я приказалъ Доб-
 рынѣ вынуть ихъ изъ сумки, къ ко-
 торую они мною были спрячаны, и
 обулъ меня. Какъ скоро онъ на меня
 ихъ наделъ, такъ скоро началъ я
 чувствовать распространяющееся по
 всѣмъ моимъ жиламъ стремленіе
 крови, со окончаніемъ коего жаръ
 началъ во мнѣ упухать, и силы
 мои чувствительно спали прихо-
 дитъ

дить въ прежнее сосшоянїе. Однимъ словомъ, черезъ часъ сдѣлаася я такъ здоровъ, какъ будшобъ не бывалъ никогда боленъ. Въ шогдашнемъ моемъ восхищенїи бросился я на землю, и принесъ священному Зничу благодарственное моленїе, сопровождаемое радостными слезами. Послѣ сего пошелъ я во храмъ онаго, желая принести ему великолѣпную жертву.

Храмъ его стоялъ на высокой горѣ, сооруженъ изъ дикаго камня, и огражденъ высокою и крѣпкою стѣною на подобїе замка. Стѣны его сосшояли изъ двухъ ярусовъ небольшихъ покойцевъ: въ нижнихъ содержались плѣнники и скопы, опредѣленные на закланїе въ жертву сему священному Огню; а въ верхнихъ жили служители храма, и нѣкоторые жрецы. По входѣ моемъ въ сію ограду, слухъ мой пораженъ былъ спономъ плѣнныхъ, испрашивающихъ себѣ отъ Боговъ и мимоидущихъ свободы отъ напрасныя смерти. Жалость обьяла мое сердце, я немогъ понять причинъ сему звѣрскому обыкновенїю, чшобъ преда-
вашь

вѣтъ огню неповинныхъ челоуѣковѣ,
вѣ жерпву такому Божеству, кошо-
рое подаешъ намѣ исцѣленіе, и пе-
чешся о нашемѣ здравіи. О Боже!
вскричалъ я тогда: конечно не шы
виною варварскому сему успаву, но
жадноств къ корысполюбію немн-
лосердыхъ швоихъ жрецовѣ. Сіа
мысль заглушила во миѣ почтеніе,
которое было возымѣлъ я къ перво-
священнику сего Божества. Я воз-
намѣрился съ нимѣ увидѣшья, и
упошребилъ всю мою возможностъ
къ освобожденію невольниковѣ, и ко
уничтоженію адскаго сего обыкно-
венія.

Жреца сего нашель я гошвяща-
ся ко приношенію сея кровавья и
безчелоуѣчныя жерпвы. Поблагодаря
его за предшашельство о миѣ у
Божества, просилъ я его принесшъ
отъ меня благодарственную жерпву.
Изрядно, отшѣшествовалъ онѣ, сіе я
охотно учиню по принесеніи закон-
ной жерпвы. Я его спросилъ о ея
родѣ, и услышалъ, что она состо-
итъ изъ сихъ несчастныхъ плѣн-
никовѣ, возмушвишихъ шoliko мои
чувства. Честный ошецъ! сказаль
я

я ему: не ужель и Боги столькожѣ мстительны и жестокосерды, какъ и мы человѣки? И какая причина побуждаетъ ихъ желать толь варварскія жершвы? Нельзя спасться, чшобѣ они услаждались человѣчскимъ мученіемъ и кровію. И развѣ не о всѣхъ людяхъ равно они пекутся, и не равно ихъ любящъ? Жрецъ отвѣтствовалъ мнѣ весьма смяшно на сіи вопросы, изъ коихъ ничего другаго я не порялъ, кромѣ пустыхъ его отговорокъ. Я употребилъ всѣ силы моего смысла, чшобѣ доказать ему безчеловѣчіе и незаконное заблужденіе сея службы. Но онъ прошивополагалъ мнѣ на то, что сіе заведено издревле, и чшо сею жершвою Божество ихъ конечно услаждается. О человѣки! возопилъ я тогда: вы и звѣрей въ ярости и невѣжесильѣ своемъ превосходите. Отче честный! говорилъ я ему, будь ты первый исправителемъ сего варварскаго и адскаго злоупотребленія: Боги конечно не пребующъ отъ насъ толь проклятыя жершвы; но отвращающъ и мерзаясь ею. Люшый жрецъ не внималъ моимъ разсмотрѣніямъ,

ніямъ,

нїямъ , и гошовиася исполнишь сїе варварское дѣло. Но я, опозвавъ его на сторону, обѣщаль ему дать за всякаго плѣнника по сїу червонцовъ , ежели онъ ихъ освободишь отъ сея жертвы, и опусишишь на волю.

При семъ обѣщанїи корыстолоубивый жрецъ улыбнулся , и умягчилъ суровый свой видъ и голосъ : чадо мое! Сказаль онъ миѣ, я вижу, что великій Зничъ , подавъ тебѣ здравїе, хочеть тебя прославить щедрошою : воѣ его я повинуюся : исполний его желанїе ; а я сего же вечера освобожу плѣнниковъ , когда ему сїе угодно. Но не повѣдай сего народу, продолжалъ онъ, сему немолимому чудовищу, кошораго единныя чудеса къ покоршву превлоняють. Я обѣщаль ему содержать сїе тайно, и въ тотъ же день принесъ ему цѣну на искупленїе неповинныхъ.

По сему нашему условїю, жрецъ пошелъ во храмъ , и по совершенїи нѣкопорыхъ жершвенныхъ обрядовъ, припворился ужаснувшимся, и дрожащимъ голосомъ, кривляя глазами

И

и устами , возопилъ къ народу : о неизреченнаго Божія къ намъ милосердія! При самой пропасти великій Зничь воспящаетъ насъ отъ падевія. Народъ , обладающій Кривичскими землями ! Священный Огнь освобождаетъ тебя отъ истребленія, которое соединено было со смертію сихъ плѣненныхъ тобою враговъ. Онъ мнѣ открылъ теперь, что коль скоро пролїется кровь сихъ Печенѣговъ, то чрезъ три дни , по непремѣнному опредѣленію всемогущія Судьбы падетъ наше Государство, и искоренился не возвратно нашими врагами. И для избѣжанія сего бѣдства нѣтъ другаго способа, кромѣ освобожденія сихъ плѣнниковъ. По сихъ словахъ онъ умолкъ, а народъ ввергнутый имъ въ смященіе и страхъ возопіявъ, и требовалъ ихъ освобожденія немѣдленно. Хипрый жрецъ, радуясь успѣху своего обмана , обѣщавъ народу освободитъ ихъ въ слѣдующую ночь; ибо, присокупилъ онъ, сего требуетъ Божество, дабы они во шмѣ оставили нашу спрану; ибо шма сія послужитъ имъ омраченіемъ во всѣхъ

Часть II. 3 ихъ

ихъ предпріятіяхъ на нашу землю. Но сіе значило, говорилъ Древянинъ, что онъ хотѣлъ напередъ увѣриться въ деньгахъ, обѣщанныхъ ему мною, прежде нежели освободишь сихъ Печенѣговъ. Народъ на все согласился, чего ни желалъ отъ него первосвященникъ, который по принесеніи обыкновенныхъ жертвъ возвратился въ свою обитель; а я пошелъ къ себѣ на постоялый дворъ, дабы приготопить ему деньги.

Дорогою встрѣтился со мною Добрыня, который оплучился отъ меня для нѣкоторыхъ нужды, и ничего невѣдалъ о переговорахъ моихъ со жрецомъ. Я ему разсказалъ сію исторію, и не могъ съ нимъ надивиться жадности сего первосвященника, которая побуждаетъ его не токмо народъ обманывать, но и проливать человѣческую кровь подъ предлогомъ благочестія и богопочтанія. Ахъ, государь! сказалъ мнѣ тогда Добрыня: такъ никакъ и отвѣтъ, данной имъ тебѣ отъ имени Знича, его же коварства есипъ вымысль; ибо я признаюсь тебѣ, что онъ ласкашествомъ своимъ
вывѣдалъ

вывѣдалъ отъ меня нѣсколько она-
шей тайнѣ, и о Сандаліяхъ вручен-
ныхъ тебѣ Славомысломъ. А что
онѣ помогли тебѣ освободиться отъ
болѣзни, такъ сіе конечно произош-
ло отъ сокрытой въ нихъ для сего
силы, а не отъ Знича, коему при-
писываеиъ жрецъ исцѣленіе болѣ-
зней. Разсужденіе сіе почелъ я
справедливымъ, соображая его со
жреческимъ коварствомъ. Я предпрі-
ялъ завсегда носить спасительныя
сіи Сандаліи, а Добрынѣ приказалъ
не объявлять впрядь ни кому о на-
шей тайнѣ.

Между тѣмъ желая спасти не-
повинныхъ плѣнниковъ, вынялъ я
изъ неизнощимаго моего кошелька
деньги, по числу плѣнниковъ, кото-
рыхъ было около двадцати чело-
вѣкъ; и пошелъ подъ вечеръ къ ко-
рысплюбивому жрецу, которому
вручивъ сей выкупъ, просилъ его
исполнить обѣщаніе, что онъ въ
тошъ же часъ и учинилъ, прика-
завъ ихъ освободить. Послѣ чего
ласкашества его доказали мнѣ яс-
но, сколь подла его душа. Я ос-
тавилъ его скоро, возымѣвъ къ нему
3 2 презрѣніе

презрѣніе больше еще прежняго , и
 идучи на мое подворье разсуждалъ,
 какъ праведные боги такихъ гнус-
 ныхъ и незаконныхъ шварей оста-
 вляющъ безъ наказанія; но вспомя-
 нувъ про изрѣченіе Золотыя Бабы ,
 что Безсмертные мѣдленно наказу-
 ютъ злодѣевъ, оставилъ сіе на Про-
 мыслъ небесный, копорый на утрѣ
 же мнѣ доказалъ, что онъ справед-
 ливъ. Ибо на другой день Добрыня,
 ходившей за нуждою на рынокъ ,
 объявилъ мнѣ пришедъ , что сего
 первосвященника зарѣзали воры, въ
 числѣ копорыхъ былъ его келейникъ,
 и пограбили все его имѣніе. Услы-
 шавъ сіе , воздалъ я хвалу Небу за
 избавленіе земли опъ сего чудовища,
 пожиравшаго человѣчество , и про-
 сивъ прощенія въ моемъ рошпаніи
 на его правосудіе.

Послѣ сего приключенія вскорѣ
 оставилъ я сей городъ , и продол-
 жалъ мой путь въ Славенскъ. На
 семъ пути скончался добродѣтель-
 ный мой спутникъ. По обыкнове-
 нію нашему шѣло его я сожегъ , и
 собравъ въ сосудъ онаго пепель, по-
 ставилъ во храмѣ того села, въ ко-
 шоромъ

торомъ приключилась ему смерть. По совершечіи надъ нимъ призывы, отправился я паки въ пущь мой, копорый даже до Валдайскихъ горъ былъ довольно стокоемъ; но на онѣхъ разрушило его слѣдующее приключеніе. Не доѣзжая нѣсколь-ко до сего урочища, наѣхалъ я на приказнаго челоуѣка, ѣхавшаго так-же въ Славенскъ съ молодою своею женою, съ кою ѣздилъ онъ для свиданія къ ея родителямъ, и воз-вращался въ столицу Славянъ, имѣя въ оной свое жилищѣ. Мы оба весьма были рады, что наѣхали въ пути своемъ себѣ сотоварища: онъ со мной тотчасъ познакомился, и разсказалъ мнѣ о себѣ, кто онъ таковъ; я также объявилъ ему о себѣ, что я Древянинъ, и желая видѣть достойныя примѣчанія мѣ-ста путешескую. Такимъ образомъ разговаривая, уменьшали мы скуку соединенную съ путешескіемъ, да-же до объявленныхъ мною горъ.

По вѣздѣ нашемъ на онѣя, и по продолженіи нѣкопорого по нихъ пуши, переломилась ось у его коля-ски, что принудило его и жену его

изъ оной выйши. Я также сошелъ съ моего коня, дабы имъ сотовариществовать; и межъ шѣмъ, какъ люди его спаралися привести въ прежнее соспояніе коляску, мы всѣ трое пошли прогуливаться. Взшедъ на споящую предъ нами гору, превосходившую высокою всѣ прочія, удивлялися мы природѣ, аки бы игравшей въ семъ мѣспѣ собраніемъ въ совокупность толкаго числа горъ, намѣпанныхъ одна на другую. Во время сего нашего удивленія, увидѣли мы лешящее къ намъ облако отъ предѣловъ Славенска: лешеніе его было весьма быспро, и казалось нѣчто на немъ сидящее. Позорище сіе привлекло на себя наши взоры: по приближеніи его къ намъ, увидѣли мы на немъ сѣдящаго малорослаго Еёіопа, въ Кипайскомъ плащѣ; сіе начпаче удвоило удивленіе и любопытство наше, которое намъ всѣмъ проимъ причинило бы пагубу, ежелибъ не имѣлъ я при себѣ преудивительныхъ моихъ Сандалій. Ибо, коль скоро сей карло, подобный лицомъ своимъ и злосію дѣволу, увидѣлъ насъ, то и успремился къ намъ

намъ лепѣшь. Сіе его стремленіе споль испужало молодыхъ супруговъ, что Милоспана (такъ называлась сія женщина,) упала въ обморокъ въ руки своего супруга, а Завидъ ея мужъ въ такую пришель робость, что ни слова немогъ выговорить, и стоялъ какъ изумленный.

Между тѣмъ Еѳіопъ спустившись къ намъ, выхватилъ ее изъ рукъ ея мужа, который упавъ отъ страха, кричалъ изо всей силы: Ахъ, помилуй! помилуй, государь мой!пусти душу на покаяніе. Но карло ему не внималъ, и посадя женщину на облако, успремился съ нею отъ насъ лепѣшь. Но я, будучи не споль робокъ какъ ея мужъ, и подвигнувшись сожалѣніемъ, вознамѣрился опляшь у волшебника несчастную сію женщину, которая испуская стenanіе и вопль, призывала меня и мужа своего на помощь. И такъ, имѣя на себѣ лешающіе Сандалин, погнался я за карломъ, и достигъ его вскорѣ, ибо Сандалин мои несли меня быспрѣе пшицы. Мурянникъ увидя меня бѣгущаго за собою, бросилъ

силъ въ меня золотою стрѣлою; коею былъ онъ вооруженъ; но я отъ удара сего увернувшись, и поймавъ его стрѣлу, успрямился паки за нимъ, дабы самого его поразить ею. Уже вознесъ я руку мою на поразеніе его, какъ гнусный сей чародѣй, видно усстрашась сего удара, и почтя меня сильнѣйшимъ себя, бросилъ бѣдную Милосшану долой съ облака, а самъ успрямился отъ меня лѣпѣшь.

Желаніе мстить ему не споль было во мнѣ скльно, какъ спремленіе помочь сей бѣдной женщинѣ, которая съ окончаніемъ своего паденія ожидала себѣ смерти. Я бросился за нею, и едва успѣлъ предускорить ея паденіе, схвативъ ее за одежду. Между тѣмъ проклятый ея похищитель отъ насъ исчезъ. Завидъ, лежавшій во все сіе время полумертвымъ услыша подлѣ себя шумъ, происшедшій отъ насъ, паки закричалъ: Ай! ай! помилуй! Но я его началъ увѣрять, что врагъ его уже исчезъ, и супруга его благополучно отъ онаго избавлена. Тогда онъ приподнявъ немного голову, и увидя

увидя насъ однихъ , сказахъ : ахъ , проклятый чародѣй ! какъ онъ меня испугалъ ! Однакожъ , продолжалъ онъ прибодрившись , ежелижъ у меня что въ рукахъ случилось , то я бы доказалъ ему себя.

Въ спокойнѣйшее время засмѣялся бы я его храбрости , но тогда старался я помогать бѣдной его женѣ , которая не могла еще оправдаться отъ ужаса , причиненнаго ей волшебникомъ. Наконецъ по старанію моему и ея мужа , получила она паки спокойствіе духа. Послѣ чего принялись и мужъ и жена осыпать меня благодарностями , и просили меня усердно не только сошваривать имъ въ пути , но и по прѣздѣ въ Славенскъ жить въ ихъ домѣ во все то время , которое пробуду я въ семъ городѣ. Учтивостямъ ихъ отвѣтствовалъ я подобнымижъ учтивостями. и согласился охотно на ихъ желаніе Между тѣмъ прибѣжали къ намъ Заидовы служилыи , которые весьма довольно были отъ насъ отдалены. Они усмотрѣли издали приключеніе случившееся съ нами ; и бѣжали

намъ помочь по своей возможности; но уже дѣло окончано было до нихъ. Любопытство побуждало ихъ всѣхъ тогда просить меня, чшобъ я имъ разсказалъ, какимъ средствомъ возмогъ я побѣдить столь страшнаго врага, и лешать подобно ему по воздуху. По неосторожности моей открылъ я имъ, что ешо учинилось помощію моихъ Сандалій, имѣющихъ силу носить по воздуху и водѣ, и припомъ еще и отъ болѣзней излѣчивашь.

Сіе объявленіе возбудило во всѣхъ моихъ слушателяхъ не малое удивленіе, которое напослѣдокъ произвело въ одномъ изъ слугъ Завидовыхъ вредное для меня желаніе. Онъ вознамѣрился похитить уменя сей драгоценный залогъ моего воспитателя, что того же дня и произвелъ онъ въ дѣйство на ночлегѣ, обокравъ со мною вмѣстѣ и господъ своихъ, во время нашего сна. По пробужденіи нашемъ на другой день узнали мы о семъ злодѣйскомъ его поступкѣ; и я еще благодарилъ Небо за сохраненіе неизшощимаго моего кошелька, о коемъ никто невѣдалъ,

и

и которъй и во время сна хранилъ я у себя въ карманѣ , и по сей по причинѣ грабитель нашъ не могъ его у меня похищать. Бѣдныя мои сопутники тѣмъ болѣе горевали о семъ несчастіи, что не имѣли больше чѣмъ доѣхать до Славенска , ибо воръ похитилъ у нихъ всѣ деньги ; но я ихъ скоро вывелъ изъ сея грусти , обѣщая имъ помогать во всѣхъ ихъ нуждахъ. Сіе наипаче умножило ко мнѣ усердіе ихъ и пріязнь : они осыпали меня тѣмною благодареній , и даже привели меня въ спѣхъ своими учтивостями.

О семъ спраннымъ съ нами приключеніи , продолжалъ Останъ обращая слово къ Свѣтлосану , не имѣлъ я случая ни тебѣ объявить , государь , и твоему родителю , ниже кому другому , во время пребыванія моего въ Славенскѣ ; не знаю и теперь , забвеніюль сіе приписать я долженъ , или волшебнымъ хитростямъ сего же чародѣя , котораго съ посрамленіемъ обратилъ я въ бѣгство. Я скорѣе это припишу ему отвѣтствовалъ на то Свѣтлосанъ , ибо по стрѣлѣ познаю я въ

И 2

немъ

немъ Карачуна , сего лютаго волшебника , который по всему свѣту причиняетъ великія бѣдства многимъ людямъ , въ числѣ которыхъ находятся сестра моя и зять , чпо я тебѣ по окончаніи пзоей повѣсти подробнѣе объявлю . И такъ я думаю , чпо сей волхвъ , спрашася можешъ бытъ самому себѣ скорыя пагубы , спарается всѣ свои злодѣйства сокрытъ отъ человекѡвъ ; но только отъ всемогущихъ Боговъ сего утанитъ онъ не въ силахъ , которые непременно показнятъ его когда нибудъ за неизсчепныя его беззаконія . Сказавъ сіе просилъ онъ паки Остана продолжати его повѣствованіе , чпо Древланинъ и учинилъ слѣдующимъ порядкомъ .

Послѣ сего случая , продолжалъ Останъ , путь нашъ былъ уже спокойенъ до самаго Славенска , коего великолѣпіе превышало всѣ города видѣнныя мною ; красота храмовъ его и башенъ издаече поразила мои очи , и удосповѣрила меня о подлинности славы , носящейся о немъ по отдаленнымъ странамъ . По вѣздѣ въ оный , глаза мои не знали куда

куда обратиться : всюду встрѣча-
лися зданія доспойныя оссбливаго
разсмаприванія ; удивленіе мое про-
должалось по пространству всего
города , простирающагося на нѣ-
сколько верстъ ; и не преждѣ успо-
конлось мое вниманіе, какъ по прїѣз-
дѣ въ Завидовъ домъ, споящей по-
чши по конецъ города.

По нѣкоторомъ опдохновеніи въ
семъ домѣ , пошелъ я во дворецъ ,
чшобъ неходатайствовать себѣ сча-
стіе предъ пашь предѣ швоего роди-
теля , коего челоѣколюбіе прослав-
лялося по всѣмъ Славенскимъ спра-
намъ. По благосши его вскорѣ полу-
чилъ я къ нему доступъ : я ему
объявилъ мои несчастія , прося его
о покровительствѣ и помощи себѣ.
Добродѣтельный сей Князь , уми-
лясь на мое злополучіе , но ненави-
дя брани, проливающей безъ всяка-
го сожалѣнія челоѣческую кровь ,
и разшоргающей спокойствіе цѣлѣ-
пущихъ областей , обѣщаль изхо-
датайствовать мнѣ по мирошвор-
ствомъ , чего другіе доискиваюшся
кровопролишнемъ. Въ исполненіе сво-
его обѣщанія , послаль онъ вскорѣ

посольство въ Искорестѣ съ такимъ приказаніемъ, чтобъ оно старалось преклонить хищника моего престола уступитъ мнѣ безъ раззорженія мира принадлежащій мнѣ въ нецѣ, и ежели не успѣетъ въ семъ, то хотя бѣ преклоняло его уступитъ мнѣ половину Древянскія земли, съ такимъ условіемъ, чтобъ другую оставилъ онъ мнѣ по своей кончинѣ. Но сей злодѣй не токмо не склонился на сіе миролюбное и выгодное для него требованіе, но предпріялъ еще опныть у меня и жизнь, какимъ бы то способомъ ни было. Для сего варварскаго исполненія, избралъ онъ самыхъ наипозорнѣйшихъ людей изъ своихъ прислужниковъ, отъ которыхъ едва нечаянный случай возмогъ спасти мой животъ.

Извѣстно тебѣ, государь, продолжалъ Древянинъ, что по милости своего родителя перешелъ я жить изъ Завидова дома во дворецъ, гдѣ ни въ содержаніи, ни въ удовольствіяхъ не имѣлъ я никогда недосыпка; но оскорбленное мое сердце гоненіемъ рока не воспринимало иногда отъ нихъ ни малыя сладости,

сли , и погружало меня въ глубо-
кую задумчивость : въ сіи печаль-
ные для меня часы , любилъ я про-
гуливаться по прекраснымъ доли-
намъ Славенска , или по берегамъ рѣ-
ки Мупной , прозванной Волховымъ
въ память Славенова сына Волхва
или Волховца , которъй по сей рѣ-
кѣ разбойничалъ , превращаяся въ
лютаго крокодила. Нѣкогда въ ве-
чернее время прохаживаяся по бере-
гамъ сея рѣки , довольно далеко отъ
города , увидѣлъ я на рѣкѣ сѣдя-
щаго въ лодочкѣ престарѣлаго че-
ловѣка , упражняющагося въ ловле-
нїи рыбы. Упражненїе его привлекло
на себя мои очи : я впалъ въ прїят-
ную задумчивость , представляв-
шую мнѣ соспоянїе рыболоза , и
стоящаго человѣка на высокой сте-
пени , гоняющагося за счастїемъ :
единого изъ нихъ безпечную и слад-
кую свободу , и другаго обманчивый
блескъ , совокупленный съ безпре-
спанными заботами , и изнуряющею
тягостїю его званїя. По средѣ сихъ
думъ произшедшїй вопль изторгъ
меня изъ моихъ размышленїй : я об-
рашилъ мои глаза шуда , откуда

онѣй производилъ, и увидѣлъ бѣд-
наго старика утупающа. Не мѣдя
нимало бросился я въ рѣку, и съ
великимъ хопя для меня спрудомъ,
одчакожъ освободилъ его на послѣ-
докъ оупъ утупленія, воспослѣдо-
вавшаго ему оупъ неосторожности и
легкости его лодки; и онъ бы не-
премѣнно погибъ безъ моего помощи,
ибо по несчастію его ни одного че-
ловѣка кромѣ меня не случилось
тогда на берегу.

Бѣдной сей старикъ лишился
при семъ случаѣ лодки своей, и
снастей принадлежащихъ къ его
промыслу: но онъ объ нихъ тогда
не сожалѣлъ освободясь оупъ неми-
нуемая себѣ смерти, и бросясь ко
мнѣ въ ноги, приносилъ мнѣ наи-
чувствительнѣйшую благодарность.
Соспояніе его показалося мнѣ жало-
сно: я подалъ ему десять червонцовъ
на исправу его надобностей, копо-
рыхъ онъ при пошопленіи лишился.
Сія малая щедрота привела его въ
неописанное восхищеніе: онъ паки
хопѣлъ повергнуться къ моимъ но-
гамъ, но я его до сего не допус-
тилъ, совѣшуй ему припомъ воз-
вра-

вращишься въ свое жилищѣ для успокоенія ; а чшобѣ болѣе не возмущать его моимъ присудствіемъ, то пошелъ отъ него самъ поѣмъ же минушн.

Что Небо воздаешъ намъ со вшоричею за щедропы наши къ бѣднымъ, сіе я позналъ тогда же опыномъ ; ибо по нѣсколькихъ дняхъ послѣ сего приключенія , когда я по обыкновенію моему прогуливался по берегу Волхова , то сей самый старикъ, увидя меня, просилъ отойти съ нимъ отъ людей въ сторону , обѣщавая возвѣснить мнѣ важную тайность ; я его желаніе удовольствовалъ. Скажи мнѣ , государь , спросилъ онъ отведиши меня, не ты ли сей Древлянской Князь, за котораго вступясь добродѣтельный Обладатель Славянъ , послалъ въ Искорестъ посольство ? Такъ , отвѣпствовалъ я ему , это я. Многосишншн , оказанныя мнѣ съ шолнкою щедропою, сказалъ мнѣ на то пресшарѣлый рыболовъ, побуждали меня за всегда воздашь тебѣ за нихъ какою нинаешъ услугою , и благодарю Боговъ , что они услышали о семъ мою молншву. Жизнь швоя

И 5

находиш.

находитесь въ опасности, государь, продолжалъ онъ : хищникъ своего Княжесва хочетъ тебя лишить оной ; видишь ли ты сихъ людей, присовокупилъ онъ указывая мнѣ на трехъ прохаживающихся : они Древляне, и присланы сюда твоимъ злодѣемъ , чтобъ опнять у тебя жизнь тайнымъ образомъ. Мнѣ удалось сію тайну у нихъ самихъ подслушать ; ибо они приспали въ моей хижинѣ , опасаясь явиться въ городъ , чтобъ предпріятіе ихъ какъ не открылось. Во время ночи, когда не могъ я уснуть по причинѣ моей хворости, перешептывались они о семъ : и припомъ еще говорили , что посланній ихъ предпріятель развратилъ деньгами пословъ и вельможъ здѣшняго двора , чтобъ какънибудь устроишь здѣсь твою гибель. Такъ я, продолжалъ старикъ, памятуя къ себѣ твои милости, и видя твое доброе сердце , совѣтую тебѣ , государь , какъ невозможно скорѣе удалиться изъ сея страны, и ожидаешь себѣ помощи отъ единыхъ Небесъ. Не мни избытъ здѣсь пагубы отъ своего злодѣя ; хощя

ты объявишь о смертоубійцахъ твоихъ добродѣтельному Богославу, и казню ихъ отъвратишь на нѣсколько отъ себя ударъ, но врагъ твой другіе составитъ на тебя ковы; и на послѣдокъ непременно погребитъ тебя. Злые въ желаніяхъ своихъ упорствуютъ, и проницательными своими достигаютъ скорѣе успѣховъ, нежели и добродѣтельные. Хоша здѣшній Государь окруженъ почтенными и добродѣтельными людьми, но въ великой толпѣ придворныхъ и народа довольно сыщется бездѣльниковъ, которыя не ужаснувшись пролишь неповинную кровь за мздовоздаяніе. Не возгнушайся моего совѣта, государь, примолвилъ онъ, хоша я теперь ничто иное какъ бѣдный рыболовъ, но былъ и некогда знаменимый вельможа между Болгарами; но будучи весьма долго игралищемъ судьбы, и изнуренъ превратностями лживаго счастья, удалился я въ сію страну, отрехшись отъ суешныхъ пышностей сего мира, спрощая предашься паки его преволненію; и веду теперь жизнь хоша убогую, но за то

то спокойную и безопасную отъ нападковъ льстиваго счастья, копорому нечего больше у меня шеперв похитишь кромѣ моего жизни.

Сіе неожиданное бѣдшее поразило меня какъ громомъ, говорилъ Останъ, и возмушило наипаче превожныя мои мысли: но добродѣтельный сей старикъ, увидя мое смущеніе и страхъ, старался меня утѣшить подавая миѣ полезныя совѣты и наставленія. Онъ по присовѣтовалъ миѣ оснатишь тайно Славенскъ, представляя, что ежели я опкрою твоему родителю причину моего опѣзда, то непременно буду имѣ воспрепятствованъ, и не возмогу безъ грубости опказать его желанію, чтобъ пребыть подъ его защитою; а между тѣмъ врагъ мой същепъ средство успроишь неминуемую миѣ погибѣль. При семъ случаѣ увѣдомилъ онъ меня, что восходя на Воспокъ между Азією и Европою есть страна, называемая великою Болгарією, лежащая при великой рѣкѣ Волгѣ, опъ коея и имя свое получила. Сея страны народы, говорилъ онъ, единоплеменные Славя-

Славянамъ; они пришедъ отъ краевъ Варяжскаго моря, разположили свои жилища при плодоносныхъ рѣкахъ Камѣ, Волгѣ и Яикѣ, построивъ многіе и крѣпкіе города, изъ коихъ главнѣйшій называется Боогордъ. Жители сея земли славны сколько оружіемъ своимъ, сколько купечесствомъ и хитроспными своими руководѣніями. Они ведутъ безпрестанныя войны съ вышедшими изъ Кыпайскихъ странъ народами; и отъ сего упражненія пріобыкли они сколько къ воеванію, что почитаются между Славянами храбрѣйшими воителями.

Къ симъ то народамъ совѣтовалъ онъ мнѣ ѣхать, и искать ихъ помощи противу моего злодѣя. Они охотно предпринимають дальныя походы, говорилъ онъ мнѣ, когда только надѣются получить отъ нихъ себѣ славу и прибытокъ. На совѣтъ его охотно я преклонился, и тѣмъ наипаче, что таковыми путешествіями учовалъ научиться, разсма тривая нравы, законы, обыкновенія и достопамятности разныхъ народовъ. За спасительное его объявленіе

явленіе и благій совѣтъ , хотѣлъ было я паки возблагодарить ему деньгами; но онъ отъ подавнїя моего отвратился , и отвѣтствовалъ мнѣ , что онъ никогда еще не продавалъ за мзду ни совѣтомъ своихъ , ни остереженій отъ смертоносныхъ погибѣли; и что и такъ уже одолженъ мною низачто. Толикое его безкорыстіе восхитило мою душу такъ , что ежели бы не предстояла мнѣ грозящая смертію опасность , то я тогда же бы согласился водвориться съ нимъ , дабы научиться его терпѣнію и добродѣтели.

И такъ , слѣдуя спасительному его совѣту , выѣхалъ я въ послѣдующую же ночь изъ Славенска , оставя письмо Государю своему родителю , прося его въ ономъ просить меня въ скоропоспѣшиномъ моемъ отъѣздѣ изъ его столицы , къ чему меня побудили , прилагалъ я , тайныя и важныя причины. Такимъ образомъ извиняся сколько возможно лучше , выѣхалъ я изъ города , и направилъ путь мой къ великой Болгарїи. Я умалчиваю небольшїя приключенїя случившіяся мнѣ въ дорогѣ. По
нѣсколь-

нѣсколькихъ трудностяхъ, прибывъ я на послѣдокъ въ Боогордъ, столицу Болгарскихъ Князей. Городъ сей пространствомъ своимъ и зданіями, едва уступаетъ Славенску. По всѣмъ мѣстамъ видимо въ немъ достойное похвалъ искусство Болгарскихъ художниковъ; наипаче сіяетъ оно въ украшеніи храмовъ и Княжескихъ чертоговъ. Сей городъ стоитъ верстахъ въ тридцати ниже устья рѣки Камы: а отъ Волги отдѣленъ лугами верствъ на семь.

Прїѣздъ мой и въ сей городъ былъ бесполезенъ, ибо я желанной мною помощи не могъ и въ немъ получить, понеже Болгарскій Князь, именемъ Тривеллій, находился тогда на войнѣ противу непріятелей Государства, изъ коея не уповали возвратиться ему скоро. Обманувъ будучи повсюду надеждою, разсудивъ я, вспомнивъ послѣднія слова моего воспитателя, что никакъ сами Боги препятствуютъ мнѣ получить челоуѣческой силой то, что долженствую я пріобрѣсти единою добродѣтелію и достоинствомъ. Размышляя такъ, сложилъ

я попеченіе о полученіи моего пре-
сшолоа по шѣхъ порѣ, пока сами Бо-
ги не соблаговолятъ мнѣ возвра-
тись онаго, усмопря меня того
досгойнымъ. Во ожиданіи того
опредѣлилъ я, справстнуя по свѣ-
сту, наслаждаюсь разсмаприваніемъ
вселенныя и ея обиташелей. Разпо-
ложась такимъ образомъ, сшарался
я разогнать смущеніе моихъ мыслей,
колебавшее меня повсюду, и вдаля
въ разсмаприваніе всего, что очамъ
моимъ ни предсшавлялося доспой-
нымъ лисбопытства и примѣчанія.
Наипаче всего сшарался я научишься,
и вспомошествовать несчастнымъ и
бѣднымъ людямъ, поставляя себѣ
то главнѣйшимъ правиломъ, и дол-
жностію честнаго человѣка.

Принявъ сіе на черпаніе моимъ
поступкамъ, и обозрѣвъ доспопри-
мѣчаемыя мѣсна, города и вещи
Славенскихъ Волгарѣ, поѣхалъ я къ
Хвалиссамъ, народу произхождені-
емъ Славенскому жѣ, живущему близъ
Хвалынскаго моря, около славнаго и
богашова города Тмушаракани. Про-
бывъ у оныхъ нѣскольکو времени,
опправился я моремъ въ Перію: а
опшуда

оттуда въ сію страну, въ которой
 въ неожиданному мною счастью,
 обрѣлъ тебя, государь, избавите-
 лемъ себѣ отъ неизбѣжныхъ мнѣ по-
 тѣбѣи копоря слѣдующимъ обра-
 зомъ мнѣ приключилась.

Я въхалъ въ столицу здѣшняго
 Государства, по воспріятному мною
 намѣренію, чѣмъ осмолѣвъ вездѣ
 доспойное примѣчаніе. По обыкно-
 венію моему сего дня, во время са-
 маго жарчайшаго сіянія солнца,
 склонился я съ дороги въ лѣсъ, да-
 бы подъ шѣнію древъ пребыть по-
 шѣхъ поръ, пока умѣрится солнеч-
 ный жаръ. Во время сего моего от-
 дохновенія напала на меня шайка
 разбойниковъ: они меня совсѣмъ ог-
 рабили, и не доволясь тѣмъ, привя-
 зали меня къ дереву, по своему обы-
 ковенію, опасаясь, чѣмъ я по-
 опбешпи ихъ не соблавъ за ними
 погони. Одинъ изъ сихъ злодѣевъ,
 будучи недовѣрчивѣе и люте прѣ-
 чихъ, хотѣлъ меня умертвить ис-
 пущеніемъ на меня стрѣлы; но въ
 самое то время вскричавъ преужас-
 но палъ мершвъ. Я и товарищи его
 весьма сему удивились, и обозрѣвъ-
 Часть II. - I. ШИСЬ

шись увидѣли мы скорпію, которая его въ самой потѣ мигѣ ужалила, когда онъ успремился было меня умершвишь. Сія пресмыкающаяся, ошползши попомѣ нѣсколько отъ насъ шаговъ, вдругъ вспрепенулась, и превращаясь въ ворона отъ насъ улешѣла. Успрашася сего чуднаго приключенія, и услышавъ вѣдущихъ шумъ, разбойники меня ошавили, и пояжъ минушы отъ меня сокрылись; но при всемъ томъ я бы оштался шумъ жершвою либо звѣрей, либо глада, когдабъ сей самый воронъ, избавившій меня подъ видомъ скорпіи отъ смершоубійцы, не привелъ себя ко мнѣ на избавленіе, великодушный Князь; ибо я примѣшилъ, что онъ непреспаннымъ своимъ лешаніемъ шуда и сюда привлекъ васъ всѣхъ въ пагубное сіе для меня мѣсто. Вотъ вся моя исторія, сказалъ онъ по семъ Богославоу сыну, о которой тебѣ угодно было отъ меня увѣдашь.

Послѣ сего Останъ паки принялся благодарить Свѣплосана, и обѣщаніями своими доказывать ему усердіе свое и пріязнь; напрошивъ чего

и другой равномѣрнымъ образомъ старался ему отвѣтствовать. По оказаніи другъ другу равныхъ учтивостей, просилъ Древлянинъ Славенскаго Князя разсказать ему подобно и о своихъ приключеніяхъ, которыя были ему виною путешествія его въ Индію, въ чемъ Свѣтлосанъ немѣдленно его и удовольствовалъ. По окончаніи его исторіи, разсуждали они всѣ совокупно, куда имъ надлежитъ напередъ ѣхать, и по нѣсколькихъ словопрѣніяхъ усвѣтовались они побывать у всѣхъ славныхъ прорицалищъ, дабы отъ нихъ увѣдать, гдѣ сыскашь, и какъ побѣдить Карачуна. По низложеніи жъ сего страшнаго врага, обѣщаль Славенскій Князь Остану возвратитъ ему Древлянскій престолъ вооруженною рукою; но правосудные Боги иначе случай сей разположили.

Во время сихъ ихъ размышленій и предпріятій, солнце начало спускаться въ Океанъ, а небо покрывалось мрачными и просипранными облаками, которыя угрожали путешественникамъ преспашною бурей. Чего ради, желая отъвернуть

отъ себя ея нападки, понудили они коней своихъ поскорѣе бѣжать, дабы заблаговременно сыскавъ ночлегъ укрыться отъ сея непогоды. Но однакожъ намѣренія своего совершить они неускорили: буря предупредила оное, и ужасными вѣтрами и мракомъ, соединенными съ пресшрашнымъ громомъ, безпрестанными молніями, пресильнымъ дождемъ и градомъ, сокрыла отъ очей ихъ дорогу. Испужанные ихъ кони симъ безмѣрнымъ волненіемъ природы, весьма разсирѣбли, и помчались всадники въ своихъ тудъ, тудъ влекло ихъ стремленіе и страхъ. Сколько Славяне силъ своихъ ни прилагали, дабы удержать испуганныхъ сихъ живошныхъ, но они закуся удилаи разбѣжались съ сѣдоками своими въ разныя стороны. Наипаче Свѣтлосановъ конь, будучи прочихъ сильнѣе и упрямѣе, умчалъ его топчасъ у прочихъ изъ вида; и заблуждая съ нимъ въ темношѣ, носилъ его по долинамъ, горамъ и лѣсамъ, будучи непрестанно подспрекаемъ ударами грома и блистаніями молній.

На послѣдокъ , по путешествіе уже цѣлой ночи, когда буря спала утихашь , и солнечные лучи освѣщашь и согревашь землю , конь его оспановился въ пространной доли-нѣ, будучи весьма утомленъ. Свѣш-лосанъ, лишаась подобно си въ своихъ, слезъ съ коня, и пустилъ его, спрено-жа, пасшися по полю; а самъ бросивъ ся на праву, чтобъ получить себѣ ме-жду тѣмъ нѣкое отдохновеніе. Од-накожъ весьма долго не могъ зас-нуть, будучи тревожимъ мыслию о своихъ спутникахъ , и спрашася пошеряшъ ихъ въ такое время , ког-да они были ему весьма нужны. На послѣдокъ возшедшее солнце, начавъ испущать жарчайшіе лучи, и осла-бивъ утомленные его члены , склас-нило нечувствительно ко сну , ко-торый былъ ему весьма нуженъ по толикомъ его изнеможеніи.

На семъ пустомъ мѣстѣ , окру-женномъ отовсюду лѣсами , прос-паль бы онъ можешъ бышь до вечера, ежели бы не прервало его покоя слѣ-дующее сновидѣніе: представилося ему будто онъ шелъ по пространному полю, украшенному цвѣтами и ше-рніемъ,

рніемъ, во храмъ славы, который стоялъ на концѣ сего поля; и когда уже онъ оканчивалъ къ нему свой путь, какъ вылетѣвшее вдругъ изъ онаго чудовище, на подобіе изображающіяся смерти, препяло ему въ оный входъ, и бросилось на него съ остервенѣніемъ; но въ самое то время Вельдюзъ, зять сего Князя, отдернувъ его въ сторону, поразилъ сіе чудовище своимъ мечемъ. Отъ сего превожнаго видѣнія Свѣтлосанъ проснулся, и увидѣлъ около себя бѣгающаго зайца, который, посмотрѣвъ на него нѣсколько, побѣжалъ отъ него прочь, и въ шужь минушу превратясь въ соловья, улетѣлъ у него изъ глазъ. Свѣтлосанъ озрясь въ другую сторону, по причинѣ производившаго отшуда реву, увидѣлъ коня своего шерзаема двума львами, изъ которыхъ одинъ усмопря Славенскаго Князя, бросился на него стремительно, чтобъ его шерзашъ; но Свѣтлосанъ, вооружась Левсиловымъ мечемъ, укрошилъ вскорѣ его стремленіе, пресѣкши его на полы. Другой левъ, усмопря сраженіе своего товарища, кинулся ему на помощь,

помощь, но Князь ~~Дершвилъ~~ и онаго по недолгомъ его сопрошивленіи.

Избавясь такимъ образомъ отъ предстоявшей себѣ опасности, размышляя онъ долго о семъ приключеніи, и не могъ надивиться, какимъ образомъ заецъ, будучи шоль робокъ и дикъ, осмѣлился ему помочь ; но вспомнивъ о воронѣ, превратившемся въ сего рода звѣрка, началъ онъ думать, не человѣкъ ли уже какой въ шоль страннѣхъ видахъ помогаетъ людямъ , будучи самъ гонимъ , можетъ быть . Любопытію какогонибудь чародѣя. Сіе размышленіе привело ему на мысль бѣднаго Вельдюзя, Видостана, и прочихъ бѣдствующихъ отъ злобнаго Карачуна. При воспоминовеніи ихъ гореснь объяла его сердце: онъ просперся по землѣ, принося молитвы опечесивеннымъ своимъ Богамъ ; а наипаче Чернобогу, покровищелю своему Во время сея его молитвы, услышалъ онъ слѣдующій къ себѣ гласъ: Мужайся и держай! Сей Божесивенный голосъ вселилъ въ него паки ослабшую его бодрость: онъ паки просперся, и принесъ благодареніе ниспославшему сіи слова.

По окончаніи сей молитвы поше въ оубъ въ ту сторону, въ конурвию полешбавъ соловей, превращающейся и въ зайца. Цблый день онъ не ѣвъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ, попавшихся ему на пуши, древесныхъ плодовъ. Ночь претроводилъ онъ въ лѣсу, претвожимъ будучи непрестанно листыми звбрями. И такъ препроводя ее весьма худо, шелъ онъ другой и третей день безъ всякїя почти пищи. На конецъ начетвершой уже день, будучи весьма утомленъ и обезсиленъ, усмотрѣвъ онъ вдали замокъ, и весьма былъ тому радъ, уповая въ немъ найши себѣ спокойное отдохновение отъ претперпбныхъ имъ трудовъ.

Подошедъ поближе къ оному, увидѣвъ онъ на воротахъ сего замка того же самаго свѣпюзарнаго Духа, который его избавилъ отъ Карачуна. При видѣ оного свѣпосанъ предъ нимъ палъ ницъ на землю, а духъ изрекъ къ нему слѣдующее.

Здѣсь смерти оубъ,
Жилищъ - при :
Будь, смершный, бодръ,
Или умри.

Проговоря сіе Духъ сталъ невидимъ, а Свѣтлоеланъ остался разсуждать о его прореченіи. Онъ былъ въ недоумѣніи о словахъ его, которыя грозили ему смертію въ семъ замкѣ, ежели не будетъ онъ бодръ: онъ заключилъ изъ сего, что должно шуть скрывашься важной тайносною, которую весьма желалось любопытству его увѣдать. Пришло ему на мысль, что могутъ шуть быть заключенны сродственники его либо друзья; вспомнилось ему и прорѣченіе Чернобогово, что онъ не иначе достигнетъ до окончанія бѣдствъ, какъ по пути напасшей, и предводительствомъ неуспрашимости. И такъ вообразя все сіе, и вооружась всею своею храбростію, предпріялъ еступитъ въ замокъ, и познать его тайносна, во чтобъ поему ни спало.

По приходѣ его въ замокъ, мѣдныя онаго ворота заговорились за нимъ сами съ превеликимъ скрипомъ и стугомъ; послѣ чего увидѣлъ онъ по всему двору премножество людей, разнаго народа, въ разнообразныхъ положеніяхъ: иные изъ нихъ

были удивлены, другіе испужан-
 ны, прешы и той и другой стра-
 спи имѣли на лицѣ своемъ знаки; а
 нѣкоторые казались призывающими
 Небо къ себѣ на помощь. Свѣплосанъ
 подошедъ къ первому изъ нихъ, хо-
 тѣлъ отъ него увѣдать причину
 страннаго сего зрѣлища, но на-
 шелъ его окаменѣнна. Онъ обра-
 шился къ другому, но и того на-
 шелъ въ такомъ же состояніи; и
 напоследокъ увидѣлъ, что они всѣ
 были камни, сохранившіе челоуѣче-
 скій видъ. Сіе его удивило, одна-
 кожъ не привело въ робость. Но ко-
 гда онъ прошелъ нѣскольکو по дво-
 ру, то всѣ сіи окаменѣнные люди
 учинили за нимъ превеликій шумъ
 и гаркъ: иные изъ нихъ плакали,
 другіе смѣялись надъ нимъ, а пре-
 шы кричали: Постой! постой! оста-
 нопись! ахъ! погибъ бѣдный! И нѣ
 вопили: у! у! е! а! и ругали его вся-
 кими бранями, осмѣхая и усмрашая.
 Однакожъ всѣ сіи вопли не могли
 его совершенно усмрашить, хотя
 и дали ему видѣть, что онъ нахо-
 дился въ ужасномъ мѣснѣ. Онъ
 остановился на нѣскольکو, и при-
 неся

неся молитву Богамъ , обнажилъ свой мечъ , и продолжалъ свой путь въ предстоящія поляны , вознамѣрясь на все отважиться , ежели пошребуетъ нужда . Къ сему его побуждало наиболѣе сѣе , что онъ надѣялся сыскать въ семъ замкѣ сестру свою , или зятя , либо кого нибудь изъ своихъ пріятелей .

По приближеніи его ко крыльцу , услышалъ онъ исходящее изъ покоевъ сипенаніе и вой , и вскорѣ за ними свистъ и вопль преужасный ; когда же вступилъ онъ на крыльцо , то въ двери , ведущія съ онаго въ покой , повалилъ на него густой и смрадной дымъ . Свѣтлосанъ , призывая непрестанно имя Чертобогово , простеръ свой мечъ , и вступилъ въ первую комнату : она вся наполнена была премножествомъ разнообразныхъ уродовъ съ прегнусными харями . Какъ скоро они его увидѣли , то и завывали всѣ пресипрашными и скаредными голосами , крича ему со всѣхъ сторонъ : Куда ты , несмысленный . идишь ! Возвратись назадъ : здѣсь преддверіе ада . Ежели ты осмѣлишься пойти еще далѣе , то

К 2

нисла-

ниетаденѣ пѣ пылающую Геенну, Бѣги скорѣе отсюду. Выговорилъ сіе брѣвѣлихъ они на него со всѣхъ сторонѣ, и начали его шеребишь и уязвляшь отовсюду; съ начала пришедь было Свѣплосанѣ въ робосиль, но уязвленія ихъ возвратили ему сердце и смѣлость: онѣ началъ поражать своимъ мечемъ окружающихъ его уродовѣ, которые мало по малу отѣ него разсыпаясь, вдругѣ всѣ исчезли.

Сіе возвратило ему прежнюю его бодрость; онѣ увидѣлъ, что мечъ его можетѣ всему сопротивляться; чего ради принесся паки молишву Чернобогу, пошелъ далѣе. По разшвореніи впорыя комнашы, увидѣлъ онѣ, что всѣ ея стѣны и пошолокѣ увѣшаны были змїями и чудовищами, а полѣ усыпанѣ пепломѣ, и полустгорѣвшими челоуѣческими косями. Какѣ скоро чудовища его усмотрѣли, то и начали на него всѣ зїять пламенемѣ, поднявѣ преужасный скрежетѣ, ревѣ и свистѣ, наподобіе клокошу и журчанія огнедышущія горы. Славенскій Князь, имѣя въ рукахѣ обнаженный Левсиловѣ

схвативъ мечь , и надѣясь и ихъ разогнашь подобно , вошелъ безбоязненно и въ сію комнату ; но едва не лишился онъ шуй своей жизни. Пламя , которое испустили на него зѣби и чудовища , обхватило его со всѣхъ сторонъ , и онъ оповсюду началъ гореть : и ежели бы , въ семъ опасномъ приключеній , храбросшь его хотя на минуту совсѣмъ его оставила , то погибъ бы онъ шуй опъ пламени ихъ мгновенно. Но по счастію его , и помощію Чернобога , сохранилъ онъ и въ семъ ужасномъ случаѣ колеблющуюся свою бодрость : и будучи терзаемъ оповсюду огнями , непреставалъ поражать мечемъ нападавшихъ на него чудовищей , и на превеликую силу наконецъ ихъ разогналъ. Тогда то онъ позналъ , что естлибъ не одаренъ былъ отъ Чернобога силою и храбростію , и не вооруженъ Левсиловымъ мечемъ , то погибъ бы шуй конечно.

Сіи два побойща , присовокупясь къ придневному его гладу , весьма ослабили его силы , и уменьзили его бодрость : онъ уже началъ и сум-

и вѣвасься преодолѣть сїи адскїя
спражи , и хотѣль возвратишься
назадъ; но въ самое то время услы-
шалъ гласъ, ободряющій его на до-
вершеніе предпрїятаго имъ дѣла.
Сей небесный голосъ оживотворилъ
унылое его сердце : бодрость его
укрѣпилась, и полученныя имъ ра-
ны не стали ему чувствительны.
Онъ воздалъ благодареніе подкрѣп-
ляющему его Божеству, и обѣщаль
безропотно ему повиноваться.

Въ слѣдствіе чего, принявъ паки
твердое намѣреніе до конца изслѣ-
довать сїю тайну , отворилъ онъ
безбоязненно двери прешей комна-
ты: стѣны ея и полъ были желѣз-
ныя , раскалены на подобіе горяща-
го угля. Какъ только Свѣтлосанъ,
отворя ея , и неразсмотря еще со-
вершенно , занесъ ногу , чтобъ въ-
нее вступить, то въ самое то мгнове-
ніе полъ обрушился, и намѣсто она-
го выступило зїяющее пламя , по-
добно исходящему изъ огнедышу-
щїя горы; и въ тошь же мигъ вы-
летѣвшій изъ глубины сея пропа-
сти пламенный крокодилъ , рази-
нувъ широшія свои челюсти, устре-
мился

нился на Свѣтлосана , и хотѣлъ
 его проглотить однимъ зѣвомъ. Но
 ободренный сей Князь небеснымъ
 гласомъ , въ самой топъ мигъ вон-
 зилъ ему въ пасть свой мечъ: стра-
 шилище заспенало и изчезло, а ком-
 ната изъ самыя спрашныя учинилась
 весьма великолѣпно украшенною. При
 семъ пріятномъ видѣ Свѣтлосанъ на-
 болѣе еще ободрился, и отдохнувъ въ
 ней нѣсколько , безъ всякїя уже робо-
 сти пошелъ въ чепверную полату.
 Сїя была всѣхъ прочихъ несказан-
 но проспаннѣе и преужаснѣе : она
 заключала въ себѣ несмѣтное мно-
 жество спрашилищъ , на копорыхъ
 взираніе навлекало смотрящему не-
 избѣжимую смерть ; но всѣхъ ихъ
 ужаснѣе былъ прегрозный Исто-
 линъ, вооруженный препяжкою же-
 лѣзною дубиною съ шипами. Какъ
 скоро сей извергъ естества уви-
 дѣлъ идущаго въ полату Славен-
 скаго Князя , то возопивъ преужа-
 сно , и приподнявъ ужасную свою
 палицу, хотѣлъ ею сразить Свѣт-
 лосана ; но юный Князь предуско-
 ривъ сей ударъ , вонзилъ самому
 ему въ сердце свой волшебный мечъ.

Спозналище упало и исчезло, и все съ нимъ въспѣ окружавшія его чудовища: ужасная полата въ пужь минушу превратилась въ великолѣпную залу, а намѣсто прегнуснаго Исполна предстала прекрасная женщина въ бѣломъ одѣянїи.

Она постоявъ нѣсколько въ молчанїи, какъ будтобы собирала разсѣянный свой разумъ, бросилась потомъ предъ Свѣплосана на колѣни, и проливая радостныя слезы, возопила къ нему: великодушный и неустрашимый Герой! Чѣмъ мнѣ воздашь за великое твоеблагодѣяніе? Ты освободилъ меня отъ пакого очарованїя, надъ которымъ цѣлый адъ я чаю трудился. Государыня моя, отвѣщивала ей Князь подымая ее, не мнѣ, но Богамъ должна ты благодарить за сіе избавленїе, ибо, ежели бы не ихъ рука и меня въ семъ дѣлѣ предводила, то и я бы погибъ здѣсь невозвратно. Но скажи мнѣ, государыня, продолжалъ онъ, кто тебя заключилъ въ ужасное сіе жилище? Карачунъ, отвѣщивала она. Карачунъ! возопилъ удивленный Князь. Праведные

ные Боги ! доколѣ попустите вы се-
му чудовищу пиранствовать надъ
бѣдными человѣками? Сей же самый
злодѣй , государыня , продолжалъ
онъ къ ней , и меня лишилъ сестры
и зятя, кошорыхъ я ищу весьма
уже давно. А какъ называется сей
зять, спросила его поспѣшно жен-
щина? Вельдюзь , Полошскій Князь,
отвѣтствовалъ ей Свѣтлосанъ. Ахъ,
государь! вскричала она : онъ то и
приключилъ мнѣ сію напасть , отъ
коея ты меня избавилъ; но я на не-
го не жалуясь : онъ самъ въ этомъ
не виноватъ, и посрадалъ можетъ
быть жесточе еще и меня отъ на-
шего злодѣя. Такъ ты супруга Ле-
всилова, перехватилъ рѣчь ея Князь?
Такъ, отвѣтствовала Превраша; но
ты почему знаешь , государь, не-
счастливаго моего мужа? Тогда Свѣ-
тлосанъ разсказалъ ей вкратцѣ ис-
торію Руса , и свои приключенія
соединенныя съ онымъ. Ахъ , госу-
дарь! сказала тогда Превраша , по
словамъ твоимъ хопя Русь не столь
виноватъ, какъ я мнила, но только
онъ всѣмъ нашимъ напастямъ при-
чина; однакожъ я ему простуюю
К 5 его

ого прощаю; можетъ статься былъ онъ только орудіемъ Божескаго на насъ гнѣва.

Въ семь мѣсѣвъ ихъ разговора, прервала ихъ бѣсѣду толпа оживленныхъ людей, вошедшихъ въ комнату: они все пали на землю предъ Свѣтлосаномъ, принося ему свою благодарность за избавленіе ихъ отъ очарованія. Они были все разнаго сословія, и разныхъ земель люди, и по случаю путешествія ихъ зашли они въ сей замокъ, надеясь сыскать въ немъ гостиницу; но вмѣсто оной обрѣли было смерть. По объявленію ихъ, какъ только кто изъ нихъ входилъ на дворъ замка, и будучи устрашенъ шумомъ, производившимъ отъ очарованія хотѣлъ бѣжать назадъ со двора, но въ самое то время становился окаменѣннымъ. По сказкамъ ихъ, весьма не многіе изъ нихъ доходили до второй комнаты; а которые были столь дерзки, тѣ погибали бѣдственно отъ зіяющихъ пламенемъ чудовищъ. Мы всечасно претерпѣвали мученіе, говорили они, хотя были и окаменѣны; ибо мы сохра-

няли

идали всѣ чувства, хотя и не могли
ими дѣйствовать. Люпныя спраши-
лиши сего замка повсеночно мучили
насѣ жесточайшимъ образомъ; и мы
всечасно молили Боговъ послашь
намъ либо смерть, либо избавителя.
Теперь они молитву нашу испол-
нили, пославъ тебя къ намъ на из-
бавленіе, неустрашимый незнакомецъ.
Ся милости твоей, продолжали
они, во вѣки мы не забудемъ.

Послѣ сего бросилсѣ они опять
къ ногамъ Свѣтлосановымъ, копорый,
сѣ своей стороны, обласкавъ ихъ
сколько возможно наилучше, про-
силъ госпожу замка, чшобъ она за
участіе ихъ въ ея зоключеніи
угоспила ихъ, и поправила, сколь-
ко возможно ей, понесенные ими
убытки. Преврапа сѣ великою охо-
пою на предложеніе его согласилася,
и приказала своимъ служителямъ,
копорые подобно были очарованы, и
предспали предъ нее совокупно сѣ
прочими людьми, пригопвишь для
всѣхъ изобильный столъ.

Между тѣмъ просила она сво-
ихъ гостей, чшобъ они во ожида-
ніи обѣда успокоилсѣ, гдѣ кому
угодно

угодно будетъ; а Свѣтлосану предложила удалиться съ нею во особливую комнату, обѣщая разсказать ему приключеніе своего очарованія, а отъ него узнать объ его повѣсти. Славенскій Князь охотно на желаніе ея согласился, и послѣдовалъ за нею въ ея кабинетъ, гдѣ и начала она сперва разсказывать ему свои приключенія отъ начала ихъ, упоминая кратко объявленное уже объ ней Русомъ и Вельдюземъ. Послѣ чего продолжала она слѣдующимъ порядкомъ.

По свершеніи лютаго своего мщенія, говорила она Свѣтлосану, надъ несчастнымъ своимъ зятемъ, Карачунъ, сей гнусный извергъ природы, сказалъ обращаясь ко мнѣ: а ты, неблагодарная! претерпишь отъ меня спокрашъ лютейшее сего наказаніе; но не за вспоможеніе свое сему бѣдному Полочанину, а за презрѣніе любви моей къ тебѣ. Недошайнаго твоего мужа наказалъ уже я такъ, какъ должно за его гордость и дерзость противу меня, а тебя оставялъ въ покоѣ до сихъ поръ для того только, ящо не имѣлъ еще

еще въ рукахъ у себя способа при-
коснуться къ проклятому своему
ожерелью; а теперь ошмстятъ твор-
цамъ онаго, вымучилъ изъ нихъ спо-
собъ прикасаться къ нему безвредно.
Проговоря сѣ схватилъ онъ меня
св остервенѣніемъ за ожерелье, и
приподнявъ ударилъ о полъ, сказавъ
сѣи слова: презрапсь во образъ ужа-
снѣйшій сего, какой теперь я имѣю,
и пребудь въ немъ по тѣхъ поръ,
пока не умертвишь тебя лютое ору-
жіе твоего мужа. Имѣй неистовое
желаніе убивать всѣхъ приходя-
щихъ на избавленіе къ тебѣ; а
чтобъ мученіе твое сравнялось мо-
ему, какое я отъ тебя чувствовалъ,
то да превратится веселое твое
жилище во образъ адскихъ пещеръ,
коего жителѣмъ препоручаю я сѣ
дѣло. Вотъ какъ люто, примолвилъ
онъ, опомщаетъ себя раздраженна я
любовь.

Окончавъ свою рѣчь, топнулъ
онъ въ полъ ногою, и засвисавъ
преужасно, провалился сквозь со всѣ-
ми своими прислужниками. Послѣ
чего изъ отверстія учиненнаго имъ
поднялся густой дымъ, смѣшанный
св

сѣ пламенемъ, и неизсчешнымъ мно-
жествомъ чудовищъ, какихъ я отъ
рожденія моего не видывала. Сѣ-
смѣшеніе адскихъ спрашлицъ,
измучивъ меня на люпѣйшимъ обра-
зомъ, помѣшало весь мой разумъ,
и превращенной Карачуномъ въ
прегнуснаго Исполна, дали мнѣ
въ руки палицу, всея въ меня
бешенство убивать всѣхъ попадаю-
щихся мнѣ. По семъ адскомъ дѣй-
ствіи наполнили они весь мой домъ
преужаснѣйшими привидѣніями и
спрашлицами, заграждая такимъ
образомъ ко мнѣ путь смертныхъ.
Но моя комната наполнена была ими
столько, сколько, я чаю, и въ самой
безднѣ ихъ не скоплялось. Они меня
терзали всякой день на мучитель-
нѣйшимъ образомъ, и жизнь мою
содѣлали мнѣ люшѣе самыя смерти.

Вотъ, неуспрашимый Князь, про-
должала Преврата, отъ какихъ на па-
спей избавила меня швоя храбрость.
Одолженіе швое почишаю я больше
всякаго благодѣянія ты меня освс-
бодилъ отъ свирѣпостей цѣлаго
ада, копорый я чаю надъ первой
надо мною совершилъ такія люшосци.
Свѣш-

Свѣтлосанъ по оказаніи своего удивленія о шолкихъ чудесностяхъ, и по возблагодареніи Богомъ за ея избавленіе, разсказалъ ей потомъ, по ея прозвѣ, и свои приключенія, по окончаніи коихъ присовокупилъ онъ свое сожалѣніе о спутникахъ своихъ, прося Преврашу послати нѣсколькихъ людей по разнымъ дорогамъ, для сысканія ихъ. Она весьма охотно обѣщалась ему въ томъ услужить, и тогожъ часа позвавъ нѣкоторыхъ изъ своихъ служителей, приказала имъ ѣхать по разнымъ путямъ, и искать Славянъ. Я уже теперь, подобно прочимъ людямъ, говорила Превраша Князю, принуждена естественною и помощію чело-вѣковъ исправлять всѣ мои дѣла и нужды; ибо лютой Карзчунъ, по очарованіи моемъ, опіялъ у меня всѣ способы къ произведенію чего нибудь чрезъ естественнаго. Но я о семъ не сокрушаюсь, примолвила она: знаніе мое въ Кабалистикѣ употребляла я къ единому только моему удовольствію, и къ вспомошествованію несчастнымъ, что и нынѣ могу я дѣлать, имѣя къ тому довольно есте-

естественныхъ способевъ. Желанія свои весьма похвальны, государыня, сказалъ на то ей Князь: а кто имѣя и сильное могущество, но употребляетъ его во зло челоуѣкамъ, тошъ не шокмо онаго, но и жизни не достоинъ; и непременно наконецъ поспраждешь лютою казнію, гоповимою ему Небесами.

По окончаніи ихъ разговора, пришли имъ объявить, что споль уже готовъ. Преврата вспавъ просила Свѣтлосана слѣдовать съ нею въ столовую комнату; чтобъ съ прочими избавленными имъ, окончить пированіемъ претерпѣнныя ими бѣдствія. Князь ей послѣдовалъ, и по приходѣ ихъ въ столовую, нашли они всѣхъ госпей гоповыхъ уже къ празнованію своего воскресенія. По первой прозбѣ съли они всѣ за споль, за которымъ всякой изъ нихъ старался доказать, что онъ весьма долгое время не ѣлъ и не пилъ. Споль продолжался весьма долго, и окончился веселымъ пѣніемъ сопиршествующихъ. При окончаніи стола, Преврата предложила своимъ гостямъ опужинать и ночевать у нее,

у нее, и ѿхашь уже на другой день куда кому пошребно. Всѣ они съ охотою на сѣе согласились; и ужинѣ ихъ былъ веселѣе еще и обѣда. На другой день преврата, одаривъ ихъ всѣхъ весьма щедро, оппустила ихъ отъ себя чрезвычайно довольными.

Славенскій Князь оспался у нее въ замкѣ, ожидая своихъ сопутниковъ, которые чрезъ нѣскольکو дней съ посланчыми за ними и возвращались. Свѣплосанъ весьма былъ обрадованъ ихъ возвращеніемъ: онъ ихъ всѣхъ представилъ Превратѣ, препоручая ихъ въ ея дружбу, а наипаче прося ее простишь Руса въ погрѣшеніи его предъ нею и Левсиломъ. Тогда Варягъ палъ ей въ ноги, присовокупляя и свои прозбы и извиненія къ Свѣплосановымъ. Я уже сказала тебѣ, говорила Преврата Свѣплосану, что я ему все прощаю, поштому что онъ не отъ злодѣйства къ намъ ето учинилъ, но отъ ослѣпленія; и еще болѣе хитроу коварнаго обмана мрачнаго ча родѣя.

По примиреніи ея такимъ образомъ съ Варягомъ, начали они по-

иомъ всѣ совокупно веселились ; такъ какъ наилучшіе пріятели. Веселіе ихъ продолжалось нѣскольکو дней , по окончаніи коихъ Свѣшлосанъ предложилъ своимъ сопутникамъ , что время уже имъ отправиться въ подлежащій путь , что они всѣ и подтвердили. Напрошивъ того Преврата намѣреніемъ симъ весьма была опечалена : она видѣла въ нихъ , а наипаче въ Свѣшлосанъ , искреннихъ себѣ друзей ; но впрочемъ не могла она справедливо прошившись законной причинѣ , побуждавшей ихъ къ тому. Съ великимъ сожалѣніемъ на конецъ согласилась она на ихъ отбѣздъ , прося Славенскаго Князя вспомнить объ ней , и ея мужѣ , когда онъ будетъ въ состояніи имъ помочь. Свѣшлосанъ съ своей стороны обѣщалъ ей приложить всѣ свои старанія , подать помощь Левсилу , ежели онъ въ живыхъ еще находится ; прося при томъ не поспавить ему въ худо , что онъ не возвратилъ ей волшебнаго меча ея мужа , который въ предпріятіи его весьма ему нуженъ. Преврата напрошивъ того выговаривала

ривала ему съ ласкою , что онъ
возвратя ей жизнь , драгоцѣннѣй-
шую тысячу кратъ требуемой имъ
вещи , извиняется ей въ такой ма-
лоспи , которая ей ни къ чему уже
болѣе не нужна . По семъ друже-
скомъ словопреніи они распались ,
обѣщавъ другъ другу вѣчную дру-
жбу .

Выѣхавъ изъ ея замка , направили
они путь свой къ Индѣйскому мо-
рю , по которому вознамѣрились они
ѣхать въ Африку и Египетъ , и въ
прочія ошпуду мѣста , въ коихъ
находились славныя Боговѣщалищи .
Во время своего путешествія раз-
суждали они о всѣхъ шѣхъ при-
ключеніяхъ , которые съ ними слу-
чились : и не могли надивитъся ,
какъ Боги , будучи шоль правосуд-
ны , и показывшіе добродѣтельнаго
Богослава за единое позволѣніе пое-
динка , а Вельдюзя за показаніе без-
человѣчной своей храброспи , опу-
скающъ безъ наказанія гнуснаго Ка-
рачуна , мучащаго всѣхъ попадаю-
щихъ ему въ глаза . Долго бы они
о семъ разсуждали , еспльибъ Свѣп-
лосановъ конь споткнувшись , не сро-
нилъ

днѣ. его съ себя, и не пресѣкъ шѣмъ
ихъ размышленій. Всѣ сослуживки
сего Князя бросились ему помогать,
и всѣ вмѣстѣ увидѣли камень, о
который запнулся конь, и на коемъ
слѣдующее начертано было настав-
леніе.

О слабый смертныхъ умъ, покрытый
вѣчнымъ мракомъ,
Взирающій на всѣ пристрастнымъ брени-
мымъ зракомъ:
Тебѣ испытывать судьбы Владыкъ
Небесъ,
Коль умствованій ты своихъ не дости-
гаешь;
И буйство въ нихъ твое явишь всегда
превѣсью.
Смирися, и оставь, чего не понимаешь.

Прочитавъ сіе Славяне, пали
лицѣ на землю, прося прощенія у
Небесъ въ преступныхъ своихъ раз-
мышленіяхъ, послѣ чего облобыза-
ли они камень, почитая его свя-
щеннымъ, и мня, что небесная
рука нарочно для нихъ начертала
еѣ наставленіе, чтобъ научить ихъ

безропотно

безропотно повиноваться своему предѣлу.

По семѣ паки сѣвъ на коней, продолжали свои путь, говоря уже о пакихъ вещахъ, которыя не касались до промысла судебъ. На послѣдокъ, по нѣсколькихъ дняхъ своей ѣзды, прѣѣхали къ небольшому городу, споявшему подлѣ моря. По приближеніи ихъ къ оному, увидѣли они мѣщуюся толпу людей на берегу морскомъ, изъ коея нѣсколько человекъ приготавливали судно. Когда Индіяне увидѣли прѣѣхавшихъ къ себѣ Славянъ. То и начали ихъ просить усиленно подать имъ помощь въ погонѣ, которую собирались они учинить за морскимъ разбойникомъ, похищившимъ у главнаго судьи сего города дочь, которая вышла съ своими подругами и служительницами на берегъ прогуляться.

Славяне, а наипаче Свѣтлосанъ, охотно склонились на ихъ прозьбу, и сѣвъ въ приготовленный спружокъ, погнались за похищившемъ. Чрезъ нѣсколько часовъ достигли они разбойническое судно, и учинили

нили на него нападеніе. Разбойники сдѣлали храбрый отпоръ, а особливо ихъ ашманъ, который превышалъ всѣхъ ихъ своею дерзостію: онъ бросался съ остервенѣніемъ на Славянъ, старавшихся поймать его живаго, чтобъ учинить надъ нимъ достойную казнь въ примѣръ прочимъ подобнымъ ему злодѣямъ. Какъ скоро Останъ на него взглянулъ, то и узналъ въ немъ того самаго вора, который похищилъ у него Сандаліи. А! злодѣй! вскричалъ онъ къ нему: наконецъ я тебя нашолъ, чтобъ воздать тебѣ достойную казнь за бездѣльническій твой съ нами поступокъ. Разбойникъ обращенный сими словами на Остана, и самъ узналъ его; и будучи угрызень совѣстію и сиражомъ при его зракѣ, пришелъ въ пущее остервенѣніе, (обыкновенное слѣдствіе движеній незаконныхъ душъ;) и напустилъ на Древянина, мня успокоить угрызеніе своей совѣсти умерщвленіемъ свидѣтеля своего пресупленія. Но присовокупившіися къ Остану, прочіе Славяне, учинили бѣшенство его шцещенымъ;

нымъ; и одинъ только бѣдный Русь отъ него поспрадалъ, будучи пораженъ саблею, и сверженъ въ море отъ сего злодѣя.

На конецъ сей варваръ, видя изнеможеніе своихъ соповарищей, и не надѣясь успѣха въ своей оборонѣ, бросился въ каюшу, гдѣ заключена была похищенная имъ дѣвица, и схватя ее въ беремя, поднялся съ нею на воздухъ, будучи вспомошествоемъ украденнымъ у Оспана Сандаліями; и въ весьма короткое время убѣжалъ у всѣхъ изъ вида. Оставшіе разбойники, видя побѣгъ своего начальника, и лишась надежды опибиться, сдались нападающимъ, прося помилованія своей жизни. Но раздраженные Индѣйцы злодѣйствомъ ихъ атамана, унесшаго дѣвицу, перерубили безъ милосердія ихъ всѣхъ, и покидали въ воду.

Учинивъ такимъ образомъ кровавое отмщеніе злодѣямъ, и причаливъ ихъ стружокъ къ своему, возвратился онъ съ Славянами въ городокъ. Отецъ похищенной дѣвицы, который по причинѣ глубокой своей старости не могъ за разбойниками гнашья;

гнѣвѣся, ожидалъ ихъ на берегу со
всѣми своими родствениками, волну-
ясь между страхомъ и надеждою.
При видѣ привязаннаго разбойничес-
каго спружка всѣ они закричали
радоснымъ гласомъ, который, по
приваленіи судна къ берегу, премѣ-
нился въ плачь и рыданіе, когда об-
явлено было охъдъ свѣе погони: Свѣп-
лосанъ спарался сколько возможно
упѣшишь бѣднаго спарика, который
наче всѣхъ рвался о похищеніи сво-
ей дочери; но таковыя несчастія
единое токмо время приводитъ въ
забвеніе.

По семъ печальномъ приключе-
ніи, не долго пробылъ Свѣплосанъ
въ семъ мѣстѣ; но нанявъ порядоч-
ное судно для мореплаванія, пу-
стился въ море съ послѣдовавшими
ми своими. Плаваніе ихъ даже до
равноденственныхъ чертъ довольно
благополучно было; но при подѣз-
дѣ къ оной тихая погода перемѣ-
нилась, и вѣтры начали возмущать
гладкія воды. Вскорѣ похвистъ,
Божество бурливыхъ вѣтровъ, явил-
ся на воздухъ, горя спадомъ мрач-
ныя и густыя облака, которыя раз-

разпростираясь по Горизонту, запы-
мили сїянїе блестящаго Свѣшова, и
преобразили день въ ночь. Ужас-
ный громъ и безпрестанныя молніи
прїумножали свирѣпость бури, и
страхъ пловцовъ; а развѣренныя вол-
ны, воздымая ихъ къ небесамъ, низ-
вергали до жилища Нїи, подземнаго
Царя. Свѣдая пѣна вїяся клубами,
окружала корабль со всѣхъ сторонъ,
и ввергаяся въ него свалами, усп-
рашала плывающихъ неизбѣжнымъ
ушопленїемъ. Къ довершенїю напаси,
неукрощимые сыновья вѣтра сломивъ
щеглы, и оторвавъ кормило, повесели
корабль по пространству моря, кру-
пя и порывая его по глубокимъ и
высокимъ валамъ. Ужасъ и
темнота опіяли присудствїе разу-
ма. Бодрость и силы у кормщика и
мореходцовъ: всѣ кричали и пове-
лавали, но никто не исполнялъ по-
велѣннаго. Одинъ Свѣшлованъ и со-
путники его сохраняли бодрость,
вспомоществуя повсюду, и ободряя
мореплавателей. Но на конецъ по-
слѣдній и свирѣпѣйшій всѣхъ валъ,
опыля послѣднюю у всѣхъ наде-
жду, повергнувъ корабль на под-
водный

водный камень, и раздробивъ его на розно обь оный.

Въ сію ужасную минушу несчастливѣйшіе погрязли потчасъ во глубинѣ морской, а прочіе, ухватясь за разломанныя части корабля, предались волнамъ, полагаяся на волю Боговъ. Въ семъ числѣ спасшихся находился и Свѣтлосанъ: при разпорженіи корабля попался ему въ руки большой онаго ошломокъ, за кошорый онъ ухватясь, предался свирѣпости моря. Разъяренныя волны понесли его съ великимъ стремленіемъ по пространству водъ, и на послѣдовъ, ушомивъ его несказанно, привели въ безпамятство, и почти окаменѣніе. Въ семъ жалостномъ состояніи, выбросили его воды на пусшой и каменистый островъ, въ самую глухую полночь. Отъ причиненнаго удара симъ изверженіемъ Свѣтлосанъ нѣсколько опамятовался; но избавясь отъ страшнаго зрѣлища свирѣпствующаго моря, не напріятнѣйшее попалъ онъ мѣсто. Посредствомъ блистающія молніи, увидѣлъ онъ прескрасныя высокою и положеніемъ горы, покрывыя

крытыя дремучими лѣсами ; пологую землю, усыпанную всю камнями; причемъ ревъ и вой свирѣпыхъ звѣрей совокупясь съ пресильнымъ визжаніемъ вѣтровъ, ломавшихъ и испоргавшихъ съ кореньями деревья, предспавилъ ему сію страну ужаснѣе и самаго моря. Дрожаніе и хладъ, обвязшія его тѣло, ужасъ отъ непреспанныхъ сверканій и грома, и лишеніе ошовсюду помощи, поколебали весьма его бодрость : онъ бросился на колѣни, что бы принести молитву Богамъ, на коихъ ему тогда послѣдняя осталась надежда; но въ самое то время опорванный вихремъ камень, съ висѣвшія надъ нимъ стремнины, поразилъ его споль сильно, что онъ упалъ безъ памяти.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СЛАВЕНСКІЯ
ДРЕВНОСТИ,
ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНІЯ
СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Сочиненіе
Михайла Попова.

Часть III.

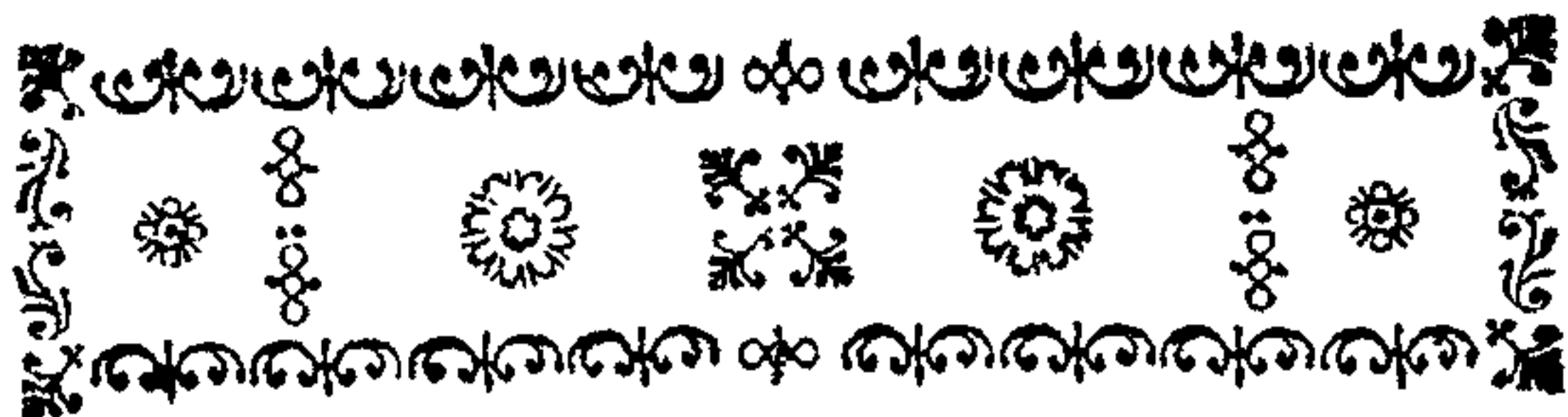
Ж. У. Ж. У.

Въ Санктпетербургѣ

1771 года.

СЛАВЕНСКІЯ ДРЕВНОСТИ, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНІЯ СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

ооооо ооооо

П Огруженный симъ жесто-
кимъ ударомъ Свѣтлосанъ
въ безпамятство, и почпие
въ смертное безчувствіе, пролѣ-
жалъ на семъ каменистомъ берегу
до совершеннаго восхожденія солн-
ца, которое благопворными своими
лучами мало по малу возвратило
ему на послѣдокъ чувство. Онъ раз-
творилъ смутные свои глаза, и
осматриваяся во всѣ стороны, на
силу могъ вспомнить, гдѣ онъ на-
ходится. Сіе воспоминаеніе и осла-
бленіе тѣлесныхъ силъ, погрузили

Часть III. А 2 его

его въ глубокое размышленіе, которое, представляя ему постепенно всё его бѣдственныя приключенія, ввергло было наконецъ въ уныніе. Князь примѣшивъ, что сей ядъ разливается весьма быстро по его жиламъ, вооружился всеми оставшими силами своея бодрости, и принесъ молитву Богамъ, возспалъ, и предавъ себя ихъ волѣ, вознамѣрился всё бѣдствія свои сносить великодушно. Въ семъ намѣреніи будучи предпріять онъ осмопрѣлъ весь островъ, ласкаясь нѣкоторою тайною надеждою, получить на немъ благополучное окончаніе своему странствованію.

Ободренный сими мыслями, прошелъ онъ великій округъ каменистаго берега, и пришелъ на послѣдокъ на плодоносное мѣсто, коего пріятный видъ бодрость его умножилъ. Лугъ покровенный многоразличными и благовонными цвѣтами, деревья обремененныя прекрасными плодами, приманили къ себѣ его взоры: онъ сорвалъ нѣсколько плодовъ, копорыхъ пріятный вкусъ и запахъ, услаждая его чувства,

чувствы,

чувствуя, подали ему новые силы. Свѣтлосанъ получа отъ сего наиболѣе надежды къ лучшему впередъ, возблагодарилъ Богомъ., и увеселяясь симъ лестнымъ упованіемъ, началъ онъ прохаживаться въ сей благовонной долині, наслаждаяся пріятными ея предметами. По нѣсколькихъ минутахъ его прогуливанія, пришелъ онъ на прелестнѣйшее и того мѣсто, и когда взоры его по немъ обращались, то представилось ему зрѣлище весьма не сомнѣстное съ пріятносціями мѣста. Ето былъ человекъ лишь только разперзанный звѣремъ: спенанія его привлекли къ нему Свѣтлосана, который желалъ ему подашь помощь, ежели осталось какое къ тому средство. Но какое было его удивленіе, когда онъ въ семъ человекѣ увидѣлъ того разбойническаго ашамана, который, будучи рабомъ, укралъ у Оспана Сандаіи, и съ которымъ онъ сражался на морѣ за похищенную имъ дѣвицу: Но при плачевной участи сего бѣдняка, гнѣвъ его уступилъ мѣсто сожалѣнію: Свѣтлосанъ хотѣлъ ему

помочь перевязаніемъ ево ранъ. Великодушный незнакомецъ ! Сказалъ ему разбойникъ помнымъ голосомъ, труды твои напрасны : смерть мою ничто уже удержать не можетъ ; сами Боги ею меня наказуютъ за мои злодѣйства. Но благодарю ихъ, что при послѣднемъ моемъ концѣ послали они ко мнѣ тебя свидѣтелемъ моего раскаянія. Сними съ меня, примолвилъ онъ, драгоценныя сіи Сандаліи, копорыя похищилъ я у Древянина, и возврати ему ихъ; а меня оставь пожирати моею смертию. По сихъ словахъ, умножившихъ ево изнеможеніе, началъ онъ ослабѣвать смертельно, и вскорѣ лишился жизни.

Свѣтлосанъ удивляясь правосудію Неба, воздалъ благословеніе неизпытаннымъ ево судьбамъ, и по семъ приступилъ ко исполненію завѣщанія умершаго. Въ снятыя съ него Сандаліи разсудилъ онъ самъ обуться для всякаго нечаяннаго случая, предпріавъ возвратити ихъ Остану, ежели Небо соблаговолитъ еще его увидѣти жива. Потомъ съскавъ яму, положилъ въ нее мертвое

твое

твое шѣло, и замешалъ всеѣмъ шѣмъ, что ему способное къ тому попалось. Воздавъ такимъ образомъ послѣдній долгъ человѣчеству, предпріялъ онъ съ помощію Сандаіи обойти нѣсколько острововъ, въ надеждѣ обрѣсти на нихъ своихъ спутниковъ, которые, чаялъ онъ, можетъ быть подобно ему были выброшены моремъ. Въ семъ намѣреніи предпріялъ онъ напередъ обойти островъ, на коемъ самъ находился, что немѣдленно онъ и началъ.

Прошедъ нѣсколько разстоянія, увидѣлъ онъ весьма высокую гору, которая показалась ему весьма способною для разсмотрѣнія всего острова; чего ради и пошелъ онъ на нее, въ такомъ мнѣніи, не увидитъ ли чего съ нее достойнаго примѣчанія, или кого изъ своихъ соповарищей. Взощедъ на гору долго онъ осматривался по всеѣмъ сторонамъ; но за множествомъ горъ и лѣсовъ не могъ онъ хорошенько разсмотрѣть пологія земли и береговъ. Такимъ образомъ обманувшись въ своей надеждѣ, хотѣлъ уже было онъ сойти съ горы, какъ вдругъ

его взорамъ представилося слѣдующее позорище. Превеликое сборище львовъ и шигровъ въ долу подлѣ Горы гналося за молодымъ человекомъ, и гошово было его разшерзати. Свѣтлосанъ пораженный жалкимъ его состояніемъ, нимало не размышляя о собственной своей опасности, бросился къ нему на помощь, надѣясь посредствомъ своихъ Сандалий выхватить его изъ среды плотоядныхъ сихъ звѣрей. Но едва онъ къ нимъ спустился по воздуху, и ухващя юношу хопѣль съ нимъ подняться, какъ нѣскольکو львовъ, схватя его за одежду, перевергли на землю, и разшворя жадныя свои пасти, хопѣли его разшерзати. Свѣтлосанъ обманувшись въ успѣхѣ своего предпріятія, гошовился уже на мучительную себѣ смерть, какъ въ самой потѣ мигѣ, избавленный имъ юноша, повергъ нѣчто въ толпу люшыхъ звѣрей. Едва они почувствовали сіе, какъ бросясь всѣ къ тому мѣсту начали между собою преужасную ссору, грызя другъ друга, и удаляясь отъ того мѣста, гдѣ былъ повер-

поверженъ Свѣтлосанъ. Между тѣмъ молодой человекъ, ухватя его въ беремя, понесся съ нимъ какъ вихрь, и въ одну почти минушу принесъ его въ пещеру весьма ужасной горы, обросшей камнями и дремучимъ лѣсомъ.

Принеся его въ пещеру, и посадя на сдѣланную изъ дерна лавку, сказалъ ему слѣдующее: пы učinилъ такое дѣло, какое рѣдкой изъ смертныхъ предпріять отважится, и кошорое ласкаетъ меня сыскашь въ тебѣ шого Вишязя, отъ коего храброспи зависить мое освобожденіе. Проговора сіе пронепшалъ онъ нѣскольکو словъ, и въ шужъ минушу превратился въ преужасный видъ, который предспавлялъ безобразнѣйшаго человека, какого ниже быстрѣйшее воображеніе вымыслишь можешъ. Онъ былъ обремененъ препягоспными оковами, на кошорыхъ были положены неизвѣстныя знаки. Вотъ мой почный видъ, продолжалъ онъ говоритъ Князю, какой мнѣ данъ, въ наказаніе мое, отъ Подземнаго Царя. Я хочу, примолвилъ онъ, рассказать тебѣ

А 5

тебѣ мою повѣсть, которая по-
дастъ тебѣ ясное обо мнѣ поняшіе,
и о коей никто еще изъ смертныхъ
незнаетъ. Сказавъ сіе, сѣлъ онъ на
земли противъ Свѣтлосана, и на-
чалъ ее слѣдующимъ порядкомъ.

*

*

*

ПОВѢСТЬ ЛИПОКСАЯ СКИѦА.

Я одинъ изъ трехъ сыновъ Тар-
гитая СкиѦа, происшедшаго отъ
Перуна, и дочери рѣки Днѣпра.
Дѣдъ мой, по возрастѣ моего ро-
дишеля, отдалъ ему во владѣніе
всю ту землю, коею нынѣ обла-
дають Славяне и Чудь, изъ коихъ
послѣдніе произошли отъ нашего
рода, и присовокупилия попомъ
къ Славенскимъ племенамъ. Роди-
тель мой получа сей даръ, началъ
себѣ собирать оповсюду поддан-
ныхъ, копорыхъ на послѣдокъ ско-
пилось довольное множество, и со-
дѣлалось изъ того небольшое Цар-
ство. Великое плодоносіе нашей
земли, не мало способствовало къ
размноже-

размноженію въ ней народа. Царствованіе моего родителя продолжалось весьма спокойно до глубокія его старости ; и напослѣдокъ скончался онъ нечаянно , не чувствуя ни каковыя скорби, приведенъ къ своему концу истощеніемъ природы , а не сластолюбивымъ житіемъ , какъ то бываетъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

Сія его нечаянная смерть была намъ причиною къ распрѣ о Державѣ нашей спраны. Насъ было три брата , какъ я уже сказалъ : средній назывался Арпоксай , младшій Колоксай , а я былъ старшій , и называюсь Липоксай. Дѣдъ нашъ Перунъ , желая разрушить нашъ споръ своимъ благоволеніемъ , избралъ достойнымъ къ Державѣ младшаго изъ насъ брата. Избраніе свое утвердилъ онъ слѣдующимъ чудомъ. Когда мы вышли изъ столичнаго нашего города Гелона на полѣ , чтобъ рѣшить нашъ споръ превосходствомъ нашихъ силъ : (ибо мы уговорились , чтобъ тому кто далъъ изъ насъ выстрѣлить изъ лука , осталось населенное Царство , а прочимъ

пустая

пустая земля;) то въ самое то время, когда хопѣли мы къ сему лишь приступили, упали съ неба соха, ярмо, шопорѣ и чаша, всѣ изъ чистаго золота. При семъ прѣяшномъ позорищѣ, всѣ мы оборотили на нихъ свои глаза. Желаніе шоль богатныя корысти привлекло меня къ нимъ перваго: но при первомъ моемъ къ нимъ прикосновеніи, изшедшее отъ нихъ пламя шакъ меня ожгло, что я, закричавъ преужасно, съ великимъ стремленіемъ отъ нихъ отскочилъ. Арпоксай, середній нашъ братъ, равную мнѣ имѣлъ участь. Меньшій изъ насъ, (могла съе помыслишь наша гордость!) лишь шолько подошелъ къ симъ драгоцѣннымъ вещамъ какъ въ шожъ мгновеііе пламя ихъ оспавило, и онъ учинился счастливымъ ихъ обладателемъ; а съ ними совокупно и нашего Царства.

Сіе огорчительное для насъ, и славное для Колокса, приключеніе, преклонило къ нему народныя сердца; а мы принуждены были выйти изъ его Державы. Арпоксай удалился въ Сѣверныя страны; и учинился

родо

родоначальникомъ Чудскихъ поко-
лѣній , изъ коихъ слѣдующія сла-
вны потомъ учинились: Весь на Бѣ-
лѣ Озерѣ , Меря въ Росповской и
Переяславской землѣ , по Клещину
Озеру , также Мордва , Печора , и
другія многія , о копорыхъ для кра-
пкоспи я умалчиваю. По смерти
его Чудскіе народы , а наипаче Бѣ-
лоозерцы , обоготворили Арпокся
за его добродѣтель , и прензящное
его царствованіе. Содѣлали ему ис-
туканъ изъ драгоцѣннаго дерева ,
возложили на него богатое ожере-
лье, и дали ему въ руки серебряную
чашу, въ копорую, всѣ входящіе
къ нему для молитвы, клали день-
ги. Подлѣ великолѣпнаго его храма
соорудили кладбища , въ копорыхъ
погребались всѣ знатные и богатые
люди съ великими сокровищами Па-
мяшь его и дснынѣ межъ нихъ ос-
талась подлѣ именемъ Юмалы.

По крайней мѣрѣ судьбу его по-
читаю я шѣмъ блаженною , что
онъ , лишась своего отечества ,
учинился индѣ счастливымъ родо-
начальникомъ , и обоженнымъ Госу-
даремъ. А я несчастный , лишась
отече-

ошеческаго престола , и гордяся моимъ старшинствомъ , впасть въ опчаяніе, и удалися въ покрытыя вѣчнымъ льдомъ земли, прилѣжащія ко Хвалынскому и Черному морю. Свокупя нѣсколько дикихъ народовъ, съ убѣжавшими со мною Скиѣами, учинился я малымъ Владѣтелемъ, и родоначальникомъ произшедшихъ попомъ Угровъ и Обрей. Но не доволясь симъ малымъ владѣніемъ, и сокрушаяся завсегда объ ошеческомъ престолѣ , и о предпочтеніи моего брата , старался я сыскашь въ чемъ нибудь другомъ мое прославленіе ; и на послѣдокъ вдався я въ розысканіе правъ, и бѣговъ небесныхъ ; и на конецъ такъ къ сему пристрастился , что оснавя попеченіе о маломъ моемъ Княжествѣ моимъ дѣшамъ, препроводилъ я всю мою жизнь въ изобрѣшеніи и сысканіи, такъ называемаго, Чернокужія.

Неусыпными моими стараніями и прилѣжаніемъ, учинился я на послѣдокъ великимъ Кабадишникомъ : нашель шайнство съ помощію правъ, камней и минераловъ , производилъ

всякія невозможныя дѣла, и пове-
лѣвать Духами. Посредствомъ бѣ-
гоу небесныхъ научился я угады-
вать прошедшее, настоящее и бу-
дущее. Всѣ сіи знанія описалъ я въ
превеликой сочиненной мною книгѣ,
копоро я заключала въ себѣ науку
и наставленія, какъ производишь
всякія невозможныя дѣла. Книгу
сію, и къ ней словарь, сочинилъ я
на Ассирійскомъ языкѣ, копорому
научился я въ молодости моей отъ
одного Ассиріянина, пришедшаго
поселиться въ Скиею къ моему ро-
дичеслю, куда его загнали несча-
спія, изгнавшія его изъ Ассиріи.
Сіе я учинилъ для того, чтобъ не
всякой могъ ею пользоваться; ибо
она заключала въ себѣ всю глубину
чародѣйнаго знанія.

Гордясь шоль великими успѣха-
ми моего раченія, сдѣлалъ я нѣ-
сколько волшебныхъ вещей, копо-
рыхъ дѣйствіе удивило моихъ под-
данныхъ, и вселило въ нихъ обо мнѣ
высокое мнѣніе. Вскорѣ слава моего
искусства разпространилася по со-
сѣдствениымъ Державамъ: превели-
кое число народа стеклося ко мнѣ

ОШО.

отовсюду, иные желая удостовериться, другіе научиться. Спеченіемъ симъ Государство мое пріобрѣло себѣ въ короткое время размноженіе, богатство и сіяніе, какихъ дополѣ не имѣло. Ободренный сими выгодами, спарался я утвердить мою славу новыми изобрѣшеніями, и чудесами моего знанія. Свѣденія моего не скрывалъ я отъ иностранцевъ, но позволялъ имъ все видѣть, и всему отъ меня учиться за нѣкоторыя прибытки, которые были полезны новому моему Государству. Однимъ словомъ, я началъ продавать все, и чертоги мои содѣлалися училищемъ волхвованія для всѣхъ пріѣзжающихъ; и хранилищемъ волшебныхъ вещей, которые раздавалъ я всѣмъ желающимъ за великія цѣны и подарки, не мысля ни мало о томъ, что нѣкоторыя изъ сихъ вещей служили не токмо къ пользѣ человѣческой, но и ко вреду, что попомъ вскорѣ и воспослѣдовало.

На конецъ раздраженный Перунъ, сими злыми моими изобрѣшеніями, поразилъ меня громомъ, и шѣмъ
ОКОН-

окончилъ дальныя мои въ чародѣй-
силѣ изысканія; но однакожъ не
пресѣкъ шѣмъ волшебства, которое,
посредствомъ моихъ наставленій и
вещей, по всему свѣту разпроспра-
нилось; а наипаче въ подвластной
мнѣ землѣ, въ Скиѣи, и въ Чуд-
скихъ странахъ.

Осипавшіяся по мнѣ дѣти, и под-
данные мои, оплакавъ меня весьма
довольно, учинили мнѣ погребеніе
по Скиѣскому обряду, слѣдующимъ
порядкомъ. спова вскрывъ мое чре-
во, и вычистя оное, наполнили на-
рѣзаннымъ Галганшомъ, куритель-
нымъ порошкомъ, сѣменами правы
пепрушки и анисомъ, и попомъ за-
шили; а шѣло мое все облѣпили
воскомъ. Послѣ сего положиа меня во
гробъ, поставили оный на одрѣ, и
такъ вынесли на кладбище: поста-
вя его на ономъ, вопкнули со всѣхъ
сторонъ копья, на кои возложа ше-
спы, покрыли ихъ прутьями около
гроба. При томъ въ честь мою по-
ложили со мною вмѣстѣ, задушивъ
напередъ, наложницу мою, вразче-
ва, повара, конюшева, служителя,
судостроителя, и коня; присово-

Часть III. Б купя

купя къ шому золотую чашу , и прочія любимыя мною вещи , также волшебную мою книгу , и съ нею словарь. По семъ дѣйстви всякой , кто только ни провождалъ мое шѣло , спарался принести наиболѣе земли , дабы оною засыпать мой гробъ , и положенныхъ со мною ; и наконецъ насыпали надо мною шоль великій бугоръ , что оный походилъ болѣе на холмъ. Сіе обыкновеніе , чшобъ насыпать бугры надъ могилами , примолвилъ Липоксай , и вышъ насъ переняли.

Душа моя , продолжалъ онъ , по изшесшвіи своемъ изъ шѣла , предшала совокупно , съ прочими погребенными со мною , предъ Подземнаго Царя , ожидая съ шрепешомъ отъ него себѣ осужденія. Нія возрѣвъ на меня свирѣпымъ взглядомъ , сказалъ мнѣ грозно: недостойный сынъ добродѣтельнаго Таргипая ! Тако ли ты слѣдовалъ его примѣрамъ ? Намѣсто добродѣтельнаго и попечительнаго правленія , ты упошребилъ жизнь свою на изысканіе шаншвъ , сокрытыхъ отъ челошѣковъ Небесами: ты хошѣлъ уподобиться Богамъ,

Богамъ, запрещенными тебѣ сред-
ствами, и силою Духовъ тебѣ слу-
жившихъ; но намѣсто блага прик-
лючилъ ты вселенной невѣдомыя
ей несчастія. Проговоря сѣ пове-
лѣлъ онъ Фуріѣ представишь предъ
меня зеркало, въ которомъ я уви-
дѣлъ ужасное множество людей,
мучимыхъ разнообразно моими уче-
никами. Иные изъ нихъ были пре-
вращаемы въ разныя гнусныя жи-
вошныя, другіе помимы были
ядомъ или очарованіями, третьи ли-
шаемы были любимыхъ ими вещей,
и однимъ словомъ, усмодрѣвъ я
пусть всякія люшости, содѣваемыя
отъ учениковъ моихъ надъ прочими
смертными. При семъ ужасномъ зрѣ-
лище воспрепеталъ я паки, познавъ
всю мою несправедливость и безуміе:
я палъ предъ Нїею, надѣясь моимъ
уничиженіемъ и мольбами прекло-
нишь его къ себѣ на милость.

Напрасно ты стараешься, за-
кричалъ онъ мнѣ грозно, склонишь
меня своими мольбами: преступле-
ніе твое споль велико, что не мо-
жетъ его ничто загладить кромѣ
швоего наказанія. По семъ ужасномъ

отвѣтъ , повелѣлъ онъ адскимъ
спрашилицамъ меня окружить , и
наложить мнѣ всѣ тѣ мученія ,
каковымъ подвергла моя наука жи-
вущихъ во вселенной. О небо ! возо-
пиль при семъ Липоксай , какихъ
не испыталъ я тогда лютошей !
Безпрестанное мое превращеніе , въ
разнообразныя и гнусныя живош-
ныя , было меньшее изъ тѣхъ му-
ченій , какими я помимъ былъ
отъ Фурій : ядъ , огонь , желѣзо ,
повсеминутно меня терзали ; и на-
послѣдокъ уже самъ немилосердый,
Нія пронулся моими мученіями ,
продолжавшимися нѣскольکو годовъ,
и повелѣлъ меня предъ себя пред-
ставить. Не дѣла твои , сказалъ
онъ мнѣ суровымъ образомъ , исхо-
дашайспвовали тебѣ оспавленіе
мученій , а сожалѣніе мое ; но зло-
дѣйства твои таковы , что тре-
буютъ должайшаго очищенія. По
опредѣленію Судьбины до тѣхъ
поръ не получишь ты себѣ упоко-
енія , пока пребывъ нѣскольکو лѣтъ
во власи у мрачныхъ чародѣевъ,
шобою произведенныхъ , не будешь
ты на конецъ освобожденъ отъ нѣ-
вошораго

котораго лютаго волхва, юнымъ Княземъ отъ рода Славенова; и пска не уничтожаша со онымъ чародѣемъ, посредствомъ сего Витязя, всѣ волшебныя вещи, шобою на свѣтъ произведенныя.

Едва онъ сіе проговорилъ, какъ мрачное и густое облако, подхватя меня, понесло съ великимъ стремленіемъ, и на послѣдокъ, поставя меня въ пустой Аравійской степи, оставило меня моему опчаянію. Долгое время пробылъ я на семъ пустомъ мѣстѣ, и наконецъ, по нѣкоторомъ моемъ заблужденіи, пришедъ не нарочно къ чистому источнику, взглянулъ я въ него, и увидѣлъ въ немъ все мое безобразіе, какимъ меня нагазалъ Подземный Царь. Съ превеликимъ ужасомъ опскочилъ я отъ источника, мня видѣвъ въ немъ нѣкое страшное, пришедшее паки меня мучить; но не видя никого, опявъ я подошелъ къ тому мѣсту, и увидя паки то же страшное, дѣлающее сообразныя моимъ движенія, увѣрился я на послѣдокъ, что ето было собственное мое изображеніе. О Небо! ка-

Б 3 кая

кая грусть тогда меня объяла! Я бы охотно лишилъ себя жизни въ тогдашнемъ моемъ сокрушеніи, ежелибъ еспешство Духа, которое поднесъ я сохраняю, могло чѣмъ лишиться своего бышя, по примѣру человѣческаго. Но однавожь послѣ я узналъ, что могу, въ опраду мою, принимашь каждый день, на одинъ часъ, такой видъ, какъ самъ я изберу.

Послѣ сего приключенія не долго я пробылъ шатающа: страшный адскій гласъ, произшедшій ко мнѣ вскорѣ послѣ того, опредѣлилъ меня въ Вавилонскому чародѣю, который научасъ онъ послѣдова-телей мсихъ въ хвованію и узнае о мѣстѣ моей книги, вырылъ ее изъ бугра, въ которой она съ тѣломъ моимъ была зарыта. Посредствомъ сея книги и другихъ волшебныхъ вещей, принудилъ онъ адъ дать себѣ во услуженіе Духовъ, въ числѣ которыхъ и я къ нему былъ посланъ. Сей гнусный чародѣй, за сіе пребываніе, обязался предать себя по смерти на вѣчное мученіе аду. Онъ сіе учинилъ съ умыслу, надѣяся посредствомъ Духовъ достать себѣ безсмертіе;

смертіє; но всемогущіє Боги сіє его нам брєніє уничпожили. Сей волшебникъ не зналъ ничего обо миѣ, я почи.палъ меня просто Духомъ; на.послѣдокъ, желая отъ другихъ со.шова.рищей моихъ получишь нѣко.шор.ря важныя услуги, извѣстился отъ нихъ, что одинъ я могу его въ томъ удоволь.швовати; а въ до.казашель.шво того рассказали они ему мое при.ключеніє безъ сумнѣн.ія учинено было сіє ими по по.елѣн.ію Н.іи, дабы совершишь надо мною мой рокъ. По сему извѣст.ію и возложилъ онъ на меня долж.ность испол.нять всѣ его при.казан.ія; но необы.чай.ность и безчеловѣч.ность оныхъ, за.ставили меня отъ того опрещ.ися. За сіє непослушан.іє, по влас.ни данной ему надо мною, началъ онъ меня мучишь на.лю.швѣй.шимъ обра.зомъ, дабы преклонишь меня къ повинов.ен.ію, но я всю его ярость по.шоянно прешери.лъ, упо.вая тѣмъ окон.чить мое спр.дан.іє. Но опредѣ.лен.іє Боговъ опло.жило весьма на далѣе окон.чан.іє моего бѣд.ств.ія.

Такимъ образомъ спеналъ я подъ жестокос.тію его ударовъ, до самыя
смер.ти

смерти сего чародѣя. По отшествіи души ево въ Таршарѣ, получилъ я паки мою свободу; но однакожъ не многіе годы ею пользовался, и доспался паки во власпъ нѣкошорому добродѣтельному Вавилонянину, вмѣстѣ съ моею книгою, копорую нашелъ онъ въ землѣ, копая себѣ колодезь; ибо прежній волхвъ зарылъ ее въ оную, опасаяся, чшобъ кто ее у него не похишилъ; но и храня ее въ землѣ, столько боялся ее потерять, что написалъ въ ней на похищителей заклятіе. Новый и добродѣтельный мой повелитель, не принуждалъ меня ни къ какому незаконному дѣлу, ни же хотѣлъ, полученныя въ книгѣ моей свѣдѣнія, обратишь во зло своимъ ближнимъ, какъ то дѣлалъ люпый его предшественникъ; но еще избавлялъ смертныхъ и отъ пропчихъ чародѣевъ: и за то пріобрѣлъ себѣ спокойную жизнь, и мирную кончину, передъ которою зарылъ онъ паки книгу мою въ землю, приложая къ ней сбязаніе шебѣ Видоспаномъ завѣщаніе.

По кончинѣ добродѣтельнаго сего человека, пробылъ я нѣсколько лѣтъ въ свободѣ; но наконецъ книгу мою, съ коею совокуплена была моя вольность, вырылъ нѣкоторый бѣдный человекъ, и не зная ея употребленія, продалъ ее Индѣйскому купцу, а отъ сего доспала-ся она Видоспанову отцу. О прочемъ ты самъ вѣдаешь; и мнѣ осталось только рассказать неизвѣстное тебѣ.

Видоспанъ получа ея въ свои руки, и познавъ ея важность, весьма учинилъ неосторожно, открывъ о томъ невѣрному своему любимцу, который употребивъ знаніе ея въ свою пользу, содѣлался страшнымъ повелителемъ своему благодѣтелю, мнѣ, и всему свѣту. Первое его стараніе было покорить своей власти Духовъ, между которыми я ему достался. Послѣ сего научился онъ разнымъ превращеніямъ и очарованіямъ, дабы огражая себя отъ всѣхъ сторонъ, учиниться страшнымъ всѣмъ людямъ. Вскорѣ послѣ сего учинилъ онъ опыты знагій своего и лютою надѣясь

Часть III. В цемъ

цемъ своего благодѣшеля , отправа
его наплотѣйшимъ ядомъ. Учи-
нивъ сіе онъ сокрылся , и избравъ
своимъ пребывалищемъ одинъ изъ
здѣшнихъ острововъ , на которомъ
принудилъ насъ поспроить себѣ
зѣмокъ. Изъ сего шо ужаснаго зѣм-
ка выходя , причиняетъ онъ свѣшу
ужасныя злосчастія , какія только
выдумать можетъ. О злодѣйскихъ
его поступкахъ съ Видссѣаномъ и
прочими извѣстными тебѣ людьми,
ты самъ довольно вѣдаешь; а о про-
чихъ его злодѣянїяхъ скажу тебѣ
коротко.

Сей гнусный чародѣй , получа
во власть свою меня и прочихъ Ду-
ховъ , вознамѣрился овладѣть на-
шею помощію цѣлымъ свѣтомъ , и
учинишься безсмертнымъ; но вели-
кіе Боги суешному и высокоумно-
му его желанію посмѣялись , пока-
завъ ему въ насъ слабыхъ исполни-
телей его гордости; ибо сіе его же-
ланіе удовлетворишь мы отказа-
лись , сколько онъ ни принуждалъ
насъ къ тому наказанїями. Кара-
чунъ лишается въ томъ своей надеж-
ды , вознамѣрился къ тому достиг-
нуть

нуть самъ собою: онъ началъ выискивать всѣхъ волхвовъ, и лишать ихъ волшебныхъ ихъ вещей, надѣясь сими средствами учиниться сильнѣе всѣхъ, въ чемъ онъ дѣйсвишельно и успѣлъ. Ибо сколько ни обрѣшалось волшебниковъ во вселенной, онъ всѣхъ ихъ побѣдилъ разными проницывающими, и овладѣлъ ихъ вещами; и шѣмъ учинился столько силенъ и спрашенъ, что самъ Нія не смѣлъ инегда сопротивляясь его волѣ. Таковою ево властію раздражась Боги, и опасаясь его мѣщности, лишили его силы умерщвлять всякаго чловѣка, и опредѣлили ему скорую казнь, что я узналъ отъ прочихъ Духовъ, моихъ сошова рещей.

Долго бы разсказывать мнѣ, продолжалъ онъ, о всѣхъ его злодѣйствахъ, ежелибъ описывать ихъ подробно, но я скажу тебѣ о томъ вообще. Съ шѣхъ поръ, какъ овладѣлъ онъ моею книгою и Духами, не приключилось во свѣтѣ никакого важнаго несчастія, коего бы не былъ онъ виною. Сей мерскій Евѣопъ, лишась власши умерщвлять людей.

терзаетъ ихъ напрошивъ того всякими люшѣйшими мученіями, и лишаетъ ихъ своими очарованіями естественнаго ихъ вида. При чемъ употребляетъ онъ такую хитрость, что всѣ очарованные имъ, по тѣхъ поръ неизвѣстны бывають свѣту, покаместъ продолжается ихъ очарованіе; и одни Боги могутъ человѣкамъ открытъ ево козни. Онъ построилъ еще себѣ на нѣкоторомъ здѣсь островѣ замокъ, и опредѣлилъ его на свои увеселенія; но однакожъ кромѣ досадъ и огорченій ничего въ немъ болѣе не находятъ. Ибо похищенные имъ оповсюду въ сей замокъ красавицы, какія онъ ни употребляетъ пресмырства для прельщенія ихъ, всѣ до единой презирають его, и гнушаются имъ; ибо правосудные Боги, въ наказаніе ему, и для предосторожности невинныхъ красотъ, лишили его власти являться къ нимъ въ другомъ видѣ, кромѣ ево собственнаго. А собственное ево гнусное лицо, неудобно прельстить и самой наипозорнѣйшей женщины. Вотъ каково ево изображеніе!

Теперь

Теперь оспалось мнѣ сказать тебѣ окончаніе собственной моей повѣсти. Я нашелъ, будучи еще живъ, лучшее средство умершвлять людей разнообразно, хотябы и сами Боги смерти ихъ сопрошвлялись. Но сего варварскаго таинства не включилъ я въ мою книгу, ниже кому о томъ повѣдалъ, опасая худыхъ отъ того слѣдствій. Сія же воздержность и спасла меня во адъ отъ конечнаго моего погубленія, и сіе есть причиною перешняго моего заключенія. Ибо сей лучший волхвъ, увѣдавъ отъ соповарищей моихъ о сей моей тайнѣ, хотѣлъ отъ меня объ ней узнать, но я ему твердо въ томъ отказалъ, что и навлекло мнѣ отъ него самое варварское мученіе, и темницею сей островъ. Но я надѣюсь, что милосердые Боги, за претерпѣнныя мною страданія, скорѣе избавятъ меня отъ власнаго сего ширана человеческого рода. Ибо ты, государь, продолжалъ онъ, почто мнѣ кажешься тѣмъ Выпяземъ, отъ коего Боги опредѣлили мое избавленіе. Я уже весьма давное

В 3

время

время нахожуся на семь островѣ ,
 вседневно ожидая съ тобою моя
 свободы. На послѣдокъ увидѣвъ здѣсь
 тебя, предпріялъ я испытать швое
 добродушіе , и шѣмъ увѣришся ,
 что ты будешь мой избавитель
 отъ лютаго Карачуна. Для сего
 то точно и превратился я въ мо-
 лодаго челоуѣка , и силою моего
 знанія , обратилъ на себя толпу
 лютыхъ звѣрей ; и когда доброе
 швое сердце склонило тебя вдашь-
 ся для меня въ опасность, тогда я
 бросилъ въ толпу сихъ живошныхъ
 нѣкопорый пригошвлennyи мною
 составъ , который возбуждая въ нихъ
 бѣшенство , обратилъ ихъ на са-
 михъ себя.

Едва Липоксай скончалъ свою
 повѣсть, какъ пресильное землетря-
 сеніе взорвало въ пещерѣ полъ , и
 учинило великое оцверсше , изъ
 коего съ превеликимъ пламенемъ и
 сгущеннымъ дымомъ выскочилъ къ
 нимъ Исполнѣ , вооруженный саб-
 лею. Умри, вскричалъ онъ Свѣпло-
 сану, замахнувшись на него оружіемъ,
 и прекрати надежду сего невѣрна-
 го Духа, и швою собственную. Но
 Липоксай

Липоксай въ самый потъ мигъ опхватилъ Князя отъ пораженія , и вынесъ его вонъ изъ пещеры. Дерзновенный! вскричалъ Исполинъ Духу , ты осмѣливаешься защищать люлѣйшаго моего врага ; но вѣдай, что ты симъ усугубилъ только свои и его мученія. Ничто васъ не избавитъ отъ мщенія Карачунова. Проговоря сѣе, кинулся онъ за Свѣтлосаномъ , который , лишиась волшебнаго своего меча при поимплени , принужденъ былъ сплсаться бѣгствомъ , не имѣя къ защитѣ своей другаго сплсоба. Помощію лешающихъ Сандалий, прибѣжалъ онъ вскорѣ на поверхность моря , но Исполинъ , который былъ плочно Карачунъ , не оставилъ за нимъ гнашься и по морю , будучи подерживаемъ Духами.

Конечно бы отъ руки его погибъ тогда Славенскій князь , ежелибъ нечаянный сплчай , который казался угрожаплъ ему прямо погибѣлью , не спасъ его жизни. Отъ продолжипельнаго бѣжанія, духъ у него началъ уже заниматься, и лишалъ его всей надежды ко спасенію : оп-

чаяніе овладѣло ево мыслями : онѣ возвелъ глаза свои на небо, для испрошенія себѣ помощи свѣще; но въ самое то время запнувшись упалъ, и мнилъ уже себя попопшимъ, какъ въ самый потъ мигъ почувствовалъ у себя въ рукахъ нѣчто такое, которое паденіе ево остановило. Онѣ вспалъ потчасъ опять на ноги, и увидѣлъ подъ собою превеликаго Дельфина, держащаго во рту своемъ волшебный Левсиловъ мечъ. Обрадованный Князь симъ приключеніемъ, едва осмѣлился повѣришь своимъ глазамъ: воздавъ благодареніе Безсмертнымъ, ухватилъ онѣ свой мечъ, и съ превеликою храбростію обратился на гонящагося за нимъ Карачуна, который весьма уже близко отъ него находился. Сей гнусный волхвъ, сколько ни наглъ былъ и ни дерзосщенъ, но усмотря Левсиловъ мечъ въ Свѣтлосановой рукѣ, вострепеталъ и обратился въ бѣгство. Но не возмогъ бы онѣ избѣжать достойной себѣ казни тогда же, ежелибъ не спасся отъ того своимъ коварствомъ; ибо превращаясь въ рыбу, повергнулся онѣ

онъ въ море, и тѣмъ избавился отъ неминуемыя себѣ смерти.

Свѣтлосанъ лишасть такимъ образомъ своея побѣды, принужденъ былъ возвратиться на островъ, дабы посовѣтовать съ Липоксаемъ, какимъ образомъ можетъ онъ достигнуть до окончанія своего предпріяшя, въ разсужденіи ниспроверженія сего коварнаго врага. Желаніе твое весьма похвально и велико, сказалъ ему Липоксай, оно избавляетъ мѣръ, и меня, отъ наилютѣйшаго пирана; и сколько мнѣ ни будетъ сподобитъ подать тебѣ о семъ мое мнѣніе; ибо чародѣй сей не упустишь наложить мнѣ за сіе најесшочайшихъ мученій; однакожь невзирая на все то, хочу себя въ семъ удовольствовать. Я уже тебѣ объявилъ, продолжалъ онъ, что Карачунъ имѣетъ у себя два замка: одинъ изъ нихъ украшенъ всѣми нѣжностями и пріятностями великолѣпія и пышности, а другой имѣетъ видъ самаго ада, по причинѣ ужасныхъ своихъ предметовъ. Въ семъ послѣднемъ замкѣ обитаетъ Карачунъ, и всякому

В, 5

изъ

изъ смертныхъ входъ въ него запре-
щенъ подъ лишеніемъ за то жи-
вота. Кромѣ сего окруженъ онъ
овсюду преужасными ограждені-
ями, коихъ кромѣ Боговъ и Ду-
ховъ никто преодолѣть не можетъ,
не подвергая жизни своей неминуе-
мой смерти. Въ семъ замкѣ хра-
нитъ Карачунъ всѣ похищенныя
имъ волшебныя вещи, подъ стра-
жею наужаснѣйшихъ чудови-
щей. Никакъ нельзя покуситься
войти открытой силою въ сей
замокъ, или напасть на самого сего
чародѣя, и побѣдить его явно. На-
добно изслѣдовать случай, чѣмъ
исполнить его въ замкѣ, въ коемъ
обитаютъ у него красавицы; ибо
онъ лишается шутъ почти всей сво-
ей силы; либо же при помощи Боговъ
войти тайно, и безъ него, въ оби-
таемый имъ замокъ, и напасть на
него соннаго. Кромѣ сего совѣта,
продолжалъ Духъ, никакъ помочь
тебѣ я не могу; ибо Нія запре-
тилъ мнѣ вспомоществовать тебѣ,
которые пожелаютъ разрушить
мою неволю. Сказавъ сіе онъ из-
чезъ, а Свѣтлосанъ, оставшись
одинъ,

одинъ , вознамѣрился искасть Кара-
чуновыхъ замковъ.

Принеся напередъ молитву Бо-
гамъ , пошелъ онъ , вспомошествое-
мый Сандаліями , на поверхность
моря , и опредѣлилъ на немъ до-
тѣхъ поръ странствовать , пока-
мѣстъ не найдетъ Карачунова жи-
лища. Но сіе путешествіе было бы
ему гробомъ , ежели бы не помогло
ему доброе его счастье , которое по
справедливости бываешь иногда луч-
ше храбрости и досужства. По от-
даленіи его отъ острова , небо пере-
мѣнило ясность свою на мракъ :
порывистыя вѣтры возмутили ши-
хія воды , и не оставили Свѣпло-
сану инаго пути , кромѣ опасныя
средины между волнующеюся безд-
ною , и блистающимъ горизонтомъ.
Къ довершенію напасти , темноша
окружила все пространство паниша ,
и не оставила ни малаго средства
раздѣлять предметы. Въ сей край-
ности Князь принужденъ былъ бѣ-
жать , по по ярящимся волнамъ ,
по по буншующему воздуху. Та-
кимъ образомъ путешествовалъ онъ
двой сунки , на ходясь въ безпрестан-
ной

ной опасности отъ моря и грома. На конецъ послѣдовала ясность, но которая не принесла ему ни малаго облегченія; гладъ и ушомленіе, объявшіе Свѣтлосана, лишили его почти всѣхъ силъ. Уже изнеможенные его ноги едва ему служили, и онъ началъ уже отъ великія усталости сползтись, и приходилъ въ нѣкоторый родъ обморока, которой былъ его на вѣки погружилъ въ море; какъ въ самое то время увидѣлъ онъ превеликій оспалокъ разбишаго корабля. Съ великою радостію пошелъ онъ къ нему, благодаря Небу за столь очевидную помощь. Дошедъ съ немалымъ трудомъ до сего оспалка, сѣлъ онъ на него, и опдохнувъ довольное время, почувствовалъ онъ въ себѣ изнуряющій голодъ и жажду. Весьма долгое время боролся онъ съ ними; но наконецъ побуждающая его къ насыщенію природа начала изнемогать, и лишала его чувствъ. Въ сіе время пришупленные его взоры, едва уже обращающіеся по поверхности водъ, ласкались надеждою обрѣсти на нихъ нѣчто

что къ утоленію жажды и глада, увидѣли вдали плывущее живошное, кошорое несло нѣчто во рту. Нѣкая надежда обновилася въ сердцѣ Свѣтлосана: онъ поднялъ голову, чтобъ разсмотрѣть получше сіе живошное, кошорое приплывало къ нему часъ отъ часа ближе, и съ великою радостію увидѣлъ наконецъ, что это былъ морской левъ, кошорый несъ во рту своемъ превеликій кускъ съ кокусовыми орѣхами. Какъ скоро подплылъ онъ къ Свѣтлосану, то оставя при ногахъ его свою ношу, нырнулъ въ воду, и по нѣсколькихъ минутахъ, вынырнувъ отъ него въ немаломъ разстояніи, поднялся на воздухъ въ видѣ превеликія ппицы.

Но Свѣтлосанъ, въ тогдашнемъ своемъ состояніи, не весьма старался по примѣтишь, и все свое попеченіе обратилъ къ кокусову дереву. При ослабленіи своихъ силъ едва онъ выволокъ его изъ воды, и на послѣдокъ, разрѣзавъ одинъ орѣхъ своимъ мечемъ, выпилъ изъ онаго сокъ, кошорый показался ему тогда настоящимъ Некшаромъ. Та-
кимъ

кимъ образомъ сія неожиданная помощь возвратила ему жизнь, столь много кратъ подверженную смерти. Сіе счастливое приключеніе привело его въ состояніе путешествовать далѣе : снабдясь симъ пріятнымъ плодомъ, и принеся молитву Богамъ, вдался онъ паки своему путешествію, и по счастію своему, черезъ нѣсколькихъ дней увидѣлъ онъ островъ, окруженный оповсюду дремучимъ лѣсомъ и каменными утесами.

Съ превеликимъ трудомъ пробрался онъ сквозь чащу онаго, въ надеждѣ сыскать нѣсколько плодовъ способныхъ въ пищу. По путешествіи имъ сея густоты, увидѣлъ онъ превысокія кремнистыя горы, покрытыя льдомъ и снѣгомъ, и на которыя ни коимъ образомъ человеку не можно было взойти. Однако жъ Свѣтлосавъ, вознамѣрясь осмотрѣть островъ, превозмогъ сію трудность, вспомоществуемъ будучи сандаліями. Но какое было его удивленіе, когда онъ, возшегшій на сія горы, увидѣлъ съ нихъ доль, изобилующій плодоносными деревьями и благо-

благовонными цвѣтами ; а далѣе того великолѣпный замокъ , окруженный рѣкою , на подобіе превысокія горы , украшенныя разнообразными цвѣтами. При семъ пріятномъ видѣ Слагенскій Князь палъ на колѣни , и воздѣвъ руки къ небу , произнесъ сію молитву : Великій Перунъ , и ты всемогущее Божество бѣдспасующихъ людей ! внимаше моленію смертнаго , обожасцаго васъ нелицѣмерно : естли я не обманываюсь , то сіе великолѣпное зданіе естль швореніе гордаго Карачуна. Вспомоществуйте мнѣ прейти безбѣдспасенно всѣ оставшіяся трудности : споборствуйте моему поденгу , и устройте мою руку на опмщеніе спраждацаго человѣчества , сопроводите ее въ сердце нечесливаго ширана вселенныя. Я обѣщаюсь принести вамъ пучную жертву , и удовлетворишь вполнѣ человѣчеству.

По совершеніи Свѣтлосаномъ молитвы , громъ возгремѣлъ въ десной его странѣ , и блеснувшая молнія казалася стремящеюся на зданіе замка. Князь пакы палъ на землю , благо-

Благодаря Бсговъ за шоль явствен-
ное предвозвѣщаніе ихъ благово-
лія. Послѣ чего , наполнясь несу-
миѣннымъ надѣянїемъ на помощь
Бесмертныхъ, понелъ онъ прямо къ
зѣмкѣ. Чѣмъ ближе онъ къ оному
подходилъ , шѣмъ больше умножа-
лося великолѣпіе онаго. Чертоги
его, подобящїеся высокой и ушеси-
стой горѣ , были сооружены изъ
разноцвѣтныхъ блистающихъ кам-
ней: злато и серебро были послѣд-
нія спѣны ихъ украшенїя; преизя-
щнѣйшія испуканы изобиловали на
нихъ повсюду ; крыльца , переходы
и перемки являли на себѣ видъ не-
подражаемаго художества. Однимъ
словомъ зданіе сіе походило на нѣ-
кій священный храмъ , превосходя-
щій красою и великолѣпіемъ сво-
имъ всѣ шѣ преузорочныя достопа-
мятности, копорыя Греками семью
чудесами именовались Но сколько
зѣмокъ сей былъ великолѣпенъ ,
столько приспупъ къ нему былъ
труденъ: спѣны его, сооруженныя
изъ крѣпчайшаго мрамора , утыка-
ны были на подобїе щенины осп-
рыми рожнами , а ворота его со-
стояли

стояли изъ непроницаемыя спали. Кромѣ сея швердыя заграды, окружала замокъ глубокая и быстрая рѣка, наполненная преужасными чудовищами, копорыя всплывая на поверхность водъ, произносили страшный свистъ и ревъ, являя огромныя и гнусныя свои шѣла. Сверхъ того находилея на берегу желѣзный испуканъ, вооруженный всеми орудіями, какія только изобрѣла кровавая война, для опнытія жизни у человекѣвъ. Сей грозный испуканъ, произнося прешрашныя завыванія и вопли, обѣгалъ, быстрѣе вихря, берегъ окружающій замокъ, и грозилъ умершвишь всякаго, ꙗкобъ ни ошважилея въ оный испуцишь; ибо силъ ево ничто прошивишь не могло.

Славенскій Князь усмошря сего спража, обнажилъ свой мечъ, и надѣясь помощію ево крѣпости одолѣшь сіе страшныище, пошелъ къ нему безбоязненно. Желѣзный спражъ, увидя идущаго на себя Свѣшлосана, бросилея къ нему съ ужасною свирѣпостию, и поднявъ мѣдную свою палицу, хотѣлъ ею

Часть III. Г сразишь

сразить его нарочно ; какъ вдругъ ;
 посмошрѣвъ на сего Князя , возо-
 пилъ помнымъ голосомъ , и опско-
 чилъ отъ него весьма поспѣшно.
 Толь нечаянный случай привелъ
 Свѣшлосана въ нѣкоторый родъ не-
 доумѣнія и робости: онъ не вѣдалъ,
 что ему о семъ приключеніи мы-
 слишь; между тѣмъ подходилъ онъ
 къ нему ближе, желая лучше его
 разсмошрѣть, и ежели можно, увѣ-
 дать отъ него о всемъ , о чемъ ему
 нужно было узнать. Но испуканъ,
 усмошря ево къ себѣ приближеніе ,
 побѣжалъ къ мосту , ведущему
 чрезъ рѣку, который состоялъ все
 изъ желѣзныхъ пружинъ сплочен-
 ныхъ совокупно , и всшалъ на кон-
 цѣ онаго ; и какъ только Свѣшло-
 санъ къ нему подошелъ , то желѣ-
 зный сей мужъ попнулъ въ мостъ
 ногою , проговоря нѣсколько словъ ,
 отъ чего оный въ тошъ же мигъ
 сбѣожился. Сіе удивительное при-
 ключеніе еще , въ большее привело
 удивленіе Славенскаго Князя. Меж-
 ду тѣмъ испуканъ то опдался
 отъ Свѣшлосана , то приближался
 къ нему на желѣзномъ своемъ мостѣ:

во время опдаленія своего дѣлалъ онъ разныя шѣлодвиженія и знаки, и весьма печальныя и смѣшныя рожи, которыми старался онъ нѣчто дать знать Славенскому Князю, а приближаясь къ берегу хотѣлъ его поразить. Сіе чудное дѣйствіе привело въ вѣщее недоумѣніе Свѣтлосана: онъ не зналъ что начать; ибо знаками своими испрашивалъ у него испуганъ нѣкоея милости, а нападеніями своими приводилъ его въ раздраженіе. Но въ самое то время, когда юный Князь о семъ размышлялъ, а желѣзный мужъ подплылъ къ нему на мосту, дѣлая нападенія, налетѣлъ на Свѣтлосана, отъ стороны замка, и почти изъ самаго испугана, превеликій морской орелъ, какъ будто бы желая на него напасть, и съ нимъ сразиться. Возбужденный ссю нечаянною опасностію Князь, устремилъ на него свой мечъ; но вмѣсто онаго поразилъ онъ желѣзнаго стража, который въ самый тотъ мигъ превратился въ средолѣтнаго человека, одѣяннаго въ Армянское платье; а

орелъ между тѣмъ отъ нихъ скрылся.

Превратившійся изъ испукана Армянинъ палъ въ ноги Свѣшлосану, и обѣмля его колѣна: Государь! сказалъ ему, я не обманулся, съ самаго перваго на тебя взора, почитая тебя Героемъ и любимцемъ Боговъ; ибо хотя способомъ сего прежде принадлежавшаго мнѣ меча избавилъ ты меня, но не вспомоществуемый вышеестественными силами не могъ бы ты дойти до сего не приступнаго мѣста. Какъ! перехватилъ рѣчь его Князь, развѣ ты Левсилъ? Такъ, государь, опвѣчалъ онъ, я мужъ несчастныя Превраты: люшый Карачунъ, вспомоществуемый предательствомъ невѣрнаго моего друга, разлучилъ меня съ нею, и лишивъ всего, превратилъ меня въ шоужасное состоянїе, изъ коего храбрость швоя меня извлекла; ибо окончанїе моего очарованїя состояло въ пораженїи меня моимъ мечемъ. Последъ чего рассказалъ онъ ему подробно все свое похождение, и распрю съ Карачуномъ. Сей ужасный чародѣй, присовокупилъ онъ, исплоша меня
въ моемъ

въ моемъ замкѣ, и изблевавъ на мѣня пьму ругательствъ, повелѣвъ оковать меня тяжкими цѣпями, и окружа безчисленною стаяю мрачныхъ духовъ, увлекъ меня изъ прелестнаго моего жилища въ сіи мѣста, исполненныя плача и стenanія. И когда мы поровнялися надъ поверхностію сѣя рѣки, тогда нежалосливый мой похититель, схватя меня въ преогромныя свои руки, (ибо онъ имѣлъ тогда образъ Исполна,) кинулъ на сей желѣзный мостъ, произнося сіи слова: Воспріими свойство и крѣпость сего моста, и изъ лютейшаго моего врага содѣлайся ужаснымъ стражемъ сего мѣста, по тѣхъ поръ, пока не поразишь тебя опасное твое оружіе. Слова ево раздалися съ ужаснымъ громомъ и прескомъ по всему горизонту, и снишли до вратъ свирѣпаго ада. А я лѣпя съ превеликимъ стремленіемъ, ударился объ мостъ, который отъ удара сего сѣюжился, произнесъ помный и пронзительный звонъ. Паденіе сіе долженствовало бы естественнo лишить меня жизни; но злодѣй мой устроилъ

успроилъ такъ , что я въ самый мигъ моего удара превратился въ желѣзный испуканъ , и потерявъ прежнюю свободу моихъ мыслей , наполнился неистовымъ алканіемъ убивать всѣхъ попадающихся мнѣ въ глаза. Получа сіе варварское стремленіе , скочилъ я съ моста на берегъ , и помчался быстрой вихря вокругъ замка : попадающіяся мнѣ звѣри и птицы вскорѣ почувствовали неистовую мою ярость ; я ихъ всѣхъ переспрѣлалъ моими стрѣлами, и въ одинъ день учинилъ пустынь и неприступнымъ сей берегъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ до сего часа , обѣгая повсеминутно сей берегъ, не видалъ я никого изъ живущихъ до самаго моего прихода , копорый возвратилъ мнѣ прежній мой видъ.

Окончавъ свою повѣсть, бросился было онъ паки къ Свѣшлосану въ ноги , но Князь его до того не допустилъ , и пріявъ его въ свои объятія, увѣрялъ его о своей дружбѣ, благодаря припомъ за угощеніе его супруги. Какъ, государь! вскричалъ удивленный Левсилъ, неужели

ли

аи жена моя имѣла счастье угостишь
 у себя поль великаго Героя? А я ее
 мнилъ равно погибшею отъ нагло-
 сти нашего злодѣя. Она бы дѣй-
 ственительно и теперь еще отъ уда-
 ровъ ево страдала, отъ вѣспивовалъ
 Князь, ежели бы Боги не освободили
 ее, посредствомъ моя руки, отъ
 сего страшнаго ширана. По семъ
 разказалъ онъ ему вращѣ свои и
 ея приключенія. О Небо! возопилъ
 тогда Аомянинъ, кого тебѣ оспало-
 ся поражать, когда ты оставяешь
 безъ казни таковаго злодѣя! Госу-
 дарь, продолжалъ онъ говорить
 Свѣтлосану, я думаю однакожъ,
 что онъ не долго уже будетъ
 пользоваться плодами своихъ зас-
 дѣислзъ. Повсемѣспныя жалобы
 ежечасно призывають Боговъ ко
 ошмщенію: и ежели я не обманываюсь,
 то и самъ Карачунъ предузнаетъ
 скорую свою погибѣль: я его нынѣ
 зрю всегда уже смущенна и робѣюща.
 Рѣдкія ево посѣщенія въ сей
 замокъ довольно доказывають ево
 неспокойспвіе. Онъ безпре-
 станно окружаетъ сей, и собствен-
 ный свой замокъ, ужаснѣйшими
 страшилы

страшилищами, мня ими заградишь
 всякому въ нихъ входъ; но можетъ
 ли онъ ими воспрепятствовать
 мщенію Безсмертныхъ? Тебя, госу-
 дарь, продолжалъ онъ, познаю я
 орудіемъ и исполнителемъ правед-
 наго ихъ гнѣва; и ежели сіе испин-
 но, такъ вооружася ихъ покро-
 вительствомъ, спускай наказанъ ши-
 рана, и избавишь несчастныхъ, отъ
 сего лютаго чудовища.

Такимъ образомъ говоря, понуж-
 далъ онъ всупить Свѣтлосана на
 желѣзный мостъ; но едва занесъ
 на него Князь свою ногу, какъ
 мостъ вознумя пресстрашнымъ об-
 разомъ свѣожился, а наполняющія
 рѣку чудовища, вынырнувъ въ изъ-
 воды, разинули свои пасти, и произ-
 нося пресстрашный вой, свистъ и
 ревъ, угрожали Свѣтлосана поже-
 рать, ежели осмѣлился онъ пере-
 правляться черезъ рѣку. Но сей не-
 устрашимый Князь, возлагая наде-
 жду на Боговъ, и призывая ихъ
 въ помощь, началъ поражать своимъ
 мечемъ приближившихся къ нему
 страшилищъ. При всякомъ ударѣ,
 мужество его получало награжде-
 ніе;

ніе : ибо на какомъ мѣстѣ ни пора-
жалъ онъ чудовищей , то во мгно-
всіе ока спановилося оное швер-
дымъ , а вода со спрашилищами из-
чезала. Ободренный симъ успѣхомъ
Свѣтлосанъ подвигался все далѣе ,
поражая уродовъ , и очищая шѣмъ
путь за собою Левсилу. Такимъ
образомъ вскорѣ дошелъ онъ до
другаго берега ; и лишъ на оный
вступилъ , шо вся рѣка , окружавшая
замокъ , провалилася сквозь землю
съ превеликимъ шумомъ и прескомъ.
Свѣтлосанъ и Левсилъ , познавая въ
семъ чудѣ ясно Божескую къ себѣ
помощь , пали на землю , принося
благодареніе Небожителямъ.

По такыхъ успѣхахъ , Славен-
скій Князь не сомнѣвался уже болѣе
преодолѣть заградъ , препинавшихъ
входъ въ замокъ. Ополченный бод-
ростію и надѣянїемъ , подошелъ онъ
къ ворошамъ замка , чшобъ попы-
таться и оныя себѣ отверсти ; но
едва онъ къ нимъ присупилъ , какъ
спальныя ихъ верей превратилися въ
преужасныхъ Волоповъ , зїяющихъ
пламенемъ , а двери въ престрашную
огненную хлябъ , преисполненную

разнообразныхъ чудовищъ. Всѣ сїи страшилищи, увидѣвъ идущаго къ себѣ Князя, приготвоилися къ сочюкупному на него нападенію, но Свѣшлосанъ, призвавъ въ помощь Безсмертныхъ, и возвысивъ свой мечъ, пошелъ на нихъ безъ всякія боязни. По нѣсколькихъ ево ударахъ, почувствовалъ онъ себя угрызена въ лядвію: сїе угрызеніе воспалило еще болѣе ево храбрость: горя опмщеніемъ за сїе ему оскорбленіе, и собравъ всѣ свои силы, поразилъ онъ своимъ мечемъ въ самое отверстіе зїявшей на него хляби, желая однимъ ударомъ сокрушитъ всѣхъ ея чудовищей. Напряженіе ево споль было сильно, что онъ упалъ; но какъ онъ удивился, когда по возстаніи своемъ увидѣлъ себя уже внупри замка! Послѣдовавшій ему Левсилъ вывелъ его потчасъ изъ сего удивленія, объявивъ ему слѣдующее: (ибо онъ все сїе дѣйсствіе примѣтилъ, слѣдуя за нимъ изъ далека:) что когда Свѣшлосанъ поражалъ пламенныхъ чудовищъ, то онныя поминутно отъ него мало по малу исчезали; между шѣмъ одна ужаснѣйшая.

нѣйшая Саламандра , изшоргнувшись изъ самыя глубины хляби , хотѣла его спремленіемъ своимъ опровергнуть ; но въ самый шотъ мигъ поразила ее снишедшая съ небесъ огненная стрѣла : чудовище исчезло , а Князь воспаленный гнѣвомъ поразилъ мечемъ въ хлябъ , кошою въ шужь минушу исчезла ; и Свѣплосанъ , увлеченный своимъ напряженіемъ , принужденъ былъ упасть во внутренность замка .

Сія очевидная Божеская помощь извлекла радоспныя слезы изъ очей Славенскаго Князя : онъ принесъ благодареніе Безсмертнымъ , въ чемъ и Левсилъ ему послѣдовалъ . Наполнясь вящею надеждою , пошли они къ палатамъ , стоявшимъ по срединѣ замка . По нѣсколькихъ шагахъ почувствовали они нѣчто особеннѣе ихъ : и хотя осматривались они по всѣмъ сторонамъ , однакожь не могли ничего такого увидѣть , что бы ихъ останавливало . Недоумѣвающимся о семъ Князю вскричалъ Левсилъ , что онъ мнѣшъ познавалъ въ семъ хитроси Карачунову : ешо конечно , говорилъ онъ ,

Д 2

невиди-

невидимая стѣна , которая репнаесть намъ путь въ чертоги ; но я думаю , примолвилъ онъ , что и она не постоитъ отъ грознаго твоего оружія. И въ самомъ дѣлѣ , лишь только Свѣтлосанъ махнулъ своимъ мечемъ , то невидимая препопа поперяла свою силу , и оставила имъ свободный ходъ. Но едва они отъ нее освободились , какъ намѣсто ее предстала другая : превеликая толпа молодыхъ и прекрасныхъ дѣвушекъ , одѣтыхъ наипрелестнѣйшимъ образомъ , въ самую минуту ихъ окружила. Нныя изъ нихъ пѣли , другія плясали , нѣкоторыя играли на разныхъ музыкальныхъ орудіяхъ , а прочія имѣли въ рукахъ самыя прелестнѣйшія плоды въ корзинкахъ , и бушылки съ виномъ. Сѣи приманчивыя машинки , обступя Свѣтлосана и Левсила , предложили имъ свои услуги , и всякая изъ нихъ на прерывъ сшаралася прельстить юнаго Князя и его соопушника. Добродушный Свѣтлосанъ , видя къ себѣ шаковыя ласки отъ столь прелестнаго рода смертныхъ , уже хошѣлъ

хотѣлъ отвѣтствовать имъ равно-
мѣрными учтивостями, и согла-
ситься на ихъ предложеніе, какъ
благоразумный Левсилъ, обхватя
его своими руками, вскричалъ ему:
берегися, государь, паче всего сихъ
обманчивыхъ прелестей, сихъ опа-
сныхъ Сиренъ: это еще козни лю-
таго Карачуна. При сихъ его сло-
вахъ Свѣтлосанъ остановился, бу-
дучи приведенъ въ недоумѣніе, а
окружающія ихъ прелестницы под-
няли превеликій смѣхъ и хохотъ
надъ Левсиломъ, называя его тру-
сомъ и невѣжею; и въ самое то
время лаская наиболее Князя, и
спараясь всѣми силами склонить
его на свое предложеніе, чтобъ онъ
вкусилъ предлагаемыя ему забавы.
Но Свѣтлосанъ, подкрепляемый
увѣщаніями Левсила, и превожни-
мый неопступными ласканіями сихъ
прелестницъ, понялъ ясно Кара-
чуново коварство. Онъ началъ оп-
таткивать отъ себя сихъ обман-
щицъ, и поспѣшавъ войти въ по-
кой; однакожь симъ не могъ отъ
нихъ избавиться. Онъ окружа его
со всѣхъ сторонъ, и ухватя за
Д 3 руки

руки и плашье, старались увлечь его за собою. Между тѣмъ Армянинъ, окруженный другою ихъ спашею, весьма уже далеко былъ отъ него опшашенъ; но при всемъ томъ не перешавалъ онъ кричать Свѣшлосану, чтобъ онъ какъ можно старался отъ нихъ освободиться. Въ сіе самое время одна изъ прелестницъ, ухващя у Князя мечъ хошѣла вырвать; но Свѣшлосанъ примѣшя сіе, и предвидѣвъ отъ того всю опасность, пришелъ въ подлинный спрахъ, и наполнясь негодованіемъ, вырвалъ у нее изъ рукъ сіе драгоцѣнное оружіе. Спрешленіе, съ каковымъ онъ въ семъ случаѣ поступилъ, принудило его изшоргнуть мечъ совсѣмъ изъ ноженъ. И лишь только сіяніе онаго блеснуло имъ въ глаза, какъ въ шожъ мгновеніе, всѣ сіи прелестныя обманщицы, разлетѣлись отъ него въ видѣ преужасныхъ Гарпій.

Между тѣмъ Левсилъ, опвлеченный сими привидѣніями весьма далеко, находился въ опасности своей жизни; и ежели бы Князь хошя еще одну минушу не уско-
рилъ

рилъ отъ него прогнать сихъ опасныхъ Сиренъ, то бы Армянинъ погибъ конечно. Избавясь такимъ образомъ отъ послѣднiя и опаснѣйшiя Карачуновы козни, воздали они благодаренiе Небесамъ, и пошли въ предстоящiя палаты, не встрѣчая уже болѣе себѣ ни какого препятствiя.

Крыльцо сихъ великолѣпныхъ чертоговъ, по которому надлежало имъ восходить въ покой, кромѣ другихъ безчисленныхъ и драгоценныхъ рѣдкостей, было украшено испуканами изъ восточнаго хрустала, Опала и Сапфира, которые представляли слѣдующiя мирскiя Божества: Любочестiе, Любоимѣнiе, Власполюбiе, Пышность, Гордость, Любострастiе, коварное Самолюбiе, многовидную Роскошь, и другiя безчисленные ихъ отрасли; а при самомъ вхождѣ въ сѣни стояли на возвышенныхъ подножiяхъ три спальные испукана, кои казались бытъ повелителями прочихъ. Первый изъ нихъ представлялъ мрачное Суевѣрiе, другой безчеловѣчнов

Варварство, а претій гнусное Невѣжество.

Свѣтлосанъ осмопрѣвъ не много сїи испуканы, пошелъ далѣе; но едва только вступилъ онъ въ сѣни, какъ загремѣла въ нихъ преогромная музыка, и на подобіе вихря раздалась и пошекла по всѣмъ покоямъ великолѣпнаго сего зданія, и вскорѣ отъ слуха ихъ умолкла. Славенскій Князь и соупникъ ево весьма приключенію сему удивились, и къ великому соболѣзнованію вскорѣ узнали, что оно значило; ибо по вшествїи своемъ въ первую комнату, увидѣли они двухъ дѣвиць безъ чувствъ споящихъ, хошя онѣ и сохраняли всю свою живность. Это было новое коварство безчеловѣчнаго Карачуна; какъ они попомъ отъ самыхъ сихъ дѣвиць узнали. Сей гнусный волкъъ устроилъ такъ, что какъ скоро побѣдяпся внѣшнійя огражденія сего замка, шобъ злое ево очарованіе подъ образомъ музыки пролилося по всѣмъ покоямъ, и опняло чувства у всѣхъ живущихъ въ нихъ красавиць, да-

бы никто не возмогъ ими овладѣть.

Свѣтлосанъ и Левсилъ проходя великолѣпные покои сего замка, повсюду находили въ разныхъ положеніяхъ лишенныхъ чувствъ красавицъ. Сіе печальное зрѣлище извлекло изъ глазъ ихъ многія слезы, наполнивъ ихъ сердца преострымъ сожалѣніемъ; но Славенскому Князю собрегалося путь плачевнѣйшее позорище. Опечаленное ево сердце сими жалоспными предметами предавалось уже воздыханію и жалобамъ, какъ вдругъ слезящимъ ево взорамъ предстала несчастная Милослава, ево сестра, лежащая на колѣняхъ у красавицы, коея прелести помрачали всѣ украшенія замка, и обитавшихъ въ ономъ дѣвицъ. Любая горесть, изображавшаяся на ея лице, не могла помрачить ни малѣйшихъ пріятностей ея красоты. Ешо была самая Лада, Богиня любви. Какоежъ долженствовало произвеси чувствованіе сіи два предмета въ Свѣтлосановомъ сердцѣ? Вдругъ двѣ жарчайшія чувстввенности воспламенили ево душу: сожа-

лѣніе и любовь , родившіяся вмѣстѣ со удиленіемъ. Но родство превозмогло , тогда надъ ево нѣжностію: онъ бросился къ бѣдной Мирославѣ , спираяся подать ей помощь. Онъ употребилъ всѣ усилія , чтобъ произвестъ въ ней нѣкое чувство ; но всѣ ево спаранія были безплодны. Мирослава и подруга ея , какъ какъ и всѣ прочія , сохраняя естественную живность шѣла , пребыли бездыханны.

Тогда по ярость и сожалѣніе , овладѣвшія сердцемъ Славенскаго Героя , принудили его выступить нѣсколько изъ порядка ево благоразумія : произнеся шѣму проклятій и ругательствъ на злобнаго Карачуна , началъ онъ разрушать непреодолимымъ своимъ мечемъ всѣ украшенія бѣдственныхъ сихъ чертоговъ , во ожиданіи подобной казни гнусному ихъ здашело. Ни что не спаслося отъ ярости ево гнѣва: преизящныя испуканы , драгоценныя картины , великолѣпныя свѣщильники , зеркала , и всѣ пышности сихъ палатъ были въ ничто обращены праведнымъ ево мщеніемъ.

Но

Но не одна бѣшенная ярость къ нему его побудила : онъ мнилъ разрушивъ сіи украшенія, разрушитъ и очарованіе любезныхъ ему особъ. Левсилъ стоялъ во все это время безмолвенъ ; но когда усмотрѣлъ онъ , что гнѣвъ его гораздо утишился , тогда подступя къ нему сказалъ : Непобѣдимый Вишязь ! не симъ надлежитъ тебѣ побѣждать Карачуна : надобно самого его низпровергнуть , испоргнувъ изъ него симъ желѣзомъ вредоносную его жизнь. Свѣтлосанъ , возвращенный сими словами въ прежнія свои чувствованія , обратился паки къ сестрѣ своей и ея собѣсѣдницѣ : онъ стоялъ долго не спущая съ нихъ глазъ : на лицѣ ево являлися попеременно умиленіе и нѣжность. О Боги ! возопилъ онъ на послѣдокъ , возмощноли подумать , чтобъ наилучшее и прекраснѣйшее твореніе вашихъ рукъ было такъ уничтожаемо ? Воздыханія прервали ево слова ; и слезы смѣшанныя съ нѣжными взорами , каковыя кидалъ онъ на красавицу , сидѣвшую подлѣ ево сеспры, показали ясно ево чувствованіе.

ваніе. Но онъ его и самъ не скрылъ: обратясь къ Левсилу сказалъ онъ воздыхая страстно, что къ претерпѣнію всѣхъ бѣдствѣ , которымъ онъ вдавался . дабы сыскашь и побѣдишь Карачуна , побуждала его сперва одна добродѣтель; а теперь присовокупилась къ оной и любовь, говорилъ онъ , которая еще болѣе произведетъ въ немъ мужества, дабы опважиться на сраженіе со врагомъ, коего цѣлая вселенная трепещетъ. Левсилъ , обрадованный его словами , началъ его наиболѣе побуждать къ сему предпріятію , и на конецъ благоразумными своими совѣтами и прозьбами склонилъ его болѣе не мѣдлить ; хотя Князь , пронутый сожалѣніемъ и любовію, не весьма спѣшилъ оставишь шоль любезные ему предметы.

Препроводя въ замкѣ нѣскольکو времени въ безплодныхъ изысканіяхъ средствъ, дабы разрушишь очарованіе красавицъ , и не сыскавъ ни какого , опредѣлилъ на конецъ Свѣтлосанъ пуститься паки въ путь. При изшествіи своемъ изъ замка сожалѣлъ онъ весьма , что не
могъ

могъ быть сопровождаемъ Левсиломъ; ибо хожденіе по морю одному ему было возможно, по причинѣ лежащихъ ево сандалій; а Преврашинъ мужъ не имѣлъ ни какого къ тому средства, попому что онъ лишенъ былъ Карачуномъ всѣхъ своихъ волшебныхъ вещей, коими могъ нѣчто произвести. Чего ради положили они, чтобъ Левсилъ остался въ семь замкѣ по тѣхъ поръ, пока не возвратится въ оной Князь; а ежели судьба опредѣлишь ему въ семь путешествіи смерть, чтобъ онъ спасался изъ ужаснаго сего мѣста такъ, какъ ему поможетъ счастье; илибъ великодушно умеръ, когда Богомъ такъ угодно будетъ. Въ сихъ и подобныхъ сему разговорахъ прошли они даже до морскаго берега: при семь рубежѣ своего пути Левсилъ, сколько былъ ни мужественъ, но возстенавъ и залился слезами. Въ сію ужасную мину предстались ему вкупѣ всѣ случаи, которые могутъ лишитъ его навсегда обхожденія со свѣтомъ, и нѣжныхъ ласкъ любезной ево супруги. Славенскій Князь

упо-

употребилъ все къ ево утѣшенію , и наконецъ утѣря его о непремѣнной Боговъ защитѣ , и принеся онымъ свою молитву , простился съ своимъ другомъ , и всшупилъ на жидкую и непостоянную стихію.

Сколько взоръ Левсиловъ моѣ простирается по пошпу , и пока могъ видѣть идущаго по немъ Сгѣплосана , пошуда не спущалъ онъ съ него глазъ ; и когда онъ сокрылся уже совсѣмъ отъ ево очей , тогда сменящій Армянинъ , возсылая на Небо моленія въ его пользу , возвратился паки въ замкъ.

Между шѣмъ Славенскій Князь , побуждаемый надеждою найти и побѣднть Карачуна , летѣлъ болѣе нежели шоль. Онъ вдался въ пріятную задумчизоспъ , которую произвела въ немъ прелеспная незнакомка : нѣжность ея и красота , впечатлѣвшіяся въ ево сердце , наполнили все ево воображеніе , и переводили ево душу изъ снрасп въ страсть ; то воспаляся наисильнѣйшею любовію , клялся онъ во вѣкъ ее любить и обожать ; но воспомина ея очарозаніе , приходилъ онъ въ ужасную

ную ярость, и призывая на помощь Боговъ и смертныхъ, бѣжалъ обнажа свой мечъ, мня поспигаать Карачуна, и поражаши его. Въ семъ волнованіи спрасшей пробылъ онъ по самую темнопу ноци; но и она бы не разрушила его задумчивости, когдабъ не извлекъ его изъ оныя сильной прескъ, подвзвщійся на воздухъ. Свѣтлосанъ останоуился, и озираюся повсюду, увидѣлъ на воздухъ преужасное облако, которое соспавлено было изъ всѣхъ стихій: вода ярилась въ немъ ошъ преужаснаго огня, коимъ вся сія громада была наполнена; земля, и сперщійся въ ней воздухъ, угнетаемый разными металлами и минералами, будучи разжигаемы пламенемъ, производили между собою преспрашную борьбу, громъ и трескъ, подобный преужасному прясенію земли. Однимъ словсмъ, ето былъ гидъ истиннаго Хаоса, о коемъ повѣспвующи намъ спихотворцы. Сія прегрозная туча лешия прямо на Славенскаго Князя, готова была его сжечь, и преворити въ небыліе: уже она на него ниспадала, и одинъ мигъ

мигъ оставался ево жизни , какъ неустрашимый сей Князь , лишенный всякїя помощи , и долженствовавшій умереть отъ единого ужаса , выхватилъ свой мечъ , и не размышляя ни мало , поразилъ имъ въ сіе облако , которое въ тотъ же мигъ лопнуло и исчезло , а вмѣсто его явился на воздухѣ гнусный Карачунъ , въ видѣ преспаднаго Исполна . Ты не избѣживъ отъ моего казни , злодѣй ! вскричалъ онъ Свѣтлосану ; искусство мое преодолѣетъ наконецъ твое безстрашіе . Сказавъ сіе скрылся онъ изъ вида , во образѣ ужасныя кометы . Славенскій Князь ввергнушій симъ видѣніемъ въ превеликое удивленіе , споялъ нѣскольکو минушъ чудясь сему приключенію . На послѣдокъ , усматривая въ семъ случаѣ ясно Божескую къ себѣ помощь , воздалъ онъ благодареніе Небожителямъ , и предавъ себя ихъ защитѣ , отправился паки въ свой путь , неся съ собою обнаженный свой мечъ , думая симъ предостеречь себя отъ внезапныхъ Карачуновыхъ нападений .

И въ самомъ дѣлѣ мечь сей имѣла такую силу, что отъ блистанія ево изчезало всякое привидѣніе; и уже Свѣшлосанъ не имѣла на себя явнаго нападенія. При усмотрѣніи на пущи своемъ острова, взошелъ онъ на него, и провелъ на немъ спокойно всю ту ночь, не смѣя однакожь сомкнуть своихъ очей. На другой день, будучи помимъ жаждою и голодомъ, сыскала онъ въ лѣсу нѣсколько Кокусовыхъ орѣховъ, которые алчб ево ушолли. Онъ ихъ взялъ нѣсколько съ собою, и отправился паки въ пущь, прося Боговъ препроводитъ его поскорѣе къ Карачунову замку. Такимъ образомъ спрашивовалъ онъ съ мѣсець, дни препровождая въ безпрестанномъ шествїи, а ночи на островахъ въ презожномъ снѣ; ибо опасность отъ Карачуна прерывала ево сонъ почти по минушно.

Всѣ сіи трудности, безпрестанное шествїе, голодъ и жажда, зной и хладъ, и безпокойный сонъ, не токмо не ослабили бодрости Славенскаго Князя, но паче еще прїумножали оную надеждою сыскать и

побѣдишь Карачуна. Вв одинѣ вечерѣ, когда онѣ подходилѣ къ нѣкоторому большому острову, чтобѣ по обыкновенію своему на ономѣ переночевать, и запасшись плодами на дорогу, вдругѣ вода, по которой онѣ шелѣ, начала подѣ нимѣ кипѣть, такѣ что жара, производившаго ошѣ нее, не могѣ онѣ стерпѣть, и принужденѣ былѣ подняться на воздухѣ; откуда онѣ увидѣлѣ, что лежащій предѣ нимѣ островѣ находился весь въ дыму и пламени. Подошедѣ къ оному поближе усмотрѣлѣ онѣ, что островѣ сей колеблемѣ былѣ преужаснымѣ землетрясеніемѣ, которое умножалосѣ по всеминутно: вдругѣ превеличайшія его горы съ громомѣ и прескомѣ проваливалися сквозь землю, и оставляли на мѣсто свое глубочайшія пропасти, исполненныя дыма и огня; въ другихѣ мѣстахѣ долины, обремененныя прешолстыми древами, взрывало на воздухѣ, съ превеличайшимѣ стукомѣ, прескомѣ и лопаньемѣ, и поднявшіесѣ ошѣ того песокѣ и пыль, зашмеваѣ свѣтъ, летѣли по всѣмѣ сторонамѣ съ обломками

ками

ками деревъ и каменьевъ. Вой и ревъ животныхъ, присовокупившіеся къ симъ ужасамъ, представляли тогда сей часъ послѣднимъ часомъ, и истиннымъ преславленіемъ свѣта.

Свѣтлосанъ при видѣ сего нестроенія природы остановился, мня себя долженствующимъ уклониться отъ сего острова, и искать другаго; ибо песокъ, щебень и каменья, зашмевавшіе свѣтъ, летѣли даже до него, и начали причинять ему безпокойствіе и вредъ; а далѣе слѣдовавъ и совсѣмъ невозможно казалось, пошому что на всякомъ мѣстѣ острова дѣлалися по пропасти, по взрывы, а вода вокругъ онаго кипѣла какъ въ котлѣ. И такъ Славенскій Князь поворошилъ отъ него вправо, увидя въ сей сторонѣ другой островъ. Но лишь только зачалъ отъ него идти прочь, то и почувствовалъ въ себѣ нѣкую тяжесть, которая пригнѣтала его къ морю; и какъ только спустился онъ на поверхность воды, то и зачалъ въ оной вязнуть и тонуть. Сіе неожиданное приключеніе привело его въ превеличайшее недоумѣніе:

мѣнѣе : онѣ не могѣ понять сему причины , и не зналъ чшо дѣлать. Въ семѣ ево недоумѣніи , вынырнувшій предѣ нимѣ пресстрашный Аллигаторѣ такѣ его испужалѣ, чшо онѣ кинулся отѣ него назадѣ , и къ великому своему удивленію нашелѣ, чшо вода за нимѣ также была для него тверда , какѣ и преждѣ. Сей случай паки заставилѣ его размышлять : онѣ зачалѣ испытывать воду то назадѣ то напередѣ , и на послѣдокѣ увидѣлъ , чшо вода ведшая къ острову была для него тверда , а назадѣ такѣ жидка , чшо не могѣ на ней держаться. Сей случай подалѣ ему мысль думать , чшо не Боги ли сіе чудо дѣлають для понужденія его ити впередѣ , изобразуя можетѣ быти симѣ, чшо онѣ найдетѣ впереди Карачуна; а ежели обратитѣся назадѣ, то спашетѣ отѣ него отдаляться.

Сія мысль такѣ вкоренилась въ него, чшо онѣ предпріялъ ей слѣдовать; поблагодаря сперва Боговѣ за сіе внушеніе, и призвавъ ихѣ въ помощь, обратился назадѣ. Однакожѣ пошелѣ онѣ не прямо къ острову, колебав-

колебавшемся отъ землетрясенія , но влѣво отъ него ; но лишь только поровнявшись съ онымъ хотѣлъ отъ него отдалиться , то опять спалъ вязнуть. Сей случай паки привелъ его въ недоумѣнїе: онъ началъ испытывать воду по всѣмъ сторонамъ , и нашелъ напоследокъ , что она посюду была для него вязка кромѣ той полосы , которая вела къ колеблющемуся острову. Сїе паки ввергло его въ размышленїе , котораго не могъ онъ разобратъ ; но въ семъ сомнѣнїи будучи , увидѣлъ онъ нисходящую молнію съ небесъ , которая стремилась прямо на островъ , и лишь только на оный снисшла , то потрясенїе его вполнѣ уменьшилось. Сїя случайность заставила его мыслить , что на островъ семъ скрывается для него какая нибудь тайнопись , къ открытїю коея сами Боги его привлекаютъ. Утвердясь въ сей мысли пошелъ онъ къ острову , и по шведости пуши удостовѣрился въ томъ наиболѣе.

Но по приближенїи его къ сему острову наконецъ оный воспламенился ,

ся, и горящая пыль, обломки, каменья и цѣлыя глыбы полетѣли на Свѣтлосана больше прежняго. Будучи въ сей крайности старался онъ всячески отъ нихъ уклоняться; но не возмогая успѣшь въ томъ совершенно, по причинѣ множества летѣвшихъ на него камней, вздумалъ онъ отвращать ихъ отъ себя волшебнымъ своимъ мечемъ; и лишь только учинилъ онымъ первое по нихъ движеніе, то къ несказанной своей радости увидѣлъ, что сія сыплющаяся пуча очевидно стала умаляться. Побуждаемый симъ успѣхомъ, началъ онъ поскорѣе идти къ острову, и мечемъ своимъ отвращать и поращать сыплющійся на него щебень, каменья и глыбы, которые по мѣрѣ его поражений часъ отъ часа умалялись. Такимъ образомъ дошелъ до самаго берега по воздуху, увидѣлъ онъ къ своему огорченію, что никакъ не можно было вступить на островъ, по причинѣ умножившагося безмѣрнаго его трясенія.

Онъ остановился опять при семъ рубежѣ, и не зналъ что за-
 чать:

чашь : назадъ не пушчала его жид-
 костъ воды и воздуха , а на берегъ
 вспупись онъ опасался , дабы не
 провалишья , но вообразя , что къ
 сему его побуждаютъ сами Боги ,
 принявъ онъ отважное намѣреніе
 послѣдовать ихъ волѣ , и въ семъ
 первомъ движеніи своея бодрости
 вскочилъ онъ на берегъ , который
 восколебавшись отъ много силънѣе ,
 уронилъ его на земю. Тогда Князь
 подумалъ , что онъ погибъ ; но къ
 превеликой своей радости увидѣвъ ,
 что берегъ сталъ трястися тише ,
 будучи пораженъ при его прико-
 еновеніи волшебнымъ его мечемъ.
 Возставъ отъ земли принесъ онъ
 теплыя моленія Богамъ , благодаря
 ихъ за покровительство , и прося
 продолжиши къ нему свое защище-
 ніе. Между тѣмъ колеблющійся ос-
 тровъ не престававъ возмепать на
 него пламенбующіе камни и глыбы ,
 которые Свѣплосанъ приужденъ
 былъ по всеминутно отъращать сво-
 имъ мечемъ , подвигаяся при томъ
 безпрестанно впередъ. Во время сего
 труднаго его шествія , поднявшеися
 въ одной пропаси , превеликій ра-
 спаленъ

спаленный камень лешѣлъ прямо на Свѣшлосана , чшобѣ сокрушитъ его и лишитъ жизни въ одну минуту. При приближеніи онаго Князь, принеся паки Безсмерпнымѣ свою молитву оспановился , и прицѣлясь на него своимѣ мечемѣ , поразилъ его споль сильно , чшо по удаоѣ своимѣ спопыкнулся и упалъ. Камень разсыпался съ превеликимѣ спукомѣ въ дребезги , а Свѣшлосанѣ , вспавѣ на ноги , былѣ пораженѣ неожидаемымѣ предметомѣ.

Островѣ , колебавшійся престрашно до сей минуты , сдѣлался по вспаніи ево неподвиженѣ , и на мѣсто пламени , дыма и пропащей , былѣ покрытѣ превысокими горами , одѣянными снѣгомѣ и льдомѣ , по срединѣ которыхѣ явился замокъ , сооруженный весь изъ спали , блестящейся на подобіе лучезарнаго камня. Видѣ ево споль былѣ ужасенѣ , чшо онѣ походилѣ болѣе на жилище Нїи , прямой адѣ , въ которомѣ сохраняются казни для беззаконныхѣ человекѣковѣ. О Боги ! вскричалѣ увидя его Князь , вошѣ конечно жилище ужаснаго
 Карачуна .

Карачуна, къ кошорому благоволили вы меня препроводить, не смотря на всѣ ево ухищренія! И когда вы явились въ семъ толико для меня щедры, то пробавьте ко мнѣ въ сей спрациный часъ вашу благость, и помогите мнѣ низложить сего преспрачнаго врага челоуѣческаго рода. При окончаніи ево молишвы небо возгремѣло пресильнымъ образомъ, и тьма молній ниспала на блиспяющій зѣмокъ, кошорый въ пужѣ минушу лишился всего своего сіянія.

Увидя сіе чудо Славенскій Князь, позналъ изъ того ясно, что Небо по немъ побораесть, и уменьшаесть ему труды и опасности. Онъ пролилъ отъ радости слезы, и бросясь на колѣни воздалъ Небожителямъ усерднѣйшія благодаренія и молебны. Окончавъ же свои моленія, пошелъ онъ прямо къ зѣмкю, ль швердомъ будучи намѣреніи или погибнуть, или побѣдишь Карачуна. Но чѣмъ ближе подходилъ онъ къ сему зданію, тѣмъ болѣе изъяслялися всѣ ево ужасности; всѣ онаго стѣны и кровли покрыты были такими преспрачными-

ми чудовищами, что одно смотрѣ-
 ніе на нихъ могло умершвишь про-
 спаго челоуѣка. Но Свѣплосанъ,
 имѣя съ подобными имъ спраши-
 щами многія сраженія, изъ копорыхъ
 завсегда выходилъ побѣднелемъ,
 уповалъ и сихъ съ помощію Боговъ
 преодолѣшь. Чего ради не сомнѣва-
 яся нимало поднялся онъ на воз-
 духъ; ибо инако чрезъ спѣны не
 можно было перейши, а ворогъ ни-
 гдѣ у оныхъ не было. Но лишъ
 шолько поднялся онъ вровень со
 спѣнами, и хотѣлъ чрезъ нихъ
 перелетѣшь въ зѣмокъ, но вдругъ
 всѣ покрывавшіе оной спрашищи
 съ преужаснымъ ревомъ, скрежепомъ,
 и пламеннымъ зїяніемъ, устремилея
 къ нему въ такомъ множествѣ, что
 зашмили весь оголо него свѣплъ. Ка-
 кою бодростію и мужесствомъ ни
 былъ вооруженъ Свѣплосанъ, и
 какъ проворно ни защищался сес-
 имъ мечемъ, но на концѣ множе-
 ство ихъ начало его преодолѣвань.
 Вскорѣ попомъ драгоцѣнный его
 мечъ вышибло у него изъ рукъ, и
 къ совершенію его несчастія, одинъ
 изъ наилоуцѣйшихъ сихъ спраши-
 щъ

лицу сорвалъ у него съ ноги
Сандалю , коея лилася Князь , не
могъ болѣе держаться на воздухѣ ,
и полетѣлъ спиремглавъ на землю ,
которую увидѣвъ онъ разверзшуся
на подобіе ужасныя хляби , изъ коея
выходило пламя , гошное претво-
ришь его мгновенно въ прахъ.

При видѣ сея блискія смерти ,
Славенскій Князь лишился всей своей
бодрости , и столько лишь сохранилъ
въ себѣ мужества , чтобъ предать без-
боязненно душу свою Богамъ . На-
противъ чего Карачунъ , имѣвшей
тогда видъ гнуснѣйшаго и ужас-
нѣйшаго страшнаго лица , возрадовался
и восплескалъ своей побѣдѣ , и въ
пущее посрамленіе Свѣтлосану , при-
нявъ на себя почный свой видъ , и
приказавъ скрыться всѣмъ слѣдова-
вшимъ за нимъ чудовищамъ , погнался
одинъ съ саблею за Свѣтлосаномъ ,
чтобъ имѣть лютое удовольствіе
умертвить его самому , во время его
паденія , и мертваго уже низринуть
въ приготовленную сему Князю про-
пасъ.

Онъ догналъ его вскорѣ , крича
ему ругаяся : постой , любимецъ

Безсмертныхъ: постой, и воспріими отъ меня доспойное награжденіе за свою дерзость. Но разгнѣванные Боги лютоспію сего злодѣя, обратили самому ему во зло его надмѣнность. Ибо гдѣ ни взявшись превеликій крылатый змѣй, держащій во рпу своемъ предлинный каменный ножъ, подхватилъ летящаго Свѣтлосана къ себѣ на спину, и шѣмъ самого его привелъ въ состояніе напасть на Карачуна. Князь видя къ себѣ толь явную Божескую помощь, выхватилъ ножъ изъ змѣиныхъ пасти, и не упуская ни мало времени напалъ на своего злодѣя, не ожидавшаго отнюдь сего нападенія, и вонзивъ ему оный ножъ во грудь, повергъ его мертва.

По семъ его храбромъ дѣяніи вострепещала вся земля, громъ, пѣма, молній, и сгущенный мракъ возмутили всю природу, и не оставили нигдѣ ни малаго свѣта и спокойства. Успрашенный вѣзапно стію сея бури Свѣтлосанъ, не зналъ что о томъ помыслишь, и что начашь; какъ вдругъ, по недолгомъ продолженіи сего нестроенія, увидѣлъ

дѣлъ себя на пространной и изпещренной благовонными цвѣтами долинь, и подѣлъ себя зяня своего Вельдюзя. Онѣ обомѣлъ отъ радости при видѣ шоль любезнаго челоука: несказанное восхищеніе объяло ево душу: онѣ бросился къ нему въ объятія, и отъ радости на силу могѣ промолвить слово. Вельдюзь равномѣрными объятъ былъ чувствіемъ въ разсужденіи его, и не могѣ порядочно извяснить ему своихъ мыслей въ первомъ движеніи своего воспорга. На конецъ облобызавъ другъ друга, и извѣя всѣ ласки дружбы и родства, сѣли они потомъ на праву, чпобѣ удовольствовашъ себя взаимно разсказаніемъ своихъ приключеній. Сперва Сеѣшлосанѣ объявилъ о своихъ похощденіяхъ; а потомъ началъ разсказывашъ Вельдюзь свои приключенія слѣдующимъ порядкомъ, объявя вкратцѣ о томъ, о чемъ уже вѣдалъ ево шуринѣ.

*

*

*

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ВЕЛЬДЮЗЕВЫ.

Когда люшый Карачунъ , говорилъ онъ , обманувъ бѣднаго Видоспана подъ образомъ Китайца , похищилъ его изъ зѣмка , тогда я , и всѣ ево придворные , искавъ его по всюду тщетно , такъ какъ и мнѣмаго Богдоханова сына , не знали что опомъ заключить , какъ вдругъ увидѣли на полу въ залѣ , въ кошерую тогда всѣ мы собралися , начертанное золошыми буквами имя Карачуново. При видѣ сего всѣ мы возгласили сѣ проклятое имя , и не сомнѣвались уже болѣе , чтобъ не имъ былъ похищенъ великодушный нашъ Видоспанъ. Къ гореспи , объявшеи тогда наши сердца , присокупилися страхъ и опасность , чтобъ и намъ самимъ не попастъ подъ власть сего ужаснаго чародѣя. Чего ради положили мы всѣ совокупно , чтобъ не выходишь вонъ изъ зѣмка , пока не узнаемъ чего о Видоспанѣ ; ибо мы увѣрены были , что въ зѣмкѣ намъ Карачунъ ничего не сдѣлаеть , по причинѣ завороженаго Видоспанова кабинета.

Но

Но одна кожъ безопасность моя въ семъ случаѣ была мнѣ бесполезна, какъ ты теперь самъ услышишь.

Спустя двѣ недѣли по похищеніи Видостановъ . скучился я сидѣть въ комнатѣ, и вздумалъ прогуляться въ саду, что я и учинилъ стояжъ минулы, не объявивъ о томъ никому изъ придворныхъ. Епо случилось подъ вечеръ. Благо-разтворенность воздуха, и прельщающіе предметы Видостанова сада, произвели во мнѣ пріятную задумчивость, въ которой будучи ходилъ я очень долго, и наконецъ былъ изъ нее изпоргнутъ пріятнымъ пѣніемъ Кслибріи. Я оглянулся шуда, откуда слышалъ ея голосъ, и увидѣлъ, что она сидѣла отъ меня недалеко на землѣ. Видѣ ея сколько мнѣ прелеспенъ показался, что я вознамѣрился ее поймать; чего ради и пошелъ за ней, чтобъ исполша ея схватить. Но чѣмъ ближе я къ ней подходилъ, тѣмъ больше она отъ меня отдалялась, перепрыгивая впередъ помаленьку. На послѣдокъ дошелъ я съ нею до слѣны сада, раздѣляющей его съ

Ж 4

полемъ :

полюмъ: ппичка вскочила на стѣну и запѣла, а я между шѣмъ, подкравшись попихоньку, схватилъ ее за хвостъ. Но лишь только сіе учинилъ, какъ съ превеликою силою былъ ею поднятъ на воздухъ, и выпущенъ вонъ изъ сада; и малая Колибрія превратилась въ тотъ же мигъ въ превеликаго строуса. Тогда то, въ чрезвычайномъ моемъ удивленіи и ужасѣ, позналъ я, что подался въ руки ко страшному моему злодѣю.

И въ самомъ дѣлѣ ешо былъ Карачунъ: онъ принялъ тотчасъ любимый свой видъ, преспрашнаго и прегнуснаго Волопа; и схватя меня въ преогромныя свои руки, поднялся со мною на воздухъ. Онъ опомчалъ меня въ минуту весьма далеко отъ замка, и поровнявшись со мной надъ каменною горою, сказалъ мнѣ свирѣпымъ голосомъ: слабый и дерзновенный врагъ! неужели ты думалъ, что Карачунъ оставитъ тебя спокойна по претерпѣніи отъ тебя обиды? Нѣтъ, ешова подлова чувствованія ячуждъ, и великой моей душѣ едино мщеніе пристойно и угодно. Избавишель твой

твой

твой уже наказанъ, присокову-
пилъ онъ; познай и ты въ свой рядъ
дѣйствіе моего гнѣва. Выговоря сіе
бросилъ онъ меня съ воздуха на ка-
менную гору, произнося сіи слова:
когда уже по власти немилосер-
дыхъ Боговъ не можно мнѣ моихъ
враговъ умершвляшь, такъ по край-
ней мѣрѣ превратися въ такое гнус-
ное живошное, чпобъ жизнь швоя въ
ономъ была тебѣ горчае смерти, и
пребудь во странномъ видѣ до са-
мья моя кончины. Адъ голосъ ево
услышалъ, и Боги, за несправедли-
вое мое убіеніе неповинныхъ Князей,
на зложеланіе ево соизволиши. Я
упалъ на объявленную мною гору,
и разбишися почти въ дребезги, пре-
вратился въ скорпію.

Представь себѣ, любезный мой
Свѣтлосавъ, говорилъ Полошскій
Князь, какая горестъ довлѣла тог-
да объяшь мое сердце! Я охотно
соглашался тогда умереть, чпобъ
избавишся только отъ шоль гнус-
наго вида; но не имѣя силы шого
исполнишь, принужденъ былъ по-
виноваться злему моему року. Чув-
ствуяжъ чшо сами Небожители на

сіе попускають, предпріялъ я повинувашься ихъ волѣ, и по предписанію ихъ помогать несчастнымъ, есшлы возмогу найши къ тому случаю. И въ самомъ дѣлѣ не долго я онаго искалъ: нбо по нѣсколькихъ дняхъ пресмыганія моего по лѣсамъ, набрелъ я нѣкогда на шайку разбойниковъ, кои ограбля извѣстнаго тебѣ Древлянскаго Князя, привязали его къ дереву, и одинъ наилучшій изъ нихъ хопѣлъ его застрѣлить, то я въ самое то время ужалилъ его смертельно въ ногу; и нѣмъ одного наказалъ за безчеловѣчіе, а другаго избавилъ отъ смерти. Сіе мое дѣяніе не оставили милосердые Боги безъ награжденія: я получилъ тогда же видѣ ворона, и въ семъ образѣ подиался совершенно освободити отъ смерти Ошана, привлекии тебя къ нему. Боги не оставили меня и за сіе безъ воздаянія: я превратился въ зайца, и въ семъ новомъ видѣ имѣлъ счастье спасти тебя отъ львовъ, разтерзавшихъ твоего коня.

Какъ мнѣ желалось тогда содѣлаться паки человекомъ, чтобъ
обло-

облобызать себя, и раздѣлать съ тобою всѣ твои труды, дражайшей мой собственникъ; но судьба моя тому еще противилась, и превратя меня въ соловья, увлекла меня на помощь той дѣвицѣ, которую похитилъ сгazanной тобою разбойникъ. Вотъ какъ это происходило. По превращеніи моемъ въ сію птичку, почувствовавъ въ себѣ нѣкое стремленіе летѣть на Индійское море, направилъ я шуда мой полетъ, и по нѣкоемъ времени прилетѣлъ на одинъ изъ его острововъ. Сѣвъ на дерево, и начавъ осматривать сію прекрасную страну, услышалъ я визгъ производившей недалеко отъ того мѣста, гдѣ я находился, я обративъ шуда глаза увидѣлъ, что мужчина, свирѣпаго вида, держалъ въ своихъ рукахъ прекраснаго лица дѣвицу, и хотѣлъ силою похитить у нее то, что свойственно снискивать однимъ только услугами и ласками, или полновѣсными червонцами, самопряпо свойству красавицы. Дѣвушка кричала изо всей силы, и рвалась у него изъ рукъ, однакожь силы

ея

ея не соопвѣтствовали ея невинности; и разбойникъ конечно бы ее преодолѣлъ, еспльибъ не послали Боги меня къ ней на помощь. Ибо, будучи пронувъ слезами и несчастьемъ сея неповинныя красавицы, пожелалъ я опъ всего моего сердца ей помочь, и вдругъ увидѣлъ себя превращенна, несомнѣнно по волѣ всемогущихъ Боговъ, въ свирѣпаго тигра. Лишь только принялъ я сей видъ, то и кинулся на разбойника, и не давъ ему времени справиться, разтерзалъ его почти до смерти. Дѣвушка между тѣмъ убѣжала на морской берегъ, находившейся недалеко отъ насъ, успрашася меня, и боясь и себѣ подобной же участи, какую имѣлъ и разбойникъ; но свойство и образъ тигра даны мнѣ были для наказанія злодѣйства, а не для покаранія невинности. Я побѣжалъ за нею, чтобъ сохранить ее отъ опасностей, могшихъ ей приключиться; а она увидя меня бѣгуща за собою, испужалася того пуще, и бросилася въ отчаяннѣ своемъ въ море; я кинулся шакже шуда за нею, и увидѣлъ себя опять пре-

превращенна въ Дельфина. Получа сей видъ, подплыль я шопчасъ къ сей дѣвицѣ, и подхващя ее къ себѣ на спину, понесъ ее по морю, будучи влекомъ неѣдомою мнѣ силою, и чрезъ нѣскольکو часовъ привезъ ее къ берегу ея родины.

Какъ только она вышла на оный, то и была шопчасъ окружена знакомцами и сродниками своими; ибо городъ ихъ стоялъ подлѣ самаго берега. А я, не имѣя нужды больше шуть мѣдлить, погрузился въ море, и плавая нѣскольکو времени во глубинѣ онаго, нашелъ свой мечъ, я его шопчасъ узналъ, и думая что шы какимъ нибудь случаемъ находишся на семъ море, или лучше сказашъ, влекомъ будучи силою Всевышнихъ, поднялся я на поверхность водъ; и въ самое то время паки имѣлъ счастлие спасти себя отъ гонящагося за шобою Карачуна. Едва шы выхватилъ уменя свой мечъ, какъ погрузился я паки во глубину, и почувствовавъ въ себѣ нѣкую премѣну, увидѣлъ на конецъ что я уже не Дельфинъ, но морскій левъ. Не странна мнѣ была
сія

сія перемѣна, ибо къ чуднымъ симъ презращеніямъ имѣю уже я привычку. Я возблагодарилъ Богомъ, что они способствовали мнѣ избавить столько людей отъ напасти, и просилъ ихъ и впредь меня употреблять въ шаковымъ же помощамъ. Молища моя была не тщетна, любезный мой шуринъ, говорилъ Вельдюозъ Свѣплосану; я тебѣ опять помогъ промысливъ тебѣ кустъ Кокусовыхъ орѣховъ. Послѣ чего превратяся въ морскаго орла, и будучи побуждаемъ Богами, способствовалъ я тебѣ разрушить очарованіе Левсила; допомъ, по ихъ же побужденію, вынырнувъ предъ симъ островомъ въ видѣ Аллигатора, принудилъ тебя слѣдовать къ сему острову; и на послѣдокъ превратяся въ крылатова змїя, и нашедъ на здѣшнемъ острову каменный ножъ, полетѣлъ къ тебѣ на помощь, и имѣлъ послѣднее и наибольшае всѣхъ удовольствіе. Помочь тебѣ противу общаго нашего врага и злодѣя.

Сказавъ сіе паки бросилъ онъ лобызашь Свѣплосана, котораго, услышавъ

льшавъ сколько разъ помогалъ онъ ему , и спасалъ его отъ смерти , еще болѣе былъ шѣмъ шронуть ; онъ не возмогъ порядочно ему возблагодарить, будучи восхищенъ великодушїемъ его; но только проливалъ радоспныя слезы , лобызая его и превознося: что было для Вельдюза сладостнѣе всякаго вишїйства. Оба вкушали они тогда величайшую радость , видя и лобызая другъ друга, какъ были вдругъ приведены въ прїятнѣйшїй восторгъ , увидя идущаго къ себѣ Видоспана. Всѣ шрое возгласили они имена одинъ другаго , и бросилися ко взаимному облобызанїю. Числѣйшая радость обьяла ихъ души: они всѣ совокупно вѣщали другъ ко другу, изьясняя восхищенїя свои и восторги ; сіе смѣшенїе гласовъ было для нихъ тогда наипрїятнѣйшимъ согласїемъ , и превосходнѣйшимъ всякїя музыки , исчадїя скуки и роскоши.

Но не успѣли еще они наскшпиться лицезрѣнїемъ другъ друга, какъ Вельдюзъ и Видоспанъ вскричали , какъ будтобъ чего испужа-
ясь:

ясь: Свѣшлосанъ подвѣялъ шуда очи, ошкуду казался производить ихъ страхъ, и увидѣлъ идуща къ себѣ Липоксая въ томъ безобразнѣйшемъ видѣ, въ каковомъ узрѣлъ онъ его въ пещерѣ. Князь обрадовался ему чрезвычайно, и пошелъ къ нему на встрѣчу, между шѣмъ какъ Полочанинъ и Индѣецъ стояли въ удивленіи. Липоксай бросился въ ноги Славенскому Князю, благодаря его за освобожденіе свое отъ узъ и мученія. Свѣшлосанъ, чшобъ не оставить другихъ долѣе въ безызвѣстїи, разсказалъ имъ вкратцѣ ево исторію, и шѣмъ лишилъ ихъ всякаго страха; ибо они подумали было сперва, что это былъ Карачунъ, оживленный силою своихъ чародѣйствъ. Но Липоксай ихъ увѣрилъ, что онъ погибъ точно; ибо зловѣщеніе его соединено было съ ево смертію.

По семъ пріятномъ увѣреніи, пали они всѣ на землю, принося благодарственную молитву Безсмертнымъ за избавленіе свое отъ страшнаго Карачуна. Послѣ чего начали они вопрошать другъ друга,
 Та,

га, что съ ними сдѣлалось во время ихъ разлуки ; и когда Свѣплоганъ и Вельдюзъ рассказали свои приключенія , тогда Видостанъ объявилъ имъ о своихъ слѣдующее.

Моя исторія не очень долга , говорилъ онъ : когда въ послѣдній разъ обманулъ меня въ саду злоковарный Еоюпъ , и злые его прислужники, бросивъ въ желѣзную колесницу , помчали меня по воздуху съ необычайною скоростію , то вдругъ очутился я на семъ страшномъ островѣ , среди безчисленнаго множества прегнусныхъ чудовищъ. Минуту спустя явился и Карачунъ : онъ имѣлъ испуганный и свирѣпый зракъ. Злодѣй ! сказалъ онъ мнѣ , ежелибы сила моя равна была моему мщенію , то сея же бы минуты ты, и опасные твои друзья, были онъ меня преданы наимучительнѣйшей казни ; но когда сего удовольствія несправедная Судьба меня лишаетъ , такъ по крайней мѣрѣ восприми видъ единого изъ сихъ чудовищъ , и пребудь въ ономъ до моего издыханія. По сихъ

ужасныхъ словахъ ударилъ онъ меня своею дубиною , и превратилъ въ самаго гнуснѣйшаго спрашилища. Вы можете себѣ представишь, государи мои, говорилъ Индїянинъ слушателямъ своимъ , сладостно ли мнѣ было влачишься въ полъ гнусномъ видѣ по сему ужасному оспорову , воспоминаая первое великолѣпное мое состояніе ! По всеминутно возсылаалъ я молитвы Богамъ, чшобъ они или опняли жизнь мою , или бы возвратили мнѣ прежній мой видъ и состояніе ; однакожъ долго принужденъ я былъ сего ждать ; и можетъ быть никогда бы сего не дождался , есльибъ побѣда твоя , лишивъ жизни общаго нашего врага , не возвратила мнѣ прежняго вида и свободы. А какимъ образомъ получилъ я ихъ паки, и какія имъ обстоятельсшва предшествовали , сіе также доспойно вашего любопытсшва, и для того разскажу вамъ о томъ въ короткихъ словахъ.

За день до пришествія твоего сюда, продолжалъ онъ обращаться къ Свѣшлосану , предсталъ передъ меня Карачунъ во свирѣпомъ и опчаян-

чаянномъ видѣ , препровождаемый
шестью единоголазыми Исполнами ,
кошорые держали въ рукахъ своихъ
тяжелыя желѣзныя цѣпи. Не говоря
мнѣ ни слова , приказалъ онъ по-
слѣдователямъ своимъ оковать меня
ими , и шагнувъ на высочайшую го-
ру , споявную прямо противу ево
зѣмка. И когда мы на оную прибы-
ли , тогда сей волхвъ приказалъ ме-
ня , къ оной приковать. Ты уча-
стникъ моего злодѣя , сказалъ онъ
мнѣ попомъ , кошорый приближаеш-
ся сюда для нападенія на меня. Судь-
ба опредѣлила одному изъ насъ зав-
тра умереть : и ежели буду я по-
бѣжденъ , то ты воспримешь паки
свой видъ , и я погибну невозвра-
тно со всѣмъ моимъ знаніемъ. Но еже-
ли буду я столько счастливъ , что
хитросли мои превозмогутъ силу
моего врага , то непременно умрешь
онъ отъ моей руки , со всѣми своими
единомышленниками , въ коихъ чис-
лѣ находишься и ты : ибо такъ опре-
дѣлила владычествующая надъ Бо-
гами Судьба. Въ теперешней моей
крайности , присовокупилъ онъ ,
принужденъ я и тебя опасаться ,

слабый врагъ! дабы не подалъ ты какія помощи моему сопостату; и для того пребудешь ты въ сихъ оковахъ по шѣхъ поръ, пока швоя или собственная моя смерть не избавитъ тебя отъ оныхъ. Сказавъ сіе онъ исчезъ, и купно съ нимъ спрашныя ево прислужники, а я остался въ превеликой горести и боязни, не столько о своихъ дняхъ, сколько о жизни того Выпязя, который шелъ, по словамъ Карачуна, наказати его за ево тиранство.

Весь остатокъ того дня, и наибольшую часъ слѣдующаго, провелъ я въ безпрестанномъ страхѣ о будущей моей судьбѣ, и въ принесеніи неусыпныхъ моливъ Безсмертнымъ. На послѣдокъ на другой день, когда солнце начало склоняться къ своему захожденію, усмотрѣлъ я страшную перемѣну на островѣ: замокъ Карачуновъ отъ глазъ моихъ сокрылся, а на мѣсто онаго увидѣлъ я обширное облако пламени и дыма, спремящееся на высоту, и будшобъ изрыгаемое землею. Послѣ чего весь островъ пришелъ въ превеликое движеніе: горы ево

его исчезали, а горы воздымались; однимъ словомъ глазамъ моимъ представилося преужасное землетрясение; хотя въ самомъ дѣлѣ было сіе ничто иное, какъ обманъ Карачуновъ, дабы тебя усмрашишь, и недопустишь до своего жилища; что я послѣ совершенно узналъ, когда Боги вспомоществуя тебѣ, дражайшій мой Свѣтлосанъ, ниспустили пьму молній на сей островъ, то въ самый потъ мигъ нестроеиіе его исчезло, и онъ паки воспріялъ прежній свой видъ.

Въ потъ самый часъ и тебя я увидѣлъ на островѣ. продолжалъ онъ говорить Свѣтлосану, приносяща мочи пву Безсмертныгъ, и гоповащася напасъ на замкъ. Между шѣмъ Карачунъ собиралъ всѣхъ своихъ люпныхъ прислужниковъ, копорые имѣли прегнусные и преспрашныя виды. О какъ тогда, примолвилъ Индіянинъ, трепетало мое сердце, волнуяся между страхомъ и надеждою! Чѣмъ ближе подходилъ пш къ замку, шѣмъ больше увеличивалась моя боязнь, и шѣмъ сильнѣе вооружался на тебя Евѣопъ.

опь. На послѣдокъ когда ты поднялся на воздухъ , дабы вступишь въ замокъ , тогда Карачунъ , имѣвшей видъ прелюпѣйшаго чудовища , бросился на тебя со всѣми своими прислужниками , и окружилъ тебя со всѣхъ сторонъ. Я бросился на землю , проливая слезы , и умоляя Боговъ ниспослать тебѣ свою помощь , не спущая однакожь съ глазъ тебя и твоихъ враговъ. Разсуждая по лютой ихъ ярости , силѣ и множеству , не могъ я насгаться своею побѣдою ; да и конечно бы ты погибъ , если бы сами Боги тебѣ тогда не помогли ниспосылая безчисленные молніи , кои поражая чудовищей , приводили ихъ въ безсиліе.

Наконецъ , къ превеликой моей горести и ужасу , увидѣвъ я , что низшедшая громовая стрѣла , вышибла у тебя изъ рукъ мечъ , который въ паденіи своемъ превратился въ длинный ножъ , и вскорѣ послѣ того тебя упала , и полетѣвши стремглавъ на низъ. Я обернувшись отъ страха увидя сіе , и подумавъ , что сами Боги согласились на твою гибель ; но вскорѣ усмо-
трѣвъ

трьблъ мою ошибку, увидя преславную тебѣ ихъ помощь. Ибо коль скоро усмотрѣлъ Карачунъ, что ты ниспадаешъ въ приготовленную имъ тебѣ пропасть, то возгордясь заранѣе своею побѣдою, воспріялъ испинный свой видъ, и погнался за тобою съ саблею, чтобъ имѣнь удовольствіе самому тебѣ умершвишь; но Боги сію ево гордость вскорѣ посрамили. пославъ тебѣ на помощь крылатого змія, сыскавшаго превращенный пивой мечъ въ ножъ. кошорымъ ты вооружасъ, поразилъ гонившагося за тобою Карачуна, и съ жизнью ево окончилъ всѣ ево злодѣйствы и злоумышленія.

Какъ же скоро ты его пронзилъ, продолжалъ Индіянинъ, то тыма молній низшедшихъ съ небесъ, сожгла ево шѣло на воздухъ въ прахъ; а замокъ ево, со всѣми чудовищами, провалился сквозь землю съ великимъ шумомъ, отъ чего поднявшаяся пыль и дымъ отъ молній запылили весь воздухъ, и скрыли тебѣ отъ глазъ моихъ. Въ тогдашней моей радости палъ я на землю,

млю,

млю , принося жарчайшее благода-
реніе Безсмертнымъ , за дарованіе
тебѣ побѣды надъ общимъ нашимъ
врагомъ. Послѣ чего почувствовавъ
въ себѣ легкость , всталъ я отъ
земли, и увидѣлъ себя, къ несказан-
ной моей радости, безъ оковъ и въ
прежнемъ моемъ человѣческомъ ви-
дѣ. Я паки повергся ницѣ, возсылая
благодарственное моленіе Небесамъ,
сотворшимъ со мною сіе чудо.

Между тѣмъ прочистившейся
отъ мрака воздухъ, явилъ очамъ мо-
имъ, на мѣсто Корачунова замка и
его ужасовъ, прекрасную долину, и
тебя сидяща на оной самдругъ. Я
бросился къ вамъ бѣжать , чѣмъ
облобызать тебя , любезный мой
Свѣтлосанъ , и возблагодарить те-
бѣ , яко виновнику , за мою свободу
и разрѣшеніе отъ очарованія. Къ
совершенію же моея радости , на-
шелъ я съ тобою и любезнаго мое-
го Вельдюзя , котораго я мнилъ
давно уже погибша. Сказавъ сіе
бросился онъ паки къ лобызанью ,
изъявляя имъ наилучшимъ и
лучшимъ образомъ искренность своего
дружества.

какъ побѣдѣ твоей надъ Карачу-
номъ и его смерти , кошорую зна-
меновали Небеса пресильнымъ полъ
громомъ. Тогда возрадуясь и воз-
благодаря Безсмертнымъ, помогшимъ
тебѣ изложить сего преспрашнаго
злодѣя, пошелъ я тебя искашь прямо
на сей островъ, думая тебѣ конечно
здѣсь найми, въ чемъ я и не ошибся.

Ахъ : вскричалъ тогда Видо-
станъ , къ совершенному моему
благополучію ничего инаго теперь
не достаеиъ кромѣ оживленія моихъ
подданныхъ : и я бы блаженнѣй-
шимъ себя почелъ, ежелибъ и они,
подобно мнѣ , получили прежнюю
свою свободу и видѣ. Не сомнѣвай-
ся и въ етомъ , сказалъ ему. безо-
бразный Духъ , они конечно ожив-
лены; ибо не думаю я, чшобъ мило-
сердые Боги попустили Карачуна
очаровать ихъ на вѣкъ. Но ежели
ты хочешь увѣдашь о семъ подлин-
нѣе , примолвилъ онъ , то я тебѣ
отнесу въ твой замокъ, или столи-
цу , сей же часъ , естли сіе тебѣ
угодно. Ахъ : любезный мой Липок-
сай , возопилъ къ нему Индѣецъ ;
ты бы симъ меня несказанно одолг
... : жвалъ ;

жилъ; и какъ мнѣ ни горестно будетъ разстаться съ сими любезными Князьями, но скажу искренно, что чувствую въ себѣ больше желанія увидѣть моихъ подданныхъ, такъ какъ чадъ моихъ и ближнихъ, что имѣть удовольствіе подавать имъ помощь во всѣхъ ихъ нуждахъ, каковыхъ могутъ они ожидать отъ своего Самодержца. Славенскіе Князья, одобрявъ добродѣтельное ево желаніе, просили Духа обѣщаніе свое исполнить; и возблагодаря сему Государю за угощеніе, какое они отъ него имѣли, простились съ нимъ во слезахъ, обѣщавъ другъ другу вѣчную дружбу и воспоминаніе. Послѣ чего Липоксай, взявъ его въ свои объятія, понесся съ нимъ по воздуху, и скрылся отъ нихъ въ минуту: ибо наступавшая тогда ночь воспрепятствовала имъ далеко слѣдовать за нимъ глазами.

Свѣтлосанъ и Вельдюзь, оставшись на острову одни, имѣли свободу изъяснить другъ другу свои чувства: первое Вельдюзево слово было о Милославѣ. Я ее нашелъ въ Карачуновомъ замкѣ, отвѣтствовалъ

валъ ему Князь; но увы! любезный другъ, она безъ чувствъ; любимый вохвъ лишилъ ее, такъ какъ и всѣхъ ея подругъ, всякаго движенія. При семъ извѣстїи Полоцкїй Князь обомлѣлъ отъ ужаса; онъ нереспрашивалъ многократно о семъ случаѣ, и не могъ упѣшиться, пока Свѣтлосанъ, хопя и самъ о томъ сокрушался, не подалъ ему нѣкоея оспрады, обѣщавъ просить Липоксая, чпобъ онъ приложилъ всѣ свои силы привесить ее въ прежнее чувство. По семъ объявилъ онъ ему и о своей любви, которую почувствовалъ онъ къ прекрасной незнакомкѣ. Сии два обстоятельствова подали имъ случай говорить весьма долго, такъ что въ разговорахъ сихъ засталъ ихъ Липоксай.

Сей Духъ увѣдомилъ ихъ, что Видоспанъ дѣйствительно нашелъ въ замкѣ и въ спюлицѣ подданныхъ своихъ оживленными, и въ прежнемъ ихъ видѣ, и принявъ былъ отъ нихъ съ чрезвычайнѣйшею радостїю; и что онъ сожалѣлъ о томъ только, что не имѣлъ сихъ двухъ Князей участниками

никами и свидѣтелями своего удовольствія. Сія вѣдомость обрадовала Славенскихъ Князей; они воздали благодареніе Богамъ, моля ихъ совершить и свое благополучіе, возвращая имъ сродниковъ ихъ и друзей. Послѣ чего предложили они Липоксаю, чтобъ и ихъ перенесъ въ замокъ похищенныхъ Карачуномъ красавицъ; при чемъ изъяснили они ему, что и они опасаются въ свой рядъ, дабы очарованіе ихъ любезныхъ не пребыло вѣчно. Не опасайтесь сего, сказалъ имъ Скиевъ, при опнесеніи Видостана путь мой былъ черезъ сей замокъ, и я дѣйствительно примѣшилъ въ ономъ движеніе людей, и въ комнатахъ огонь, потому что уже тогда гораздо смерклося.

Сія пріятная вѣсть въ несказанное привела восхищеніе Князей: они ни минушы не хотѣли мѣдлить на пустомъ островѣ, и просили одушевленнаго Скиеа опнести ихъ туда поскорѣе. Липоксай съ охотою имъ повиновался, и подхватя ихъ обѣихъ на свои руки, понесся съ ними быстрѣе вихря. Немѣленно

перелетѣли они разспоянїе, раздѣ-
 лявшее ихъ отъ замка, и прибыли
 на островъ, обитаемой красавца-
 ми. Они дѣйствительно увидѣли
 всѣ покои освѣщенны огнями, и по-
 лучили отъ того твердѣйшую на-
 дежду. Нимало не мѣдя вошли они
 въ комнаты, и въ прешей избъ
 оныхъ, къ несказанному своему удо-
 вольствїю, увидѣли ходящаго и
 разговаривающаго Левсила съ Ми-
 лославою, и съ прекрасною незна-
 комкою, окруженныхъ толпою дру-
 гихъ дѣвицъ.

Свѣплассанъ побуждаемый род-
 ствомъ, а Вельдюзь любовью, бро-
 сился къ Милославѣ, дабы обло-
 бызатъ ее; но нечаянный ихъ при-
 ходъ, и страшный видъ Липоксаевъ,
 привели всѣхъ въ смятенїе и страхъ;
 многїя изъ дѣвицъ лишились чувствъ
 отъ ужаса, понѣя Липоксай Кара-
 чуномъ. Смятенные случаемъ симъ
 Князья кинулися къ нимъ на по-
 мощь, прося сопутника своего Ду-
 ха удалиться изъ комнаты, пока
 не приведутъ въ прежнее чувство
 дѣвицъ, и не увѣрятъ ихъ о безо-
 пасности. Липоксай удалился, а
 Свѣшло-

Свѣтлосанъ и Вельдюзь , вспоможе-
спвваемые Левсиломъ , познавшимъ
вскорѣ Князя , приложили всѣ свои
силы къ приведенію въ чувство
Милославы , и прочихъ дѣвицъ , въ
чемъ и успѣли наконецъ совершенно.

Не можно изобразить радости ,
какую почувствовала Милослава
увидя брата своего и жениха : едва
она паки не обмерла отъ объявшаго
ее восхищенія , при видѣ столь лю-
безныхъ ей особъ. Бросясь въ объ-
ятія своего брата , пролила она ис-
шочникъ слезъ , лобызая его и тре-
пещая отъ радости : равномѣрное
чувствіе показала она и къ Вель-
дюзю , который самъ отъ восхище-
нія чуть не умеръ. На конецъ ко-
гда первые ихъ восторги нѣсколько
поутихли , и Свѣтлосанъ увѣрилъ
свою сестру , и прочихъ дѣвицъ ,
что Карачунъ точно погибъ , объ-
явя припомъ вкратцѣ свою , Вель-
дюзеву и Скиѣову исторію , тогда
совершенно всѣ обнадѣялись , и поз-
воляли призвать въ комнату Ли-
поксая. Видѣ ево никому уже не
причинилъ ужаса ; но напрошивъ
шого Милослава , и прочія дѣвицы

съ нею. воздавая Богамъ безчисленныя благодаренія , не имѣли радости своей предѣла , освобождаясь отъ ужаснаго и наилютѣйшаго своего Тирана. Послѣ чего окружа Свѣтлосана со всѣхъ сторонъ , и называя его избавителемъ своимъ и благодарителемъ , приписывали онѣ ему шьму похвалъ и благодареній : а онѣ съ своей стороны , отвѣчая имъ ласками и учтивостями на ихъ благодарности, обѣщала всѣхъ возвратить въ ихъ дома. Сіе обѣщаніе наипаче умножило ихъ радость и веселіе , коихъ восторги продержали ихъ безо сна во всю эту ночь. Между шѣмъ Славенскіе Князья просили Милославу рассказать , что съ нею приключилось во время ея съ ними разлуки , въ чемъ она потчасъ и удовольствовалась ихъ слѣдующими словами.

*

*

*

при-

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МИЛОСЛАВИНЫ.

Когда по волѣ всеишьныхъ Боговъ снизшедшее густое облако, похипивъ меня изъ брачнаго храма, понесло по горизонту съ необычайною скоростію, по страхъ и быспрошекущій воздухъ, лишивъ меня дыханія и чувствъ, привелъ въ такое безпамятство, что я ничего не чувствовала по самыхъ пѣхъ поръ, пока принесена будучи на нѣкопорый пустыный островъ, не освобождена была отъ моего безпамятства холоднымъ вѣтромъ, который дулъ тогда съ моря. Отворя смущенные мои глаза, увидѣла я себя на берегу морскомъ, окруженномъ отовсюду густымъ лѣсомъ. Наступавшая тогда ночь представила сіе мѣсто глазамъ моимъ гораздо ужаснѣе, нежели каково оно было въ самомъ дѣлѣ. Я обмерла при семъ видѣ, и не знала что зачать въ такомъ ужасномъ обспоятельствѣ. Первое мое прибѣжище было къ Небесамъ, но когда Небо не соотвѣтствовало моему моленію, то вдалася я въ слезы

и рыданіе. Весь берегъ наполненъ былъ моимъ воплемъ; но ни какова не нашлось мнѣ на немъ помощника. Въ сей жестокой крайности хотѣла я броситься въ море; но трясущаяся мои ноги отказались мнѣ довести меня до онаго; я хотѣла лишиться себя жизни руками; но и слабыя мои руки не имѣли тогда силы подняться. На послѣдокъ, по безплодномъ моемъ покушеніи на жизнь, по горькихъ слезахъ моихъ и стenanіи, шаъ я обезсила, что повалясь на землю безъ памяти, пробыла въ семъ жалкомъ состояніи до другаго дня.

По возхожденіи солнца опамятовалася я опять, и слезы пакн полилися изъ глазъ моихъ: на послѣдокъ, поплакавъ обильно, встала я, и пошла не зная сама куда: ноги мои завели меня въ пріятный лѣсокъ, коего благовонные плоды приманили на себя мои глаза; и на конецъ любопытство и голодъ склонили меня сорвать ихъ нѣсколько, и утолить мой алчъ. По семъ слабомъ утѣшеніи моего горести, проходила я весь пошъ день
шуда

туда и сюда, льстясь сыскашь себѣ нѣкое утѣшеніе. Такимъ образомъ препроводила я день, а при наступленіи ночи, будучи объята страхомъ ошляпыхъ звѣрей, кои хвмнила бышь на семъ островѣ, старалась я найти себѣ нѣкое убѣжище, и наконецъ по счастію моему нашла пещеру, въ которой и ночевала въ безпрестанномъ находясь спрехованіи. Подобно сему препровождала я и другіе дни на семъ островѣ

На послѣдокъ черезъ нѣскольکو времени была я обрадована прибытіемъ Сильфа, посланнаго Превращою меня сыскашь, какъ вы ешо сами знаете, примолвила она Князьямъ слушающимъ ее. Я сочла сей день наиблаженнѣйшимъ; но вскорѣ учинился онъ для меня наимучительнѣйшимъ въ моей жизни. Вы вѣдаете уже, продолжала она воздохнувъ, какъ ошлялъ меня тогда у Сильфа люпый волшебникъ, налешѣвшей на насъ на зіяющихъ Аспидахъ; и какъ онъ потомъ ниспровергнулъ шебя, любезный мой Князь, говорила она обращая слово

къ

къ Вельдюю. Умы! продолжала она, тогда то мнила я истинно умереть, лишася всякїя къ свободѣ надежды, и чая тебя мертва. Я обмерла отъ ужаса и горести, и въ семъ состоянїи принесена была въ здѣшній замокъ. Гнусный мой похищитель, старался подать мнѣ помощь, и возвратилъ мнѣ вскорѣ прежнее чувство, посредствомъ своихъ чародѣйствъ. Послѣ чего вставъ предо мною на колѣни, открылъ мнѣ свою любовь, жамяся изо всей силы; и стараяся меня прельстить, ласкалъ мнѣ наиподѣлѣйшимъ образомъ, и обѣщалъ меня сдѣлать владычицею цѣлыя вселенны. Представьте себѣ, любезные мои Князья, продолжала Милослава, съ какимъ духомъ могла я тогда принять такое объявленіе, видя передъ собою прескареднаго Арапа, и припомъ еще карла. Ежели бы находилась я въ прежнемъ благополучномъ моемъ состоянїи, то непременно бы я разхахаталася на сей гнусный предметъ; но въ тогдашней моей горести смѣхъ мнѣ на умъ не пришелъ, а на мѣсто

СТО

сто его опчаяніе и ярость. Злодѣй! вскричала я ему, съ какими глазами осмѣливаешься ты мнѣ епо говоришь, погубя мучительнѣйшимъ образомъ любезнаго моего супруга? Нѣтъ, варваръ! не жди отъ меня ничего, кромѣ непримиримая ненависти и мщенія. По семъ, произнеся ему шьму ругательствъ, побѣжала я въ другую комнату, мня отъ него уйши. Но гдѣ бы возмогла я скрышья отъ ево злобы, примолвила она, ежели бы праведное Небо не положило предѣловъ его варварству? Ибо я проведала на послѣдокъ отъ живущихъ здѣсь дѣвицъ, что онъ ни одной изъ нихъ не осмѣливался учинить ни малѣйшаго насилія; изъ чего мы заключили, что само Небо защищаетъ нашу невинность отъ сего ужаснаго чародѣя.

Сей гнусней уродъ не надѣясь уговорить меня въ первый разъ, опложилъ сіе до другаго времени, и провалился тогда же изъ замка. А я оставшия на свободѣ, и ходя по великолѣпнымъ здѣшнимъ комнатамъ, вошла наконецъ въ одну

ну

ну украшенную больше всѣхъ прочихъ. Осмапривая удивительныя ея украшенія , увидѣла я вдругъ спящую на ссфѣ дѣвицу : видѣ ея сколько мнѣ милъ показался , что я съ самой той минуты почувствовала къ ней великую любовь и дружбу, и опредѣлила искать всѣми силами и съ ея стороны къ себѣ того же. Я остановилась сколько желая на нее наглядѣться , сколько и для того , чтобъ не попревожить пріятнаго ея сна. Но я не долго ожидала ея пробуда , она вскорѣ проснулась , и усмотря меня изумилась, видя во мнѣ себѣ незнакомую. Я желая ее вывести изъ ея смущенія, подошла къ ней, и извиня мой приходъ , просила ее простить меня въ неумышленномъ нарушеніи ея сна. Она отвѣтствовала мнѣ на то весьма ласково и учтиво. По оказаніи же другъ другу взаимныхъ вѣжливостей, сѣли мы съ нею , и вскорѣ разговорились о нашихъ приключеніяхъ. Я ей рассказала мои , а она о себѣ обвѣила , что она Аѳинянка , именемъ Асіада , и происходитъ отъ древняго

древняго рода Царей, коихъ колѣно
отъ самыхъ баснословныхъ времъ в
ведетъ свое начало. Похищеніе ея
Карачуномъ случилось ей во вре-
мя прогуливанія въ саду; и что и
она испытала многократно отъ се-
го гнуснаго Карла лъбовныхъ на-
паденій, но всегда отъ него освобо-
ждалась ругашельствами; или луч-
ше сказать, помощію всесильныхъ
Небесъ. Она присовокупила къ тому,
что когда онъ осмѣливался далѣе
простирашь любовныя свои нахаль-
ства, то завсегда становился не-
движимъ, или обѣмлемъ ужаснымъ
колошлемъ; что завсегда принуж-
дало его удаляться отъ нее по-
гожъ часа.

Такимъ образомъ разговаривая,
познакомилась я съ нею, и на ко-
нецъ такъ подружилась, что не раз-
лучалась уже съ нею ни на минуту,
что и самъ ты, я чаю, примѣтилъ,
любезный мой братъ, говорила Кня-
жна Свѣплосану, когда засталъ ты
насъ здѣсь совокупно лишенныхъ
чувствъ; и сія любезная моя подруга,
ещь самая сія особа, продолжала
она указывая на прелестную незна-
комку.

ромку. Восхищенный симъ извѣстїемъ Свѣтлосанъ, что любовница ево была прїятельницею ево сесирѣ, получилъ отъ него, новую себѣ надежду, что любовь ево не будетъ опринуша. Онъ сдѣлалъ ей при семъ случаѣ весьма учтивое прївѣщїе, на которое Асіада отвѣчала равнобѣрнымъ образомъ. По окончанїи жъ съ обѣихъ споронъ взаимныхъ вѣжливостей, Милослава продолжала слѣдующимъ порядкомъ.

И такъ препровождали мы съ нею вмѣстѣ все время пребыванїя нашего здѣсь. Когда приходилъ къ намъ Карачунъ, то засиживалъ насъ всегда обѣихъ совокупно: онъ старался насъ разлучить; но только всѣ ево ухищренїя были тщетны. И когда пыпался онъ склонить насъ соопвѣщивованїемъ ево любви, то мы на прошивъ того старались его упрашивать возвратить насъ въ наши дома; но завсегда какъ ево, такъ и наши старанїя были безплодны. Онъ не могъ склонить ни одной здѣсь дѣвицы къ своей любви; а на прошивъ того ни одна изъ насъ не

МОГЛА

могла испросить у него себѣ свободу. Но на послѣдокъ такъ мы ему наскучили, что онъ сталъ къ намъ весьма рѣдко ъздить, чему мы несказанно были рады.

На конецъ въ нѣкоторый день, сидя съ прекрасною Асіадою, и прогоняя нашу скуку разговорами, вдругъ мы услышали въ переднихъ комнатахъ преогромную музыку: мы сему весьма удивились, и желали узнать пому причину; но къ несчастію нашему узнали мы о томъ на собственнѣй нашъ счетъ. Ибо какъ скоро музыка сія дошла до нашей комнаты, то вдругъ, почувствовавъ въ себѣ чрезмѣрную слабость, мы обмерли и пробыли въ семъ состояніи до шѣхъ поевъ, какъ ужасный громъ возвратилъ намъ всѣмъ прежнюю память. Въ сіе самое время увидѣли мы передъ собою незнакомаго человека: мы подумали сперва, что это Карачунъ, принявшей на себя другій видъ: но онъ скоро вывелъ насъ изъ сего мнѣнія, объявивъ вкратцѣ свою исторію, и что онъ освобожденъ отъ своего очарованія Славенскимъ Княземъ, который пошелъ

шелъ искать Карачуна , дабы его
 истребить. О какъ мы сему обрадо-
 вались, любезный мой братъ! гово-
 рила Милослава Свѣтлосану ; а осо-
 бливо я , какъ ты самъ можешь се
 вообразить. Я начала тотчасъ раз-
 спрашивать Левсила о его избави-
 телѣ, и на конецъ увѣрилась совер-
 шенно , что сей Славенскій Князь
 есть самой ты. Вообрази себѣ, дра-
 жайшій мой Свѣтлосанъ, какое дол-
 женствовало быть мое восхищеніе !
 Я побѣжала по всѣмъ комнатамъ ,
 чтобъ созвать всѣхъ моихъ сооби-
 тательницъ, и рассказать имъ, что
 мой любезный братъ пошелъ искать
 лютаго Карачуна , чтобъ истре-
 бить его , и освободить насъ всѣхъ
 отъ его тиранства. Сія вѣдомость
 привела ихъ всѣхъ въ несказанную
 радость: мы окружили всѣ Левсила,
 чтобъ разпросить у него о тебѣ
 подробнѣе, въ чемъ онъ насъ и удо-
 вольствовалъ ; присовокупя еще къ
 тому , что надеется уже и побѣ-
 жденна бытъ Карачуна, приводя въ
 доказательство тому наше оживле-
 ніе , и слышанный имъ сильный
 громъ и безчисленный блескъ мол-
 ній.

вѣй , что онъ приписывалъ помощи
всесильныхъ Боговъ.

Обрадованная сею вѣстїю , воз-
дали мы благодаренїе Безсмертнымъ;
и надѣясь твоего сюда прибытїя ,
опредѣлили не спать всю нынѣшнюю
ночь. И къ дополненїю совершен-
ная наша радости и благополучїя
дождались тебя дѣйствительно ,
дражайшей нашъ избавитель. Ска-
завъ сіе бросилась она паки его об-
нимая со всею нѣжностію сестры,
приписывая ему шьму похвалъ и
благодаренїй. Князь опвѣщивовалъ
ей со всѣми знаками брашнаго го-
рячности, увѣряя ее, что она одна
была причиною его путешествїй ,
и понесенныхъ имъ трудовъ.

Въ сяхъ и подобныхъ сему раз-
говорахъ заснулъ ихъ восходящїй
Свѣшвидъ. Упомленные Князя и
дѣвицы , поговоря еще нѣсколько ,
согласились на конецъ разойтис-
я для отдохновенїя , что и учинили
немѣдленно. Дѣвицы разошлись по
своимъ спальнямъ , а Князя и Лев-
силъ легли въ залъ на софахъ , ко-
ими она была украшена; но Липок-
сай, яко Духъ, пребылъ безо сна ,и

вознамѣрясь учинить Свѣтлосану новую услугу, вышелъ вонъ изъ комнатъ во время ихъ спанья.

Свѣтлосанъ, Вельдюзь и Левсилъ проспали почти до самаго вечера, по приближеніи коего были они разбужены Милославою. Сдѣлавъ имъ обыкновенное привѣтствіе, предложила она имъ прогуляться въ саду, на что они съ охотою и согласились. Прошедъ великое число комнатъ, украшенныхъ наивеликолѣпнѣйшимъ образомъ, пришли они на послѣдокъ въ одну, уславленную подлѣ стѣнъ покойными широкими креслами. Милослава просила своихъ послѣдовательей сѣсть на оныя, и спукнуть въ полъ ногою. Лишь только они сіе учинили, то и поднялись всѣ на верхъ, и очутились вдругъ въ прекраснѣйшемъ саду, который находился на поверхности покоевъ. Удивленные симъ Славяне спрашивали Княжну, какимъ образомъ сіе учинилось. Самымъ проснѣйшимъ, отвѣчала она, какъ вы сами ещо видѣли; чтожъ касается до устройенія сихъ машинъ, то ещо не мое, а Карачуново дѣло.

КОШО-

который, не хотя выпустить насъ изъ замка, устроилъ всѣ сїи великолѣпія и гульбищи для насъ; и намъ стоить только ударить въ полъ, чтобъ быть въ саду: а какъ мы получаемъ тамъ пищу, епо вы теперь же увидите Послѣ чего просила ихъ слѣдовать за собою: они ей повиновались, и прошедъ нѣсколько накрывовъ, пришли на послѣдокъ въ пространную бѣсѣдку, коея стѣны украшены были благовонными и прекраснѣйшими цвѣтами. Послѣдователи Милославины нашли въ ней всѣхъ дѣвицъ, которые находились въ замкѣ Сїи красавицы поздравя ихъ наивѣжливейшимъ образомъ, просили ихъ сѣсть за столъ, который находился уже въ готовности, хотя не было на немъ ни одного кушанья. Какъ скоро сѣли всѣ за оный, то дѣвицы захопали въ ладоши, и вдругъ превеликое множество явилось на столѣ разнаго наипрелестнѣйшаго кушанья и напитковъ. Вотъ какъ подчивалъ насъ всегда Карачунъ, сказала Милослава своимъ госпямъ: намъ только стоило захопашь въ ладо-

ши и пожелать, что все то пред-
сказавалось намъ въ шуже минушу.
Такимъ образомъ, продолжала она,
получаемъ мы и другія всякія по-
требности.

Сказавъ сіе, просила она своего
брата, Вельдіозя и Левсила отвѣ-
дать, чѣмъ ихъ подчивалъ Кара-
чунъ. При воспоминовеніи имени сего
волхва, зашла у нихъ рѣчь о всѣхъ
его злодѣйскихъ дѣлахъ: всѣ изъ со-
причастствующихъ старались на пе-
рвыя ево злословить; причемъ каж-
дая изъ красавицъ рассказала, какъ
была похищена симъ лютымъ чаро-
дѣемъ. На послѣдокъ въ числѣ по-
хищенныхъ сыскалась и Чердана:
она не могла безъ слезъ вспомнить
своея разлуки съ любезнымъ своимъ
Селиномъ, но Свѣтлосанъ вскорѣ ее
утѣшилъ, обѣщавъ опослать ее не-
мѣдленно въ ея опечесство. Сіе обѣ-
щаніе подало ему мысль вспомнить
о Липоксаѣ: онъ началъ о немъ спра-
шивать у всѣхъ, но никто не могъ
его въ помъ удовольствовать. Сла-
венскій Князь весьма симъпеча-
нился; но въ самое то время уви-
дѣлъ его вошедша въ бѣсѣдку съ
Бори-

Бориполкомъ: Свѣплосанъ закричалъ отъ радости и удивленія, и бросился къ нему на встрѣчу. Онъ обнялъ дружески своего любимца, и просилъ его сказать, какое неожиданное счастье возвратило его къ нему. Бориполкъ, по оказаніи ему съ своей стороны равнобѣрной радости, увидѣвъ паки благодѣтеля своего и Государя, рассказалъ ему вселѣдующее.

*

*

*

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ОСТАНА И БОРИПОЛКА.

Возвращеніемъ моимъ къ тебѣ, Государь, одолженъ я сему благопріятиспвующему тебѣ Духу; чтожъ надлежишь до прочаго моего приключенія, то и въ семъ шебя сейже минуши удовольствую. Послѣ чего будучи приглашенъ къ столу, и сѣвъ за оный, началъ разсказывать свою повѣсть такимъ образомъ. Когда мы яроспію свирѣпья бури лишились нашего корабля, и погрузили
въ

въ море, то по счастію нашему я и Останъ ухватились за большой отломокъ отъ сокрушеннаго нашего корабля, и шѣмъ спасли животъ нашъ. Какъ насъ ни били ярящіяся воды, однакожъ мы на немъ усидѣли, и добралися до нѣкошораго острова. гдѣ по счастію нашему стоялъ корабль, принадлежащей Персидскому купцу, кошорый присталъ къ сему берегу по причинѣ бури. Жалкое наше соспояніе склонило корабельщика принять насъ на корабль, на кошоромъ и отправились мы немѣдленно какъ скоро утихла буря. Плаваніе наше было скоро и благополучно: мы прибыли на конецъ въ Персію, въ кошорой не много помѣшкавъ, отправилися пѣшкомъ, по причинѣ нашей бѣдности, въ Болгарію, гдѣ мы надѣялись сыскашь кого нибудь изъ нашихъ одноземцовъ, и помощію его свѣхатъ въ Славенскъ. Но сихъ прудовъ вскорѣ мы избавились, щедрою Безсмертныхъ, слѣдующимъ образомъ.

На пупи нашемъ изъ Персіи, приставъ въ одной корчмѣ, нашли

мы

мы путешественниковъ одѣтыхъ и говорящихъ по Славенски : сей случай заставилъ насъ осведомиться объ нихъ хорошенько. Мы завели съ ними разговоръ, сбывая о себѣ, что и мы также Славяне. Одинъ изъ нихъ, который казался старѣе и почтеннѣе прочихъ, весьма ласково съ нами общелся : онъ началъ разговаривать съ нами весьма учтиво, пригласилъ насъ къ своему столу, и старался узнать о нашемъ состоянїи. Мы отвѣтствовали ему съ начала коротко и глухо; но послѣ, будучи преклонены искренностїю его ласкъ и увѣщанїй, сказали ему всю правду, кто мы таковы. Коль скоро выслушалъ онъ Останову исторїю, то вспавъ по яжъ минуши, палъ предъ нимъ въ ноги, и поздравя его Княземъ Древлянскїя земли, объявилъ, что Тиранъ завладевшей его престоломъ, за ужасныя свои свирѣпости къ народу, сверженъ съ онаго, и умерщвленъ позорною смертїю; послѣ чего Древлянскїй народъ узнавъ объ Останѣ, что онъ еще живъ, учинилъ всеобщїй приговоръ, чтобъ разо-
 - Часть III, К зошлаше

вслать по всѣмъ землямъ на рочныхъ для его сысканія, изъ котораго числа посланныхъ находился и сей почтенный шарикъ.

Обрадованный Останъ шоль неожиданымъ себѣ счастьемъ воздалъ благодареніе и хвалу Безсмертнымъ, а шогожъ дня поѣхалъ въ свою Державу, прося меня ему сошоваищесшвовашъ, и обѣщая послѣ оправишь меня въ Славенскъ, на что я и согласился. Путь нашъ до самаго Искореста не былъ ни чемъ задержанъ, и мы весьма скоро пріѣхали въ сію столицу Древянъ. Ничего нельзя представилъ лестнѣе для Государя, какъ любви его подданныхъ: сіе испыталъ тогда Останъ самымъ дѣломъ. Какъ шолько извѣстались въ Икорестѣ, что онъ прибылъ, то весь городъ устремился его встрѣчать, и одни шолько немощные остались въ домахъ. Гласъ народнаго вопля и плесканій возмутилъ весь воздухъ, такъ что и птицы не могли онаго перелетѣть не упавъ Юнаго Князя препроводилъ народъ въ Княжескій домъ, и на третій день, въ продолженіе без-

безпрерывныхъ пированій, увѣщали его во храмѣ Перуна вѣнцемъ его предковъ. Такимъ образомъ учинился Ошанъ изъ несчастливаго Князя благополучнѣйшимъ Государемъ.

По окончаніи торжествъ, обыкновенныхъ при такихъ случаяхъ, принесъ Ошанъ плучную жерпву Богамъ; народу облегчилъ подаши, почтенныхъ и заслуженныхъ Древлянь наградилъ чинами и имѣніемъ; однимъ словомъ, онъ не оставилъ никого недовольнымъ, и показалъ въ себѣ достойнаго вѣщеносца. По исполненіи такимъ образомъ первыхъ своихъ обязанностей, хотѣлъ онъ и мнѣ исполнить свое обѣщаніе, чшобъ онъ правитъ меня въ Славенскъ, какъ въ самый шонъ день, когда я находился одинъ съ снѣмъ Княземъ, предсталъ предъ насъ съй благопріязненный Духъ. Мы было сперва его испужались, но онъ потчасъ вывелъ насъ изъ страха и сомнѣнія, разсказавъ въкращѣ свою и швою, государь, исторію. Мы воздали хвалу и благодареніе Небесамъ, за избавленіе

К 2

швое

твое отъ попопленія, и за побѣжденіе шобою Карачуна, и несказанно сему порадовались. Послѣ чего предложилъ мнѣ Липоксай, не хочу ли я тебя, государь, увидѣть. Я съ превеличайшею охотою спалъ его о семъ просить; на прошивѣ чего Османъ весьма опечалился, что не могъ тебя увидѣть въ твоемъ счастіи, и съ тобою раздѣлитъ своего. Въ крайности сей удоволься онъ написать къ тебѣ письмо, которое просилъ меня тебѣ вручить. Послѣ чего просился онъ со мною во слезахъ; а мы ни мало не мѣдя и оправданы въ нашъ путь, которой въ нѣскольکو часовъ и кончили. Сказавъ сіе Бориполкъ, вынулъ Османово письмо, и вручилъ его Свѣшлосану.

Сей добродѣтельный Князь прочтя оное, воздѣвъ очи и руки на небо, воздая хвалу Безсмертнымъ за увѣнчаніе добродушнаго своего друга. Послѣ чего, получаюлько радостныхъ обстоятельствъ, предался онъ веселію, въ чемъ послѣдовали ему и всѣ прочіе. Пированіе ихъ продолжалось далѣе полуночи,
вѣ

въ торжественныхъ пѣнїяхъ, и дружескихъ разговорахъ, въ кошорыхъ припоминая прошедшїя свои несчастїя, вкушали отъ того жи-вѣйшее веселїе, что избавилися ихъ толь благополучно. На конецъ, будучи упомянуты симъ продолжи-тельнымъ веселїемъ, разошлись всѣ для успокоенїя.

На другой день Свѣтлосанъ увѣ-домясь, что въ замкѣ находится великое число драгоценныхъ вещей, предложилъ похищеннымъ краси-цамъ, чтобъ всякая брала изъ оныхъ себѣ то, что ей угоднѣе покажет-ся; ибо онъ вознамѣрился ихъ съ-ими подарками отослать въ ихъ дома. Послѣ сего предложенїя всѣ дѣвушки, кромѣ Милославы, Асїа-ды и Черданы, принялись разби-рать Карачуновы сокровища, благо-даря Князя за сїе позволѣнїе. Онѣ нагрузили себя оными весьма доволь-но; ибо всѣ онѣ были весьма изъ по-средственныхъ богатствомъ домовъ, и рады были, что нашли случай обогатиться на всю жизнь свою. Свѣтлосанъ ни мало ихъ отъ сего не отшрацалъ, но еще побуждалъ ихъ

кѣ шому; и когда уже онѣ удоволь-
 ствовались ими со избыткомъ, по-
 просилъ онѣ Липоксая сдѣлать по-
 слѣднюю ему услугу, опіеся сихъ
 дѣвицъ въ ихъ опчизны. Скиѣ съ
 охотою на сіе согласился, и по проше-
 нію Черданы, взявъ ее первую, и пись-
 мо отъ Свѣшлосана къ Моголу, поле-
 тѣлъ съ нею въ Индію; откуду на
 другой день и возвратился, и при-
 несъ съ собою отъ Абубекира пись-
 мо къ Славенскому Князю, въ ко-
 торомъ сей Императоръ чрезвычай-
 но много благодарилъ его за возвра-
 щеніе ему Селина и Черданы. Ибо
 увѣдомилъ онѣ его въ ономъ, что
 его сынъ за нѣсколько дней предъ
 тѣмъ вдругъ ожилъ, вскричавъ имя
 Свѣшлосаново, почему онѣ и заклю-
 чилъ, что конечно посредствомъ его
 Боги возвратили жизнь Селину, по-
 казавъ рукою Славенскаго Князя
 злобнаго Карачуна, что ему по-
 томъ подтвердилъ и Липоксай,
 принесъ къ нему Чердану. Скифъ
 съ своей стороны объявилъ, что
 Императоръ предпріялъ принести
 за сіе Богамъ тучную жершву, и
 торжесшвовашъ паки бракъ сына
своего

своего съ Черданою , и праздновать ихъ возвращеніе цѣлый мѣсець. Славенскій Князь, и всѣ прочіе, весьма сему порадовались , ожидая подобно и своего возвращенія въ отечество. Но чтобъ сдержать слово перзѣе всего дѣвицамъ , то Князь просилъ паки Липоксая отнестъ ихъ немедленно, куда кошорой потребно, что онъ и учинилъ, и разнесъ ихъ всѣхъ въ нѣсколько дней по ихъ отчизнамъ и домамъ, въ кошоромъ числѣ былъ и Левсилъ.

Между тѣмъ Славенскій Князь, горя любовію къ прекрасной Асіадѣ , но не смѣя ей о томъ открытъ изъ почтенія къ ней , объявилъ о спраси своей Милославѣ , прося ее предложить прелестной ея подругѣ о любви ево къ ней ; и что онъ пылая къ ней числѣйшимъ огнемъ, не безглавія ея ищетъ, но хочетъ созкупить судьбу свою съ ея священнымъ союзомъ. Княжна, любя своего брата, немедленно согласилась на ево прозьбу, и тогоже дня объявила о томъ Асіадѣ. Прекрасная Аѣинянка при семъ объявленіи покрылася прелестнымъ

румянцомъ, и мало помолчавъ, сказала слѣдующее Милославъ, начавъ рѣчь свою глубокимъ вздохомъ. Я предъ шобою не должна скрываться, любезная моя пріятельница, а наипаче когда ты сама искренна со мною. Твой достойный братъ равноѣрно и мое плѣнилъ сердце, и я бы наисчастливейшею себя почла, когда бы возмогла назваться его супругою; но жестокая моя судьба великую препону межъ нами учинила. Я имѣю отца и мать, опягченныхъ великою древностію, почитающихъ во мнѣ все свое благополучіе, и которыхъ оставишь почитаю я наивеличайшимъ беззаконіемъ. Ты ихъ не оставишь, сказалъ вошедъ къ нимъ Свѣтлосанъ, и вспавъ предъ нею на колѣни, ты ихъ не оставишь, прекрасная Асіада, они послѣдуютъ намъ во Славенскъ, и будутъ тамъ первые по моемъ родителѣ. Къ симъ словамъ присовокупилъ онъ сколько прозбъ и убѣжденій, что Асіада не могла болѣе сопротивляясь, и обѣщала ему любовь свою и руку. Послѣ чего предло-

жилъ

жилъ ей Князь, чшобъ не самой ей къ нимъ отбыть, помощію Липоксая, но послашь его къ нимъ одного, и объявя имъ все общество, согласишь ихъ ъхать или къ нимъ въ замокъ, или во Славенскъ, и ожидашь ихъ тамъ, на что Аѳинянка охотно и согласилась.

И такъ коль скоро Липоксай окончилъ все свои путешествія, то Свѣплосанъ, рассказавъ ему все дѣло, просилъ его отправиться въ Аѳины для сысканія родителей Асіадиныхъ, чшобъ склонить ихъ на желаніе любящихся. Скнебъ съ охотою обѣщался сіе исполнить, и поспѣлъ пояжъ минушы. Онъ не долго находился въ своемъ пути, и вскорѣ возвратясь, принесъ весьма печальную вѣсть для Асіады. Онъ объявилъ ей, что ея родители, пораженные нечаяннымъ ее лишеніемъ, вскорѣ по похищеніи ея скончались, и что все оставшееся послѣ нихъ имѣніе разграблено алчными ихъ сродниками и знакомцами. Сіе ужасное извѣстіе несказанно опечалило Асіаду:

она вдалася въ слезы и воздыханія, и пребыла въ ономъ непреклонна, сколько ее ошъ того ни отвращали; и по нѣсколькихъ уже дняхъ умѣрила она печаль свою, къ чему наиболѣе способствовали прозъбы и ласки ея любовника и подруги.

Между тѣмъ въ нѣкоторый день, когда Свѣтлосанъ находился одинъ, явился ему свѣтозарный Духъ, тотъ самый, кошорый нѣкогда избавилъ его отъ Карачуна. Князь увидя его палъ предъ нимъ на колѣни, а Духъ произнесъ къ нему слѣдующія слова: На конецъ бѣдъ твоихъ своего окончатся, по своему желанію, и по волѣ Небожителей: и общій вашъ врагъ побѣжденъ тобою. Однако вѣдай, что сіе учинено не твоею рукою: непреоборимыя силы Безсмертныхъ помогали тебѣ во всѣхъ твоихъ трудностяхъ, и сошворили тебя побѣдителемъ. О смертный! вспомяная всѣ твои и сродниковъ твоихъ прешедшія бѣдствія, не забуди никогда, коль жестоко наказуешься безчеловѣчіе, и колико чедовѣколюбіе награждаешься славою

и благоденствіемъ. Опныиѣ ни какое бѣдствіе не оскорбитъ твоего рода, естли онъ самъ не огорчитъ Безсмертныхъ какимъ беззаконіемъ. Тебѣжъ послѣднее оспалося шеперь учинишь благодѣяніе челоувчеству: разрѣши Липоксая отъ закланія, каковымъ наказанъ онъ отъ всемогущія Судьбы. Произведенныя имъ волшебныя вещи погибли всѣ совокупно съ Карачуномъ, и не оспалося уже во свѣтѣ ни единого волшебника, могущаго приключать бѣдствія челоувкамъ. И такъ возврати успокоеніе Липоксаю, что ты можешь учинишь брося въ него оспавшуюся у тебя Сандалію. А о возвращеніи своемъ во Славенскъ не безпокойся; ты будешь завтра же во ономъ съ сестрою твоею, и со всѣми прочими.

Сказавъ сіе Духъ изчезъ, а на мѣсто его предспалъ Липоксай; онъ повергся въ ноги Свѣтлосану, прося его исполнить то, что повелѣно ему отъ вѣстника Безсмертныхъ, о чемъ и онъ отъ онаго былъ также извѣщенъ. Князь ни мало не мѣдя сыскалъ Сандалію, копорая

У

у него была спряшана, и возвращенъ къ Липоксаю повергъ ее въ него. Лишь только она ему коснулась, то въ самое то время одушевленный Скиѳъ воспрепепалъ, и въ тотъ же мигъ разсыпался весь прахомъ и съ Сандаіею. Тогда Свѣплосанъ, падъ ницъ на землю, принесъ хвалу Богамъ, за скорое разрѣшеніе отъ мученій сего несчастнаго, и за безчисленные благодѣянія, каковыя самъ онъ отъ нихъ получилъ посредствомъ сего Скиѳа. Послѣ чего побѣждалъ онъ къ сестрѣ своей, которую нашедъ вмѣстѣ съ Асіадою, Вельдюземъ и Бориполкомъ, рассказалъ имъ подробно о явленіи ему вѣстника Боговъ, и о разрѣшеніи Липоксаевои. Услышавъ сіе воздали они всѣ благодареніе Небесамъ, радуясь о скоромъ своемъ возвращеніи въ отечество, о коемъ обнадежилъ ихъ свѣплосарный Духъ.

Весь остатокъ того дня провели они въ несказанной радости, восхищаяся будущимъ своимъ счастьемъ; но наконецъ сонъ прекратилъ ихъ восторги. И когда наслаждались они пріятностями онаго, тогда

Сла•

Славенскій Князь пораженъ былъ слѣдующимъ сновидѣніемъ, Ему представилося, что онъ лешишь на густомъ облакѣ по горизонту, и видитъ передъ собою блистающаго ото всѣхъ сторонъ мужа, покровеннаго бѣлыми одеждами, и который слѣдующее изрекъ къ нему слово. Возлюбленный Богами смертный! Познай всю ихъ къ тебѣ щедроту; познай Бѣлбога, покровителя добродѣтельныхъ людей, и испраждующихъ напрасно. Не одинъ Чернобогъ помогалъ тебѣ во трудныхъ твоихъ предпріятіяхъ; я паче и его старался повсюду тебя защищать; и лучезарный Духъ, общій намъ посланникъ, по моему желанію тебѣ являлся. Хотя я вѣчную имѣю съ Чернобогомъ во всемъ распрю, но тебѣ помогалъ я съ нимъ совокупно. Я утѣшилъ своего отца въ печали, объявляя ему о всѣхъ твоихъ обстоятельствахъ, и увѣряя его о несомнѣнномъ твоёмъ возвращеніи. Я тебя направлялъ во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ, благополучно тобою окончанныхъ; и на послѣдѣдокъ, при сраженіи твоёмъ съ Карачу-

рачу.

рачуномъ и его чудовищами, и превращилъ волшебный швой мечъ въ жершвенный ножъ, коего поражение содѣлалъ несравненно сильнѣе всякаго волшебнаго оружія. Твоя добродѣтель меня къ тебѣ преклонила; и ошяынѣ буду я навсегда твоей защитникъ, и рода твоего покровишель. Познавай истинну моихъ словъ по шепершнему моему дѣянїю: ты преносишия шеперь по мсему велѣнїю, со всѣми шесими ближними, въ столицу швсего опещества, и завтра узриши твоего родишеля и народъ швой. Но помни завсегда, что одна истинная добродѣтель снискиваетъ смертннмъ Божеское благоволѣнїе; а злое сердце погубляетъ ихъ и въ животѣ и по смерти. Ты видѣлъ сему примѣръ въ швоемъ родѣ; а паче въ лютомъ Карачунѣ, страждущемъ шеперь въ Геенѣ. Дѣла нечестивыхъ суешны, присовокупилъ онъ, смотри на оставленный тобою замокъ, построенный имъ для ушѣхъ своихъ: въ жизни ево былъ онъ ему уничтоженїемъ и мукою, а по смерти, да вся ево слава погибнетъ съ шу-

шумомъ , ниспровергается онъ по волѣ Судьбы въ единую съ нимъ бездну, и ваше токмо пребываніе во ономъ удерживало его на земли.

Проговоря сіе сталъ онъ невидимъ , а Свѣтлосанъ проснулся , и увидѣвъ дѣйствительно , что онъ несется на воздухѣ съ Милославою, Асіадою, Вельдюземъ и Бориполкомъ, и что оставленный ими замокъ съ превеликимъ трескомъ и шумомъ проваливается сквозь землю. Славенскій Князь, еспревоженный симъ чудомъ, хотѣлъ принести благодареніе Безсмертнымъ, но вдругъ глаза ево ослѣдились сномъ, кошорый паки привелъ ево чувства въ пріятное забвеніе.

Въ семъ состояніи пренесенъ онъ былъ съ прочими въ Славенскъ, во дворецъ Княжескій; и когда первые лучи солнца озарили землю , тогда проснувшись сей Князь, и вспомянувъ свое сновидѣніе , началъ осматриваться по всѣмъ сторонамъ, чтобъ увѣришься въ истиннѣ онаго. И дѣйствительно позналъ онъ тотчасъ , что видѣніе ево было не мѣчтательно : онъ увидѣлъ изъ оконъ городъ Славенскъ, и позналъ

чер-

чертоги своего родителя. Восхищенный радостію палъ онъ на колѣни, принося благодарственныя моленія Безсмертнымъ. Послѣ чего разбудя сестру свою, невѣсту, зашя и оруженосца, которые перенесены съ нимъ были въ одну комнату, объявляя имъ свое сновидѣніе, и дѣйствительность онаго. Сіе извѣстіе равномѣрное произвело въ нихъ дѣйствіе; въ чрезвычайной своей радости воздали они безчисленныя благодаренія Небесамъ; и немѣдленно предпріяли иши къ Богославу, чшобъ и его обрадовать своимъ прѣбышїемъ.

Но лишь только отворили они двери своей комнаты, какъ увидѣли идущаго къ себѣ сего почтеннаго Князя. Онъ былъ предувѣдомлемъ, подобно имъ, Бѣлабогомъ шоя ночи обв ихъ прѣбышїи, и желая въ томъ удостовериться, пошелъ ихъ искать во своемъ дворцѣ. Не можно изобразить радости и восхищенія, каковыми они обвѣты спали при видѣ другъ друга. Добродѣтельный Богославъ, обливаясь радостными слезами, воспрїималъ каждаго въ

своемъ

свои обѣщанія, лобызая въ уста и въ очи ; а наипаче сына своего и дочь не могъ онъ выпустить изъ своихъ рукъ. Онъ принесъ Богамъ на усерднѣйшія благодаренія, и разпрося каждого подробно о его приключеніяхъ, рассказалъ имъ и о своей печали, каковою онъ терзался по разлукѣ съ ними ; и что лишился бы онъ оцъ ие жизни, когда бы благодѣтельный Бѣлбогъ, явсѣ ему во снѣ, не увѣрилъ его объ ихъ здравіи, и о скоромъ возвращеніи, Свѣтлосанъ пользуясь симъ радостнымъ случаемъ, объявилъ своему оццу о любви своей къ Асіадѣ, и просилъ его покорно дозволить ему съ нею сочетаться священнымъ союзомъ, на что Богославъ съ радостию и согласился, похваляя при томъ изрядный его выборъ.

Между тѣмъ какъ сей добродушный отецъ наслаждался веселіемъ, увидѣвъ паки своихъ чадъ, вѣсть объ ихъ прибытіи разлилася пошчасъ по всему городу. Всѣ онаго вельможи пріѣхали пошчасъ во дворецъ: народъ сбѣжался также ошовсюду на Княжескій дворъ, же-

Часть III. Л лая

лая увидѣшь дѣшей своего Госу-
даря, шоль долго пропадавшихъ без-
вѣспно. Вельможи имѣли удоволь-
ствіе первѣе всѣхъ ихъ увидѣть,
и принесъ имъ свое поздравленіе;
послѣ чего Богославъ желая удовле-
творить и народному желанію, и
принести Богамъ достодолжное
благодареніе, приказалъ учредитьъ
въ шопѣ день великолѣпнѣйшую
жертву въ Перуновомъ храмѣ, ку-
да со всѣми своими дѣшми вознамѣ-
рился ити пѣшкомъ, дабы народъ
могъ насладиться ихъ зрѣніемъ. И
какъ скоро донесли ему, что все къ
жертвоприношенію готово, то и
пошелъ онъ во храмъ, сопровожда-
емъ будучи своими дѣшми и всѣмъ
дворомъ. Лишь только усмош-
рѣлъ ихъ народъ, шо шьмы шемъ
радостныхъ гласовъ и плесканій,
наполнили весь воздухъ смѣшеннымъ
шумомъ, такъ что и слышать ни-
чего не можно было. Всякъ изъ на-
рода старался подойти ближе къ
Князьямъ, чшобъ лучше увидѣшь
ихъ именишыхъ особъ, отъ чего ша-
кая сдѣлалася шѣснопа, чшо на-
знау могли дойти до храма.

СКОЛЬКО

Сколько сей храмъ пространенъ ни былъ, но не могъ вмѣстить всего народа ; ибо одни только почтнѣе младенцы и немощные оспалися въ домахъ, а прочіе все сбѣжали на смотрѣніе Княжескихъ дѣтей. На конецъ по прочтеніи первосвященникомъ благодарственныхъ молитвъ, сопровождаемыхъ гласомъ трубъ и бубновъ, приведена была жертва, состоявшая изъ ста бѣлыхъ воловъ, увѣнчанныхъ цвѣтами, и изъ тысячи овецъ и агнцовъ. Первосвященникъ окропя ихъ чистительною водою, и ударивъ священнымъ попоромъ перваго представленнаго ему вола, приказалъ онаго и прочихъ съ нимъ пріуготовить къ жертвоприношенію. По вскрытіи внутренностей, осмошрѣвъ онъ ихъ прилѣжно, и увидѣвъ въ нихъ самыя благополучнѣйшія знаки Божескаго благоволенія, поздравилъ шѣмъ Богослава и его чадъ. По совершеніи же всея жертвы, испуканъ Церуновъ озарился неудобозримымъ сіяніемъ, и гласъ грома поколебалъ весь храмъ, послѣ чего

произшелъ отъ кумира слѣдующій
гласъ.

Въ проступкѣ я швоемъ казнилъ тебя
Только награжу тебя я нынѣ много: ^{коль строго,}
Твой родъ княжиши здѣсь пребудетъ
И не разрушится престолъ швой ^{навсегда,} ни-
Залогомъ въ томъ тебѣ ^{когда;} прехрабрые
Которыхъ подвиги повсюду будутъ ^{потомки,}
Промчится слава ихъ во всѣ ^{громки:} земны
И власшь прострется ихъ на ^{концы,} многіе
вѣнцы.

Сей Божественный гласъ наполнилъ всѣхъ несказанною радостію: тронутый Богославъ сею щедротою Небесъ, обвѣщался повсягодно приносить подобную жертву, что пошомъ и исполнилъ. Послѣ чего будучи поздравленъ отъ всѣхъ жрецовъ и вельможъ, отбылъ во дворецъ въ провожаніи всего двора и народа. По прибытіи въ оный, приказалъ

казалъ онъ учредитьъ великолѣпный пиръ для вельможъ , и всего двора ; а для народа приказалъ поставитъ на многихъ улицахъ столы , изобилующіе всякимъ кушаньемъ и пишьемъ. Подобное сему пиршеству продолжался цѣлый мѣсяцъ , во время коего торжествованъ былъ бракъ Свѣтлосана съ Асіадою , и Мило-славы съ Вельдюземъ ; ибо прежде сихъ послѣднихъ сочепаніе было не докончано, и разрушено гнѣвомъ Небесъ.

Добродѣтельный Богославъ , обрадованный поль многими благопріятными случаями, по претерпѣннй долговременной печали , восхотѣлъ чшобъ и подданные ево возчувствовали подобно ему ево радость ; чего ради приказалъ онъ выпуститъ изъ темницъ всѣхъ невольниковъ , и народу своему оставилъ подаши на цѣлый годъ. Желаяжъ совершенно загладитъ свое согрѣшеніе передъ Богами, не оставлялъ онъ ни единого способнаго случая , оказываясь подданнымъ своимъ всякое благо. Въ семъ спасительномъ попеченіи провелъ онъ въ

Л 3

радости

радоспи всю оставшуюся свою жизнь ; дожилъ благополучно до чадъ дѣшей своихъ : и на концѣ скончался въ мирѣ , завѣщавъ начертать на своей гробницѣ слѣдующую надпись.

О смертный ! соображаяся со обстоятельствоми моея и твоея жизни , соображаяся съ гражданскими , священными и естественными законами , не забуди никогда любить ближняго яко самъ себя

По кончинѣ сего почтеннаго Князя , вступилъ по немъ на престолъ Свѣшлосанъ , и послѣдую всѣмъ ево добродѣтелямъ , прилагалъ все свое попеченіе о содѣланіи своего народа блаженнѣйшимъ во вселенной. Спараніе ево было непощенно : подданные ево учинилися счастливейшими изъ смертныхъ ; и ни одинъ народъ не дерзалъ помыслишь восстать на нихъ войною , говоря слѣдующее : кто можетъ восстать на Боговъ , и великій Славенскъ ! Тако правя мирно добродѣтельный Свѣшлосанъ , учинился ешрацинымъ всѣмъ своимъ госѣдямъ , и пріумножилъ свою Державу , меж-

ду многими другими, Полошскимъ Княжествомъ, по смерти зятя своего и сестры; ибо наслѣдниковъ по нихъ ни кого не осталось. На послѣдокъ доживъ до глубокаго старости, раздѣлилъ онъ обширную свою область своимъ дѣтямъ, и скончался благополучно, почти въ одно время съ своею супругою, будучи оплаканъ горестно не токмо чадами своими, но и послѣднейшимъ изъ своихъ подданныхъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

